

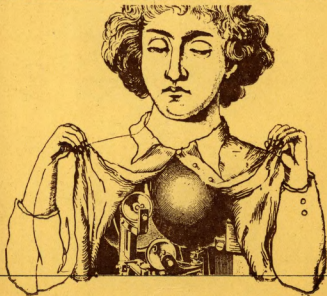
Зарубежная

фантастика

А. АЗИМОВ
ТРИ
ЗАКОНА
РОБОТЕХНИКИ

Сборник научно-фантастических рассказов

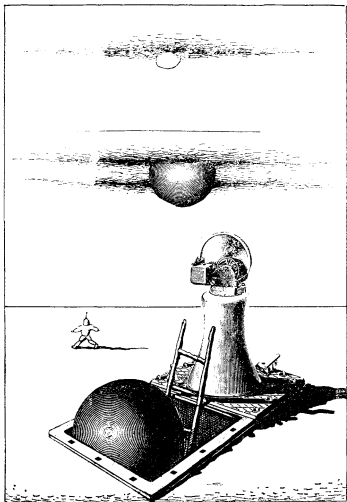
ИЗДАТЕЛЬСТВО • МИР • МОСКВА

Зарубежная

фантастика

Зарубежная

фантастика

А. Азимов

**ТРИ
ЗАКОНА
РОБОТЕХНИКИ**

Сборник
научно-фантастических
рассказов

Перевод с английского
Предисловие д-ра техн. наук
проф. А. В. ШИЛЕЙКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1979

Сб. 3 (Ам)

А 35

Азимов А.

А 35 Три Закона роботехники. Сб. науч.-фантаст. рассказов. Пер. с англ. Предисл. А. Шилейко. М.: Мир, 1979.

400 с. (Зарубежная фантастика)

Кому из любителей фантастики не знакомы знаменитые Три Закона роботехники, разработанные и сформулированные Айзеком Азимовым — крупнейшим американским писателем-фантастом, ученым и популяризатором?

В этой книге собраны вместе ранее выходившие рассказы, посвященные этой теме, которая и теперь не утратила своей актуальности.

Сб. 3 (Ам)

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

4703000000

А $\frac{70304-462}{041(01)-79}$ БЗ-79

© Составление, перевод на русский язык, «Мир», 1979

Люди и роботы

Испокоин веков бунтуют роботы. Бунтовали джинны и ифриты арабских сказок, взбунтовался Голем — глиняное детище хитроумного Беп Бедалеля. И даже настоящие роботы, созданные гением Карела Чапека, вышли из повиновения, едва успев родиться из-под пера писателя. Положение стало настолько серьезным, что проблема бунтующих роботов перекочевала со страниц художественной литературы на страницы научных статей и монографий. Сам Норберт Винер счел необходимым предостеречь человечество от возможных последствий чрезмерной самостоятельности роботов.

Спасение пришло с неожиданной стороны. Американский писатель и ученый Айзек Азимов сформулировал свои знаменитые Три Закона роботехники (собственно, правильное было бы говорить «роботологии» или, как утвердилось в современной науке, «робототехники», но теперь уже пошло исправлять эту неточность перевода). Законы Азимова с понятием фантастической быстротой получили всемирное признание, и с той поры ни один робот не сходил с конвейера, то бишь с барабанов типографской машины, без того, чтобы в его мозг (заметьте, у робота

обязательно должен быть мозг!) не были заложены пресловутые Три Закона. Наконец-то человечество смогло вздохнуть свободно. Будущее сосуществование с легкими покорных роботов представлялось вполне безоблачным.

А что думает по этому поводу сам творец Законов роботехники? Лучший ответ на этот вопрос можно получить, прочтя предлагаемый читателю сборник.

Начнем с самого первого рассказа из цикла «Я, робот». У маленькой девочки есть робот-нянька. Девочка привязалась к роботу, но, по мнению мамы, эта привязанность вредит правильному воспитанию ребенка. И хотя папа придерживается иного мнения, после долгих семейных дискуссий робота отправляют обратно на фабрику. Девочка грустит, возникает опасность серьезной душевной травмы, и робот возвращается (рассказ «Робби»).

Немудреный сюжет, не правда ли? Но именно эта немудрость вдребезги разбивает Первый Закон роботехники, который Азимов сформулировал следующим образом: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Где уж роботу разобраться, что вредно, а что полезно, если сами родители не могут решить этот вопрос применительно к собственному ребенку!

В рассказе «Хоровод» в результате нечетко сформулированного указания Первый и Третий Законы вошли в противоречье друг с другом. Согласно Третьему Закону, «робот должен заботиться о своей без-

опасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам». Роботу была дана команда, но не указана степень вреда, который будет нанесен человеку в случае ее невыполнения. И вот робот кружится по границе опасного района, не углубляясь в него (этому мешает Третий Закон) и вместе с тем не отходя далеко (этому препятствуют Первый и Второй Законы). Ситуация, знакомая любому программисту современных компьютеров. Называется она «зацикливание». К слову сказать, любой мало-мальски опытный программист закладывает в программу специальные команды, по которым, совершив три-четыре круга, компьютер останавливается и требует от человека дальнейших указаний.

В рассказе же «Хоровод» все происходит иначе. Там разорвать порочный круг людям удастся, лишь рискуя жизнью и при этом пуская в ход всю свою изобретательность и пользуясь помощью знатока психологии роботов. Кстати, один из лейтмотивов, объединяющих большинство рассказов сборника, — единоборство между роботами и человеком-робопсихологом Сьюзен Кэлвин.

Или еще один рассказ — «Как потерялся робот». В раздражении молодой работник говорит роботу: «Уйди и не показывайся, чтобы я тебя больше не видел». Робот буквально выполняет указание человека, после чего весь персонал внепланетной Гипербазы вынужден бросить важную работу и целую неделю заниматься поисками исчезнувшего робота.

Мы снова намеренно выбрали рассказ с незатей-

ливым сюжетом, потому что, на наш взгляд, именно в простоте рождается та убедительность, с которой Азимов развенчивает им же созданный Второй Закон роботехники.

Так в чем же дело? Неужели придется признать, что джинн выпущен из бутылки и людям не остается ничего другого, как пассивно ожидать последствий? Вспомним, однако, что автор рассказов не только писатель, но и ученый, способный проанализировать ситуацию со всей логической строгостью. И он не зря выбрал именно такую форму: сначала сформулировал законы, на первый взгляд кажушиеся безупречными как по содержанию, так и по форме, а затем продемонстрировал эти законы в действии.

Да, джинн выпущен из бутылки, причем очень и очень давно. Взяв в руки палку, человек создал первого робота, а с бунтом роботов он столкнулся тогда, когда нечаянно уронил эту палку себе на ноги. И ничего качественно нового с тех пор не произошло. Проблема бунта роботов уже несколько десятилетий как поставлена и решается в технике. В английском языке даже существует особый термин «foolproof» — «защита от дурана». Так, газ в газовой колонке не зажигается, если не течет вода, а пресс не сработает, если в рабочем пространстве имеется посторонний предмет, например человеческая рука.

Но не следует требовать от техники, чтобы она решала за человека, что ему во вред, а что на пользу. И не следует думать, будто появление «мыслящих» машин, то есть машин, способных самостоятельно

анализировать ситуацию и на основании этого анализа принимать решения, внесет что-либо принципиально новое.

Вернемся, однако, к рассказам сборника. Думается, что нет нужды представлять читателям их автора. Айзек Азимов — один из самых известных американских писателей-фантастов, автор множества научно-популярных книг и статей, которые издавались отдельными сборниками. Но прежде всего Азимов — талантливый художник, и именно в этом секрет его популярности. Многие произведения этого писателя переведены на русский язык. Особую известность получили его рассказы о роботах, которые издавались в виде отдельных сборников (цикл «Я, робот») или же включались в другие тематические сборники. Приятно, что многие из них, правда, далеко не все, сейчас переиздаются в виде единого сборника.

Читатель — и знакомый с творчеством Азимова, и впервые узнающий его роботов — встретится с яркими, превосходно выписанными персонажами. Здесь и испытатели новой техники Пауэлл и Донован, которые, следуя всем канонам приключенческого жанра, в каждом рассказе попадают в сложные, подчас безвыходные ситуации, но всегда с честью из них выходят. Здесь и «мозговой трест» фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэвиль Мен Корпорейшн» Богерт и Лэвнинг, соперничающие за власть. И над всеми возвышается робо-психолог Сьюзен Кэлвин, презирающая суетность делая. А за кадром — современная капитали-

стическая Америка во всей ее «красе». Перед читателем проходят картины конкурентной борьбы между фирмами, предвыборных политических махинаций, расовой дискриминации. Но нельзя не отметить, что, изображая своих роботов рыцарями без страха и упрека, наделяя их металлическим телом и позитронным мозгом, Азимов уходит от острых социальных проблем.

Собственно роботов в рассказах Азимова попросту нет. Вернее, в них отсутствуют такие механические конструкции, которые наверняка появятся в первой половине XXI века (а именно к этому времени приурочено действие всех публикуемых в сборнике рассказов) и общие черты которых Азимов, как ученый, мог бы достаточно хорошо предвидеть. Можно сколько угодно гадать о внешнем облике и внутреннем устройстве будущих роботов, но одно уже сегодня не вызывает сомнений: робот не будет человекоподобным. Не будет, следуя логике развития техники, не будет по соображениям элементарной целесообразности. Лучший пример, подтверждающий сказанное, — советские «луноходы».

Что же в таком случае представляют собой азимовские роботы? Это своеобразная декорация, или фон, на котором действуют герои рассказов. В доказательство сказанного приведем только одну цитату из рассказа «Улики»:

«...Если хорошенько подумать, Три Закона роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле.

Конечно, каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий Закон. Каждый так называемый порядочный человек, чувствуя свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего начальника, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля. Он исполняет законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств или подвергают опасности. А у роботов это Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый так называемый хороший человек должен любить своих ближних, как себя самого, вступаться за своих друзей, рисковать своей жизнью ради других. Для робота это Первый Закон».

Вот и раскрылись секреты знаменитых Законов роботехники. В каждом рассказе Азимова робот — это своеобразная шкала, в согласии с которой соразмеряются поступки героев. Прием интересный и очень действенный, а сами рассказы увлекательны и читаются с неослабевающим интересом.

Д-р техн. наук А. Шилейко

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

**Робот не может причинить
вред человеку
или своим бездействием допустить,
чтобы человеку был причинен вред.**

**Робот должен повиноваться
всем приказам,
которые дает человек,
кроме тех случаев,
когда эти приказы противоречат
Первому Закону.**

**Робот должен заботиться
о своей безопасности в той мере,
в какой это не противоречит
Первому и Второму Законам.**

*Из «Руководства по роботехнике»,
56-е издание, 2058 год*

КОГДА ТРЕХ ЗАКОНОВ ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Здесь нет никого, кроме...

Мы не виноваты. Нам и в голову не приходило, что все идет не так, как следует, пока я не позвонил Клифу Андерсу и не поговорил с ним, когда его там не было. Более того, я бы никогда не узнал, что его там нет, если бы он вдруг не вошел как раз, когда я с ним разговаривал по телефону.

Господи, что это я несу — я всегда был отвратительным рассказчиком, мне никогда не удавалось рассказать все по порядку — я слишком возбуждаюсь. Ладно, начну с самого начала.

Я — Билл Биллингс, Клифффорд Андерс — мой друг. Я инженер-электротехник, он математик, и мы оба работаем в Среднезападном технологическом институте. Теперь вы знаете, кто мы такие.

Как только Клифф и я сбросили с себя военную форму, мы занялись вычислительными машинами. Надеюсь, вы представляете, что это за сооружения: Норберт Винер подробно описал их в своей «Популярной кибернетике». Они огромны, несуразны и занимают всю стену. К тому же они дороги.

У нас с Клиффом появились некоторые идеи на этот счет. Понимаете, вычислительная машина громоздка и дорога потому, что в ней полно всяких реле и вакуумных трубок, позволяющих контролировать микроток. В сущности эти микроток и есть самое главное в машине, поэтому...

И вот однажды я сказал Клиффу:

— А почему мы не можем управлять без всего этого проволочного рагу?

Клифф говорит:

— Действительно, почему? — И тут же занялся математическими выкладками.

Каким образом нам за два года удалось получить то, что мы получили, значения не имеет. Важно, что машина, которую мы наконец построили, устроила нам веселую жизнь. Когда мы ее закончили, она была примерно вот такая в высоту, почти такая в длину и примерно такая в ширину...

Ах, да, я все забываю, что вы меня не видите. Придется дать вам размеры в цифрах: около трех футов в высоту, шесть футов в длину и два фута в ширину. Представляете? Ее с трудом поднимали два человека, но все же ее можно было поднять, а это самое главное. К тому же считала она и проделывала остальные фокусы не хуже, чем громадины размером с целую стену. Не так быстро, пожалуй, но мы продолжали ее совершенствовать.

У нас имелись насчет нее свои планы. Грандиозные планы. Мы надеялись, что вскоре вам удастся установить ее на самолетах и судах, а позднее, если удастся еще уменьшить габариты, мы предложим его автомобилистам.

Автомобильный вариант казался нам заманчивее других. Вы только вообразите себе крохотный электронный мозг, смонтированный в рулевое управление и снабженный фотоэлектроглазом. Такой мозг выберет кратчайший путь, предотвратит столкновение, будет послушно останавливать машину на красный сигнал светофора, равняет оптимальную скорость, а ты сиди себе на заднем сиденье и наслаждайся мелькающим за окном пейзажем. Автомобильные катастрофы отойдут в область преданий.

Работа над машиной доставляла нам огромное удовольствие. Когда я вспоминаю, какую радость мы испытывали, решая тот или иной узел, я чуть не плачу от досады — ведь не сними я тогда трубку и не позовни в лабораторию...

В тот вечер я был у Мэри Энн... Я вам о ней рассказывал, не правда ли? Нет? Ах, да, конечно, не рассказывал.

Мэри Энн — это девушка, которая непременно стала бы моей невестой, не существой двух «если». Во-первых, если бы она этого захотела; во-вторых, если бы у меня хватило смелости попросить ее об этом. У нее рыжие волосы и не менее двух тонн энергии, заключенных в весьма привлекательный контейнер пяти с половиной футов высотой и ста десяти фунтов весом. Как вы уже догадались, я умирал от желания попросить Мэри Энн выйти за меня замуж, но всякий раз, как она появлялась в поле моего зрения, каждым своим жестом подливая новую порцию горячего в костер, на котором поджаривалось мое сердце, я тут же сникал.

И не потому, что я урод! Находятся люди, которые утверждают, что я ничего себе: ни малейших намеков на лысину и рост почти шесть футов. Я даже умею танцевать. Все дело в том, что мне ей нечего предложить. Вы ведь знаете, сколько получает преподаватель колледжа, — сущий пустяк, принимая во внимание инфляцию и налоги. Конечно, если бы мы запатентовали нашу мыслящую машину, все бы изменилось. Но просить Мэри Энн подождать — нет, на это у меня не хватало духу. Вот когда все устроится...

Об этом я и размечтался тогда в ее гостиной.

— Я готова. Пошли, Билл! — заявила Мэри Энн, появляясь в дверях.

— Минуточку, — попросил я, — мне нужно позвонить Клиффу.

Она нахмурилась:

— Это так срочно?

— Я обещал позвонить еще два часа назад, — объяснил я.

Все это не заняло и двух минут. Я набрал номер лаборатории. Клиф задержался, чтобы спокойно поработать, и тотчас снял трубку. Я что-то сказал ему, он мне ответил. Я попросил уточнить кое-какие детали, он уточнил — что именно, не имеет значения, но, как я уже говорил, в нашем содружестве он — мозг, а я — руки. Когда я составляю немислимые комбинации, это он, исписав страницы закорючками, решает, так ли уж они немислимы, как это кажется на первый взгляд.

И вот в тот момент, когда я закончил разговор и положил трубку, раздался звонок в дверь.

Вначале я решил, что Мэри Энн пригласила еще кого-то, и почувствовал, как по спине у меня пробежал эдакий холодок. Машинально записывая данные, которые узнал от Клифа, я следил за тем, как она открывает входную дверь. Но это оказался всего-навсего Клиф.

Он сказал:

— Я так и знал, что застаю тебя здесь. Привет, Мэри Энн! Послушай, ты же обещал позвонить в шесть! Ты надежен, как картонное кресло.

Клиф весь круглый, коротышка и готов в любую минуту ввязаться в драку. Я на это не реагирую, я слишком хорошо его знаю.

Я пробормотал:

— Тут одно наехало на другое, и я забыл. Не понимаю, чего ты кипятишься! Ведь мы только что с тобой разговаривали.

— Разговаривали? Со мной? Когда?

Я хотел ответить и осекся. Тут было что-то не так. Звонок в дверь раздался в тот момент, когда я

положил трубку, а от лаборатории до дома Мэри Энн не менее шести миль. Я сказал:

— Я только что говорил с тобой.

Он еще ничего не понял и повторил:

— Со мной?

Я указал на телефон.

— По телефону. Я звонил в лабораторию. Откуда! — Теперь я указал на телефон обеими руками. — Мэри Энн слышала, как я с тобой разговаривал. Мэри Энн, ты ведь слышала?

Мэри Энн сказала:

— Я не знаю, с кем ты разговаривал. Ну что, мы идем наконец?

В этом вся Мэри Энн! Не терпит неточности.

Я сел. Я попытался быть хладнокровным и собранным. Я сказал:

— Клиф, минуту назад я набрал номер лаборатории, ты подошел к телефону, я спросил о результатах, и ты мне их продиктовал. Я их записал — вот они. Разве неверно?

И протянул ему листок с уравнениями. Клиф внимательно прочел их и сказал:

— Все правильно. Но откуда они у тебя? Не сам же ты их вывел!

— Я же сказал тебе — ты их продиктовал по телефону.

Клиф покачал головой.

— Но я ушел из лаборатории в четверть восьмого. Там сейчас никого нет.

— Уверю тебя, я с кем-то разговаривал.

Мэри Энн нетерпеливо теревала перчатки.

— Мы опаздываем, — напомнила она.

Я махнул рукой — еще минутку — и спросил у Клифа:

— Послушай, а ты уверен...

— Да нет там никого, если не считать Мальша, конечно.

Малышом мы называли наш механический мозг.

Мы уставились друг на друга. Носок туфельки Мэри Энн выстукивал чечетку — прямо бомба замедленного действия, готовая взорваться в любую минуту.

Вдруг Клиф расхохотался.

— Знаешь, что мне вспомнилось? — спросил он. — Карикатура, которую я недавно видел где-то. Там был нарисован робот, отвечающий на телефонный звонок. Он говорил в трубку: «Честное слово, господин, в доме нет никого, кроме нас, думающих агрегатов».

Мне это показалось совсем не смешным.

Я сказал:

— Поехали в лабораторию.

Мэри Энн встрепенулась:

— Но мы же опоздаем!

Я обернулся к ней:

— Послушай, Мэри Энн, это очень важно. Мы заглянем в лабораторию только на одну минутку. Поедем с нами, а оттуда прямо в театр.

— Спектакль начинается...

Она не договорила, потому что я схватил ее за руку и потащил на улицу.

Вот вам доказательство того, насколько эта история выбила меня из колеи. В обычное время мне бы и в голову не пришло так с ней обращаться. Я хочу сказать, что Мэри Энн умеет себя поставить. Просто у меня все смешалось в голове — я даже не помню, хватал ли я ее за руку, но когда опомнился, мы все трое сидели в машине и Мэри Энн растирала правую кисть, бормоча что-то о звероподобных гориллах.

Я спросил:

— Надеюсь, я не причинил тебе боли, Мэри Энн?

Она ответила:

— Ну что ты, милый, мне ведь каждый день выдергивают руки из суставов — это такое удовольствие!

И носком туфли шнула меня в икру.

Она сделала это потому, что у нее рыжие волосы. В сущности Мэри Энн добрая девушка. Но она вынуждена время от времени оправдывать миф о рыжеволосой фурии — положение обязывает. Я-то вижу ее насквозь, но подыгрываю ей, бедняжке.

Через двадцать минут мы подъехали к лаборатории.

По ночам институт пуст. И кажется особенно пустым оттого, что он предназначен для толп студентов, спяющих по коридорам и заполняющих аудитории. Когда их нет, здание выглядит унылым и заброшенным. А может быть, мне так казалось потому, что я страшился подняться наверх в свою лабораторию и увидеть то, что ожидало меня там. Как бы то ни было, наши шаги звучали до нелепости громко, а cabina лифта выглядела неприлично грязной и мрачной.

Я шепнул Мэри Энн:

— Это не займет много времени.

Но она только фыркнула, и это у нее получилось прекрасно. Она ничего не может с собой поделаться — она всегда все делает прекрасно.

Когда Клиф отпер дверь, я заглянул через его плечо в лабораторию, но не увидел ничего особенного. Малыш находился на своем обычном месте. Если бы не шкала, которая в сейчас светилась, никто бы не догадался, что это думающий агрегат. Обыкновенный ящик, из которого к розетке в стене тянется черный провод.

Мы с Клифом обошли вокруг Малыша. Мне кажется, мы оба были готовы наброситься на него,

сделай он хоть малейшую попытку сдвинуться с места. Но он был недвижим. Мари Энн с любопытством разглядывала агрегат. Она даже провела по крышке указательным пальцем, а затем брезгливо стряхнула с него пыль.

Я воскликнул:

— Берегись, Мари Энн, не подходи! Стой там, где стоишь.

Она сказала:

— Здесь ни капельки не чище.

Она в первый раз попала в нашу лабораторию, и ей было трудно понять, что сборочная мастерская — это совсем не то же самое, что, скажем, современная детская. Два раза в день к нам заглядывает сторож и опорожняет корзины для бумаг. Раз в неделю с помощью швабры и мокрой тряпки он оставляет лужи на полу и грязные разводы на столах и полках.

Клиф заявил:

— Телефон не на том месте, где я его оставил.

Я спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я оставил его там, — он указал рукой, где именно, — а теперь он здесь.

Если это так, то телефон переместился ближе к Малышу. Я сглотнул и заметил:

— Может быть, ты запамятовал?

Я попытался рассмеяться как можно естественнее, но у меня это не получилось.

— Где отвертка?

— Что ты собираешься делать?

— Заглянуть вовнутрь. Для смеха.

Мари Энн заметила:

— Ты испачкаешься. Надень халат.

Она очень заботливая девушка, Мари Энн.

Я пустил в дело отвертку. Конечно, когда мы доведем Малыша до кондиции и пустим его в произ-

водство, наши модели будут заключены в герметический ящик. Мы даже подумывали об оболочке из цветного пластика для бытовой серии. Однако наш лабораторный вариант держится на винтах, что позволяло нам всякий раз, когда было необходимо, разбирать его и снова собирать.

Впрочем, на этот раз винты не вывинчивались. Я пытался и сопел, но все было напрасно.

— Какой-то шутник приложил немало сил, чтобы вогнуть их поглубже, — пробормотал я.

Клиф заметил:

— Кроме тебя, никто к этой штуке не прикасался.

Он был прав, но от этого мне не стало легче. Я выпрямился, тыльной стороной ладони вытер лоб и протянул ему отвертку.

— Хочешь попробовать?

Он попробовал, но ничего не добился.

Он сказал:

— Странно!

Я спросил:

— Что именно?

Он сказал:

— Винт повернулся. Он выдвинулся на одну восьмую дюйма, и тут отвертка сама выскользнула у меня из рук.

— И что же тут странного?

Клиф отступил на шаг, подобрал отвертку и, держа ее двумя пальцами, заметил:

— А то, что я видел, как винт ввернулся назад — на ту же восьмую дюйма — и плотно вошел в гнездо.

Мари Энн начала терять терпение. Она сказала:

— Ох, уж эти умники! Если вам так нужно его открыть, почему вы не воспользуетесь вои тем автогенном?

На одном из столов действительно лежал автогенный резак.

Вообще-то идея применить резак к Малышу показалась бы мне такой же нелепой, как идея испробовать его действие на самом себе. Но меня мучила одна мысль, которая, по-видимому, мучила и Клифа — мы оба думали об одном и том же. **МАЛЫШ НЕ ЖЕЛАЕТ, ЧТОБЫ ЕГО ОТКРЫВАЛИ!**

Клиф сказал:

— Что ты об этом думаешь, Билл?

Я сказал:

— Не знаю, Клиф.

Мэри Энн сказала:

— Поторопись, тупица, мы не попадем в театр.

Тогда я взял автогенный резак и открыл край кислородного баллона. У меня было такое чувство, словно я готовился убить друга.

Но Мэри Энн остановила меня, заявив:

— До чего же глупы бывают мужчины! Смотрите, у вас все винты вывинчены. Вы, паверно, вертели отвертку в обратную сторону.

Вы, конечно, понимаете, что только идиот может вертеть отвертку в обратную сторону. Но я не люблю противоречить Мэри Энн, поэтому я сказал только:

— Мэри Энн, не стой так близко к Малышу. И вообще, почему бы тебе не подождать за дверью?

Но она воскликнула:

— Смотрите!

На ладони у нее лежал винт, который она вытаскивала прямо так, пальцем, из наружной стенки Малыша.

Клиф сказал:

— Черт побери!

Они выползали — все двенадцать винтов, сами по себе, точно крохотные червячки, медленно выворачиваясь из своих отверстий, а затем выпали. Я подо-

брал их все, за исключением одного, самого последнего, на котором висела, болтаясь, передняя панель. Затем и этот винт выпал, и панель нежно упала в мои объятия. Я осторожно поставил ее на пол.

Клиф сказал:

— Он это сделал нарочно. Он услышал, как мы говорили о резаке, и сдался.

Его пухлое, обычно розовое лицо побелело. Я тоже чувствовал себя неважно.

Я сказал:

— Что он пытается скрыть от нас?

— Не имею ни малейшего представления.

Мы нагнулись над его открытым нутром и стали смотреть. Я слышал, как носок туфли Мэри Энн опять забарабанил по полу. Я взглянул на свои часы и про себя признался, что времени у нас в обрез. В сущности у нас его совсем не оставалось. И вдруг я сказал:

— У него появилась диафрагма.

Клиф спросил:

— Где? — и склонился ниже.

Я сказал:

— Ну, да — громкоговорители!

— Это ты вставил?

— Конечно нет.

Мне ли не знать, какие детали я вставляю.

— В таком случае откуда он тут взялся?

Мы сидели на корточках и препирались.

Я сказал:

— Наверно, он сам вставил. А может, он отрастил? Посмотри-ка.

Я указал на две спирали, расположенные на некотором расстоянии друг от друга и напоминавшие два тонких свернутых пожарных шланга. Только шланги эти были металлические. На концах каждая спираль разветвлялась на пять или шесть

проволочек, в свою очередь закрученных в спиральки.

— И это тоже не твоя работа?

— Конечно, не моя.

— Что это такое?

Он знал, что это такое, и я знал. Что-то ведь должно было тянуться за материалами, из которых Малыш мастерил себе детали, и что-то протянулось за телефоном, когда тот зазвонил. Я схватил переднюю панель и еще раз осмотрел её. В ней появились два отверстия, прикрытых квадратными металлическими крышками на шарнирах, которые легко сдвигались. Я просунул в отверстие палец и пошевелил им перед носом Клифа, добавив:

— И это тоже не моя работа.

Мэри Энн выглядывала из-за моего плеча; вдруг, без всякого предупреждения, она протянула руку и...

Я в это время вытирал испачканные маслом пальцы о бумажную салфетку и не успел остановить её. Я должен был быть осторожнее — я же знаю Мэри Энн, она всегда готова прийти на помощь человеку.

Как бы то ни было, она протянула руку, чтобы коснуться — ну, этих, как их там — щупалец, что ли. Я так и не узнал толком, коснулась ли она их на самом деле или нет. Потом она утверждала, что не коснулась. Во всяком случае, она вскрикнула, а затем села на пол и стала растирать себе руку.

— За ту же самую, — жалобно протянула она. — Сначала ты, потом ЭТОТ.

Я помог ей подняться.

— Прости, Мэри Энн, я же предупреждал тебя, ты схватилась за оголенный конец провода...

Клиф прервал меня:

— Глупости. Никакой это не оголенный конец. Просто Малыш защищается.

Мне это и самому было ясно. Мне многое было

ясно. Малыш был машиной нового типа. Математический принцип его действия отличался от всех других, когда-либо разработанных до него. Возможно, он обладал какой-то новой характеристикой, чем-то, чего не было в предыдущих думающих аппаратах. Может быть, ему захотелось стать живым и начать расти. Может быть, у него возникло желание создать много других себе подобных машин — целые миллионы их, так чтобы они заполнили всю Землю и вступили за нее в борьбу с людьми.

Я открыл было рот, но Клифф, должно быть, догадавшись, что я собираюсь сказать, крикнул:

— Нет, нет! Молчи!

Но я уже не мог остановиться и выпалил:

— Послушай, его надо выключить. Эй, в чем дело?

Клифф заметил с укором:

— Он же слышет, о чем мы говорим, пустая твоя голова. Неужели ты не понял, что он услышал про резак? Я собирался проскользнуть сзади и вытащить шнур из розетки, но теперь он наверняка убьет меня, если я осмеюсь прикоснуться к кабелю.

Мэри Энн отряхивала пыль с юбки и возмущалась состоянием нашего пола. Я заверил ее, что мы тут ни при чем и что во всем виноват сторож. То есть я хотел сказать, что это он развозит грязь по полу.

Тогда она сказала:

— А почему ты не наденешь резиновые перчатки и не выдернешь шнур?

Я видел, что Клифф недоумевает, почему это не пришло в голову ему самому, но, так и не выяснив причины, он натянул перчатки и направился к Малышу.

Я завопил:

— Осторожно!

Глушеющее предупреждение. Ему приходилось

быть осторожным — у него просто не было выбора. Одно из щупалец (теперь уж на этот счет не возникало никаких сомнений) выдвигалось вперед, спираль развернулась и легла между Клиффом и кабелем. Она едва заметно вибрировала, и вместе с ней вибрировали шесть ее отростков. Трубки внутри Малыша начали светиться. Клифф и не пытался перешагнуть через препятствие. Он попытался, и спустя некоторое время спираль свернулась и улеглась на место. Клифф снял перчатки.

— Билл, — сказал он, — так мы ничего не добьемся. Эта штука оказалась умнее, чем мы предполагали. Она умудрилась использовать мой голос в качестве модели при изготовлении диафрагмы. Она достаточно умна, чтобы, — он понизил голос до шепота, — додуматься, как генерировать собственную энергию и стать самоваряжающимся аппаратом. Билл, мы должны положить этому конец, иначе когда-нибудь с Земли раздастся телефонный звонок: «Здравствуйте! Здесь, нет никого, кроме нас, думающих агрегатов».

— Пойдем в полицию, — сказал я. — Мы им объясним. Достаточно гранаты или...

Клифф покачал головой.

— Нельзя, чтобы о Малыше узнали. Кто-нибудь другой попытается воспроизвести его, а ведь он, как ты убедился, сулит всяческие неожиданности.

— Что же нам делать?

— Не знаю.

Я почувствовал резкий толчок в грудь, опустил глаза и увидел, что Мэри Энн готова ваорваться. Она сказала:

— С меня хватит. Или ты идешь со мной, или не идешь. Решай,

Я пробормотал:

— Но, Мэри Энн...

Она сказала:

— Отвечай: да или нет? Я никогда не была в более идиотском положении. Оделась, чтобы идти в театр, а он тащит меня в захламленную лабораторию и начинает возиться с дурацкой машиной и развлекать меня ее глупыми шутками.

— Уверю тебя, Мэри Энн...

Но она не слушала, она говорила. Жаль, что я не запомнил всего, что она тогда обрушила на меня. Хоть, пожалуй, это и к лучшему — уж очень мало приятного было сказано по моему адресу. Время от времени я пытался вставить: «Но, Мэри Энн...», и всякий раз мои протесты тонули в новом шквале обвинений.

Мэри Энн в сущности добрая и деликатная девушка. Она теряет контроль над собой лишь тогда, когда возбуждается, и это объясняется только цветом ее волос. Как я уже говорил, ей приходится оправдывать репутацию рыжих фурий.

Во всяком случае, я опомнился в тот момент, когда она, наступив каблуком на носок моей правой туфли, повернулась, чтобы оставить лабораторию. Я бросился за ней со своим неизменным: «Но, Мэри Энн...»

И тут не выдержал Клиф. Как правило, он нас игнорирует, но, наконец, его терпение лопнуло.

— Почему ты не попросишь ее выйти за тебя замуж, тупоголовый идиот? — завопил он.

Мэри Энн остановилась. Она стояла в дверях, не оборачиваясь, и ждала. Я тоже остановился, и слова застряли у меня в горле. Я был не в состоянии вымолвить даже «но, Мэри Энн...»

А Клиф продолжал кричать что-то, но его голос доносился до меня откуда-то издалека, словно нас разделяло расстояние не меньше мили.

Наконец я разобрал его слова:

— Ну же! Ну же! — повторял он снова и снова.

И тут Мэри Энн обернулась. Она была так прекрасна... Не знаю, говорил ли я вам, что глаза у нее зеленые, но отливают синевой?

Она сказала:

— Ты что-то хотел сказать мне, Билл?

Клиф подсказал мне нужные слова, и я хриплым голосом произнес:

— Ты выйдешь за меня замуж, Мэри Энн?

Я тут же пожалел о своей смелости, решив, что она не захочет больше меня видеть. Но уже через секунду забыл о своих опасениях, ибо она обвила руками мою шею и поднялась на носки, чтобы я мог ее поцеловать. Естественно, я не сразу заметил, что Клиф трясет меня за плечо, пытаюсь привлечь мое внимание.

Я обернулся и рывкнул:

— Какого черта?

Сознаюсь, я вел себя по-свински. Ведь если бы не он...

Он сказал:

— Смотри!

В руках он держал выдернутый из розетки кабель Малыша.

А я-то начисто забыл о Малыше!

Я сказал:

— Значит, ты отключил его?

— Полностью.

— Как это тебе удалось?

Он сказал:

— Малыш так заинтересовался сражением, которое вы тут разыграли с Мэри Энн, что мне удалось незаметно подобраться к розетке. Мэри Энн устроила отличную сцену.

Мне не очень-то понравилось его замечание по адресу Мэри Энн. Она не из тех, кто устраивает сцены. Однако сейчас меня занимало совсем другое.

Я обернулся к Мэри Энн.

— Мне нечего предложить тебе, дорогая, кроме заработка преподавателя в колледже. А теперь, после того что случилось, у меня не осталось ни единого шанса на...

Она перебила меня:

— Мне все равно, Билл. Я уже потеряла всякую надежду, дурачок ты мой любимый. И чего я только не пробовала!

— Наступала мне на ноги, толкала...

— Я была в отчаянии. Я шла на все.

Железной логики я тут не обнаружил, но решил не придираться, вовремя вспомнив о театре, и посмотрел на часы.

— Послушай, Мэри Энн, если мы поторонимся, то еще успеем ко второму акту.

Она сказала:

— Кому нужен этот второй акт?

Я поцеловал ее, и мы так и не увидели этого спектакля.

Мы с Мэри Энн поженились и очень счастливы. Я получил повышение, стал старшим преподавателем. Клифф продолжает работать над проектом управляемого Малыша. Работа его продвигается успешно. Во всей этой истории меня беспокоит только одно.

Видите ли, на следующий день после того вечера я сказал Клиффу, что мы с Мэри Энн решили пожениться, и поблагодарил его за помощь. Он уставился на меня и с минуту внимательно разглядывал, а потом поклялся, что ему и в голову не приходило кричать на нас и тем более что-либо советовать.

В комнате был еще кто-то и кричал на нас голосом Клиффа.

Меня все время беспокоит, а вдруг Мэри Энн до-

гадывается? Она прелесть, но волосы у нее все-таки рыжие, и она должна поддерживать свою репутацию (впрочем, я, кажется, уже говорил об этом).

Вы представляете, что она скажет, если узнает, что у меня хватило мужества сделать ей предложение, только когда машина приказала?

Я, РОБОТ

Я просмотрел свои заметки, и они мне не понравились. Те три дня, которые я провел на предприятиях фирмы «Ю. С. Роботс», я мог бы с таким же успехом просидеть дома, изучая энциклопедию.

Как мне сказали, Сьюзен Калвин родилась в 1982 году. Значит, теперь ей семьдесят пять. Это известно каждому. Фирме «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн» тоже семьдесят пять лет. Именно в тот год, когда родилась доктор Калвин, Лоуренс Робертсон основал предприятие, которое со временем стало самым замечательным промышленным гигантом в истории человечества. Но и это тоже известно каждому.

Двадцатилетняя Сьюзен Калвин присутствовала на том самом занятии семинара по психоматематике, когда доктор Альфред Ланнинг из «Ю. С. Роботс» продемонстрировал первого подвижного робота, снабженного голосом. Этот большой, неуклюжий, уродливый робот, от которого разило машинным маслом, был предназначен для проектировавшихся рудников на Меркурии. Но он умел говорить, и говорить разумно.

На этом семинаре Сьюзен не выступала. Она не приняла участия и в последовавших за ним бурных дискуссиях. Мир не нравился этой малообщительной, невзрачной и непривлекательной девушке с каменным выражением лица и гипертрофированным интеллектом, и она сторонилась людей.

Но, слушая и наблюдая, она уже тогда почувствовала, как в ней загорается холодный пламень увлечения.

В 2005 году она окончила Колумбийский университет и поступила в аспирантуру по кибернетике.

Изобретенные Робертсоном позитронные мозговые связи превзошли все достигнутое в середине XX века в области вычислительных машин и совершили настоящий переворот,

Целые милли реле и фотоэлементов уступили место пористому платино-придлевому шару размером с человеческий мозг.

Сьюзен научилась рассчитывать необходимые параметры, определять возможные значения переменных позитронного «мозга» и разрабатывать такие схемы, чтобы можно было точно предсказать его реакцию на известные раздражители.

В 2008 году она получила степень доктора и заняла должность робо-психолога в «Ю. С. Роботс», став, таким образом, первым выдающимся специалистом в этой новой области науки. Лоуренс Робертсон тогда все еще был президентом компании, Альфред Ланнинг — научным руководителем.

За пятьдесят лет на глазах Сьюзен Кэлвин прогресс человечества изменил свое русло и рванулся вперед.

Теперь она уходила на покой, — насколько это вообще было для нее возможно. Во всяком случае, она позволила повесить на двери своего старого кабинета табличку с чужим именем.

Вот, собственно, и все, что было у меня записано. Ну и еще длинные списки ее печатных работ и принадлежащих ей патентов, хронология ее служебной карьеры, — короче говоря, всю ее официальную биографию я знал до мельчайших деталей.

Но мне было нужно другое. Серия очерков для «Интерпланетери Пресс» требовала большего. Гораздо большего.

Я так ей и сказал.

— Доктор Кэлвин, — сказал я, — для публики вы и «Ю. С. Роботс» — одно и то же. Ваш уход будет концом целой эпохи...

— Вам нужны живые подробности?

Она не улыбнулась. По-моему, она вообще никогда не улыбается. Но ее острый взгляд не был сердитым. Я почувствовал, как он пронизал меня до самого затылка, и понял, что он видит меня насквозь. Она всех видела насквозь. Тем не менее я сказал:

— Совершенно верно.

— Живые подробности о роботах? Получается противоречие.

— Нет, доктор. О вас.

— Ну, меня тоже называют роботом. Вам, наверное, уже сказали, что во мне нет ничего человеческого.

Мне это действительно говорили, но я решил промолчать.

Она встала — небольшого роста, совсем хрупкая на вид. Вслед за ней я подошел к окну.

Административные здания и заводские корпуса

«Ю. С. Роботс» были похожи на маленький правильно распланированный город. Он лежал перед нами, плоский, как на аэрофотографии.

— Когда я начала здесь работать, — сказала она, — у меня была маленькая комнатуха в здании, которое стояло где то вон там, где сейчас гостиница. Это здание спесли, когда вас еще не было на свете. Кроме меня в комнате сидели еще трое. На мою долю приходилось полстола. Все наши роботы производились в одном корпусе. Три штуки в неделю. А посмотрите сейчас!

— Пятьдесят лет — немалый срок! — Ничего лучше этой избитой фразы мне в голову не пришло.

— Ничуть, если это ваше прошлое, — возразила она. — Я думаю, как быстро они пролетели.

Она снова села за стол. Хотя выражение ее лица не изменилось, но ей, по-моему, стало грустно.

— Сколько вам лет? — спросила она.

— Тридцать два, — ответил я.

— Тогда вы не помните, каким был мир без роботов. Было время, когда перед лицом Вселенной человек был одинок и не имел друзей. Теперь у него есть помощники, создания более сильные, более надежные, более эффективные, чем он, и абсолютно ему преданные. Человечество больше не одиноко. Вам это не приходило в голову?

— Боюсь, что нет. Можно будет процитировать ваши слова?

— Пожалуйста. Для вас робот — это робот. Механизм и металл, электричество и позитроны... Разум, воплощенный в железе! Создаваемый человеком, а если нужно, и уничтожаемый человеком!.. Но вы не работали с ними, и вы их не знаете. Она благороднее и лучше нас.

Я попробовал осторожно подзадорить ее:

— Мы были бы рады услышать кое-что из того, что вы знаете о роботах, что вы о них думаете. «Интерпланетери Пресс» обслуживает всю Солнечную систему. Миллиарды потенциальных слушателей, доктор Калвин! Они должны услышать ваш рассказ.

Но подзадоривать ее было не нужно. Не слушая меня, она продолжала:

— Все это можно было предвидеть с самого начала. Тогда мы продавали роботов для использования на Земле — это было еще даже до меня. Конечно роботы тогда еще не умели говорить. Потом они стали больше похожи на человека, и начались протесты. Профсоюзы не хотели, чтобы роботы конкурировали с человеком; религиозные организации возражали

из-за своих предрассудков. Все это было очень смешно и совершенно бесполезно. Но это было.

Я записывал все подряд на свой карманный магнитофон, стараясь шевелить пальцами как можно незаметнее. Если немного попрактиковаться, то вести запись, не вынимая магнитофона из кармана, очень просто.

— Возьмите историю с Робби. Я не знала его. Он был отправлен на слом как безнадежно устаревший за год до того, как я начала здесь работать. Но я видела девочку в музее...

Она умолкла. Ее глаза затуманились. Я тоже молчал, не мешая ей углубиться в прошлое. Это прошлое было таким далеким!

— Я услышала эту историю позже. И когда нас называли создателями демонов и святотатцами, я всегда вспоминала о нем. Робби был немой робот. Его выпустили в 1996 году, еще до того, как роботы стали крайне специализированными, и он был продан в качестве виньки.

— Кого?

— Няньки...

Робби

— Девяносто восемь... девяносто девять... сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в густые кусты справа от себя, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени чирканье какой-то неутомимой пчуги, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась.

— Ну, конечно, он спрятался в доме, а я ему миллион раз говорила, что это нечестно.

Плотво сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному дому по ту сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот металлических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к дереву.

Глория в отчаянии закричала:

— Постой, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножкам, конечно, не сравниться было с гигантскими конечностями Робби. Но в трех метрах от дерева тот вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную жертву, принялась жестоко насмехаться над его неумением бегать.

— Робби не может бегать! — кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса. — Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, будто убегает, и Глория кинулась вслед за ним. Пятясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками и, задыхаясь от хохота, кричала:

— Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял на воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к ноге Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась, чтобы посмотреть, не порвалось ли сзади ее платье. Потом хлопнула ладошкой Робби по туловищу.

— Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съжился, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

— Ну, не бойся, Робби, не нашлепаю. А теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой — небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на туловище — подобной же формы, но гораздо больших размеров — при помощи короткого гибкого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. На его горящие глаза опустилась тонкая металлическая пластинка, и изнутри туловища раздались ровное гулкое тиканье.

— Смотри, не подглядывай и не пропусай счета! — предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с абсолютной точностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь вспыхнувшие красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня. Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Глория была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно, Робби протянул к ней руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

— Ты подглядывал! — воскликнула она, явно согрешив против истины. — И потом мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно сел на землю и покачал тяжелой головой. Глория немедленно изменила тон и перешла к нежным уговорам:

— Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и покачал головой еще более выразительно.

— Ну, пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня!

Она крепко обняла его за шею розовыми ручками. Потом ее настроение внезапно переменилось, и она отошла в сторону.

— А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекоксилось.

Но жестокосердый Робби не обратил никакого внимания на эту ужасную угрозу. Он в третий раз покачал головой. Глория решила, что пора пустить в дело главный козырь.

— Если ты меня не покатаешь, — воскликнула она, — я больше не буду тебе рассказывать сказок, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно посадил девочку на свои широкие плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно испарелись, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая «кожа» Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру 21 градус, была приятной на ощупь, а барабаны пятками по его груди, можно было извлечь восхитительно громкие звуки.

— Ты самолет, Робби. Ты большой, серебряный самолет. Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он — серебряным самолетом. Глория

резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором: «Б-р-р-р-р», а потом и пушками: «Бум! Бум! Бум!» За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

— Еще один готов... Еще двое!.. — кричала она.

Потом Глория сурово скомандовала:

— Торопись, ребята! Снаряды кончаются!

Она неустранимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупоносый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через лужайку к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница вскрикнула, и сбросил ее на мягкий травяной ковер.

Глория, задыхаясь, восторженно шептала:

— Ой, как здорово!

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул за растрепавшуюся прядь волос.

— Ты чего-то хочешь? — спросила Глория, широко раскрыв глаза в притворном недоумении. Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную «вяньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

— А, знаю. Ты хочешь сказку!

Робби быстро закивал.

— Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

— Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надоела? Это сказка для маленьких!

Железный налец снова описал полукруг.

— Ну, так и быть.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя

все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

— Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. А у нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень жестокие сестры...

Глория дошла до самого интересного места — уже было полночь и все снова превращалось в кучу мусора. Робби слушал напряженно, с горящими глазами, но тут их прервали.

— Глория!

Это был раздраженный голос женщины, которая звала не в первый раз и у которой нетерпение, судя по интонации, начало сменяться тревогой.

— Мама зовет, — сказала Глория не очень радостно. — Лучше отнеси меня домой, Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиниться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не считать воскресений (а это было как раз воскресенье), но когда он появлялся, то проявлял добродушие и пожимание. А вот мать Глории была для Робби источником постоянного беспокойства, и он всегда испытывал смутное побуждение скрыться от нее куда-нибудь подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись на травы, и вернулась в дом, чтобы встретить их там.

— Я кричала до хрипоты, Глория, — строго сказала она. — Где ты была?

— Я была с Робби, — дрожащим голосом ответила Глория. — Я рассказывала ему про Золушку и забыла про обед.

— Жаль, что Робби тоже забыл про обед. — И,

словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему. — Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову, — резко прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

— Погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

— Глория!

— Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать... то есть ничего не делать. Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

— Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка повурчалась.

— Ну, хорошо. Но ведь Золушка — его любимая сказка, а я ее не успела рассказать. Он так ее любит...

Опечаленный робот вышел, а Глория проглотила слезы.

Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение — по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно. Вкусная, обильная домашняя еда, удобный мягкий, старый диван, на котором так приятно развалиться, свежий номер «Таймс», тапочки на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки — ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он ощутил недовольство, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда

был ей рад, но послеобеденный воскресный отдых был для него священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Он поспешно уткнулся в последние сообщения об экспедиции Лефевра — Йошиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, будто ее не заметил.

Миссис Вестон терпеливо подождала немного, потом нетерпеливо — еще немного и, наконец, не выдержала:

— Джордж!

— Угу...

— Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь эту газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене страдальческое лицо:

— В чем дело, дорогая?

— Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине...

— Какой ужасной машине?

— Пожалуйста, не притворяйся, будто ты не понимаешь, о чем я говорю! Я об этом роботе, которого Глория зовет Робби. Он не оставляет ее ни на минуту.

— Ну, а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И в любом случае он вовсе не ужасная машина, а самый лучший робот, какой только можно было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой заработок. И он стоит этого — он куда умнее половины моих служащих.

Вестон потянулся за газетой, но жена оказалась проворнее и выхватила ее.

— Выслушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная эта

машина или нет. У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми смотрели всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

— Что с тобой? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

— Сначала все было по-другому. Как-никак новинка, и у меня стало меньше забот, и потом это было так модно... А сейчас я не знаю. Все соседи...

— Ну, причем тут соседи? Послушай! Робот куда надежнее любой няньки. Ведь Робби создан с единственной целью — ухаживать за маленьким ребенком. Все его мышление рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто устроен так. Не о каждом человеке это скажешь.

— А вдруг что-нибудь испортится? Какой-нибудь там... — Миссис Вестон запнулась: она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов. — Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная машина начнет буйствовать, и тогда...

У нее не хватило сил закончить вполне очевидную мысль.

— Чепуха, — возразил Вестон, невольно вздрогнув. — Это просто смешно. Когда мы покупали Робби, мы долго говорили о Первом Законе роботехники. Ты же знаешь, что робот неспособен причинить вред человеку. При малейшем намеке на возможность нарушения Первого Закона робот сразу будет парализован. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» — он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж сойдем с ума мы с тобой. Да и как ты собираешься отнять его у Глории?

Он снова потянулся за газетой, но напрасно: жена

сердито швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

— В этом-то все и дело, Джордж! Она не хочет больше ни с кем играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она и не подойдет к ним, если ее не заставить. Нельзя девочку так воспитывать. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

— Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби — это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с собственными родителями.

— Собака — совсем другое дело. Джордж, мы должны избавиться от этой ужасной машины. Ты можешь вернуть ее компании. Я уже узнавала, это можно.

— Узнавала? Вот что, Грейс! Не надо ничего решать сгоряча. Оставим работа, пока Глория не подрастет. И больше я не желаю об этом слышать.

Он в раздражении вскочил и вышел из комнаты.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

— Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

— Чем? — спросил Вестон. Он скрылся в ванной, и оттуда послышался плеск, который мог заглушить любой ответ.

Миссис Вестон выждала, пока шум не прекратился, и сказала:

— Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его раскрасневшееся лицо было сердито.

— О чем ты говоришь?

— Это началось уже давно. Я старалась не замечать, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

— Но мы же доверяем ему своего ребенка!

— В таких делах люди не рассуждают.

— Ну и черт с ними!

— Нет, так нельзя. Мне придется встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, которое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

— Да, но никто не может запретить нам держать робота дома. Грейс, ты, я вижу, снова решила добиться своего. Но это бесполезно. Ответ все тот же — нет! Робби останется у нас.

Но он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала. В конце концов бедный Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена пустила в ход все до единой уловки, которых с полным основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более щепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби остается — и конец!», но с каждым разом его голос становился все менее уверенным, и в нем слышался все более вынужденный стон отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон, с виноватым видом подойдя к дочери, предложил пойти в поселок и посмотреть самый последний визивокс.

Глория радостно всплеснула руками:

— А Робби можно с нами?

— Нет, детка, — ответил он, чувствуя отвращение к звуку собственного голоса. — Роботов на визи-

вокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души. — визивокс действительно был прекрасный.

Она еле дождалась, пока отец поставит реактивный автомобиль в подземный гараж.

— А теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Франсис Фрэн так тихонько-тихонько пятился назад — и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! — Она снова засмеялась. — Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

— Скорее всего, нет, — рассеянно ответил Вестон. — Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Нужно было посмотреть правде в глаза.

Глория побежала через лужайку.

— Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

— Ой, какой чудный песик! — Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его. — Это мне, папа?

На крыльцо вышла миссис Вестон.

— Да, Глория. Посмотри, какой он хороший — какой пушистый. Он очень добрый. И любит маленьких девочек.

— А он будет со мной играть?

— Конечно. Он может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

— Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже посмотрел! Робби! — Она растерянно замолчала. — Наверное, сидит в комнате и дуется на меня, почему я его не

взяла с собой на визитокс. Папа, ты ему объяснишь все как было? Мне он может не поверить, но уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел па жегу, но она отвела глаза. Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

— Робби! Иди посмотри, что мне подарили папа с мамой! Мне подарили песика!

Через минуту девочка вернулась и испуганно сказала:

— Мама, Робби там нет. Где он?

Ответом ей было молчание. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил живой интерес к плывущим в небе облакам. Глория повторила дрожащим голосом, в котором слышались слезы:

— Где Робби, мама?

Миссис Вестон нежно привлекла к себе дочь.

— Не расстраивайся, Глория. По-моему, Робби ушел.

— Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?

— Никто не знает, девочка. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.

— Значит, он больше не вернется? — Глаза у Глории стали круглыми от ужаса.

— Может быть, мы его скоро найдем. Мы будем искать. А пока играй с новой собачкой. Посмотри! Ее зовут Молния, и она умеет...

Но глаза Глории были полны слез.

— Мне не нужна эта противная собака — мне нужен Робби! Найдите Робби!..

Ее чувства не находили выхода в словах, и она разразилась отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.

— Ну, не надо плакать, Глория! Робби — всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.

— Ничего он никакая не машина! — яростно крикнула Глория, забыв все правила грамматики. — Он такой же человек, как мы с вами, и он мой друг. Я хочу, чтобы он вернулся! Мама, я хочу, чтобы он вернулся!

Мать вздохнула, признавая свое бессилие, и оставила Глорию горевать в одиночестве.

— Пусть выплачется, — сказала она мужу. — Детское горе коротко. Через несколько дней она забудет про этого ужасного робота.

Но время показало, что это заявление миссис Вестон было чересчур оптимистично. Правда, плакать Глория перестала, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Не сдавалась она только потому, что не могла признать перед мужем свое поражение.

Как-то вечером она в ярости влетела в гостиную и уселась, скрестив руки на груди. Ее муж взглянул на нее поверх газеты.

— Что еще случилось, Грейс?

— Мне пришлось отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума.

Вестон опустил газету, и в его глазах вспыхнул огонек надежды.

— А если... А если нам снова взять Робби? Знаешь, это можно. Я свяжусь...

— Нет, — резко перебила она. — Я не слышать об этом не хочу. Мы так легко не сдадимся. Я не дам роботу воспитывать свою дочь, даже если понадобится годы, чтобы отучить ее от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.

— Еще год — и я поседею раньше времени.

— Немного же от тебя помощи, Джордж, — холодно сказала она. — Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь ей каждое дерево, каждый камень о нем напоминают. Вообще мы в самом глупейшем положении! Только подумать — ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!

— Ну и что ты предлагаешь? Как ты думаешь переменить обстановку?

— Мы возьмем Глорию в Нью-Йорк.

— В город! В августе! Послушай, ты же знаешь, что такое Нью-Йорк в августе! Там невозможно жить!

— Но там живут миллионы людей.

— Только потому, что им некуда уехать. Иначе они бы не остались.

— Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе у Глории будет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это встряхнет ее и заставит забыть о работе.

— О господи! — простонал супруг. — Эти раскаленные улицы!..

— Мы должны это сделать, — непреклонно ответила жена. — Глория похудела за месяц на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее твоих удобств.

— Жаль, что ты не подумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишить ее любимого робота, — пробормотал он про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде в город, у нее немедленно появились признаки улу-

шения. Она говорила об этом событии мало, но каждый раз — с восторженным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней вернулся почти прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

— Видяшь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила — нужно заинтересовать ее чем-то другим.

— Гм, — произнес он с сомнением. — Надеюсь.

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, дом оставили на попечение двоих соседей. Когда, наконец, наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде и ни разу даже не упомянула о Робби. Все в прекрасном настроении уселись в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

— Иди сюда, Глория, — позвала миссис Вестон. — Я заняла место у окна, чтобы тебе все было видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как вачарованная. Взяревели моторы. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

— Мама, мы скоро будем в городе? — спросила она, растирая замерзший нос и с любопытством следя

за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезало.

— Через полчаса, дорогая, — ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: — Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе — огромные дома, и люди, и всякие интересные вещи... Мы будем каждый день ходить на визитокс, и в цирк, и на пляж...

— Да, мама, — ответила Глория без особого интереса. В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена картиной простиравшихся внизу клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало безоблачным, и она с таинственным видом повернулась к матери, как будто знала какой-то секрет.

— А я знаю, зачем мы едем в город!

— Да? — Миссис Вестон была озадачена. — Зачем же?

— Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю. — Она умолкла, восхищенная собственной проникательностью, а потом весело рассмеялась. — Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

В этот момент Джордж Вестон как раз отхлебнул глоток воды. Результат был катастрофическим. Послышалось придушенное восклицание, фонтаном полетела брызги и раздался судорожный кашель. Когда все кончилось, Джордж Вестон, покрасневший и мокрый, остался в крайнем раздражении.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но когда Глория повторила свой вопрос уже более тревожным голосом, и ее нервы не выдержали.

— Там видно будет, — ответила она резко. — Неужели ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

Нью-Йорк всегда был Меккой для туристов и всех, кто искал развлечений, а в 1998 году он еще больше, чем когда бы то ни было, оправдывал свою репутацию. Родители Глории знали это и использовали, как только могли.

Выполняя требование жены, Джордж Вестон оставил дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней возможности». Как и все, за что брался Вестон, это было сделано деловито и с максимальным эффектом. Месяц еще не прошел, как было испытано решительно все.

Глория побывала на крыше Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с трепетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходящих вдаль, до самых лугов Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людьми, как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали кита.

К их услугам были все приманки музеев, парков, пляжей и аквариумов.

Глория плавала вверх по Гудзону на пароходе, построенном в стиле веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо было фиолетовое и испещренное звездами, а туманная Земля далеко внизу казалась огромной вогнутой чашей. Она погружалась на подводной лодке со стеклянными стенами в глубины пролива Лонг-Айленд, в зеленый, зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло и неожиданно, вильнув хвостом, уплывали. Еще одна сказочная страна, пусть более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были

убеждены, что они сделали все возможное, чтобы восстановить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, которое перед ней разворачивалось, каким бы оно ни было новым и невиданным, — она немедленно забывала о нем, как только замечала хоть уголком глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной всех роботов.

Развязка наступила в Музее науки и промышленности. Там была устроена специальная выставка для детей, где демонстрировались всевозможные достижения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, эту выставку Вестоны включили в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и с помощью трех сотрудников музея Вестоны приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория вовсе не думала бесцельно бродить по музею. Для своего возраста она обладала на редкость решительным и целеустремленным характером и в этом определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромный указатель: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав его и заметив, что родители не проявляют желания идти в ту сторону, она не стала долго раздумывать, а выждала подходящий момент, когда родители отвлеклись, тихонько отошла и направилась туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность. Каждый час к нему пускали группу посетителей в сопровождении экскурсовода. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те, которые инженер считал подходящими для робота, он сообщал ему.

Все это было довольно скучно. Конечно, хорошо знать, что 14 в квадрате равно 196, что температура в данный момент 22,2 по Цельсию, а давление воздуха — 762,508 мм ртутного столба и что атомный вес натрия 23. Но для этого не нужен робот. Особенно такая громоздкая, неподъемная машина из проводов и катушек, занимавшая больше двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к роботу во второй раз. И когда в зал вошла Глория, лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса.

Глория даже не взглянула на нее. В этот момент люди ее не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесах. На какое-то мгновение она заколебалась — Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела до сих пор. Глория нерешительно спросила тоненьким голосом:

— Мистер Робот, простите, пожалуйста, это вы — Говорящий Робот?

Ей почему-то казалось, что с роботом, который говорит по-настоящему, нужно вести себя как можно вежливее.

(На худом, некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление. Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивым почерком.)

Послышалось тихое жужжание хорошо смазанных шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

— Я... робот... который... говорит.

Глория разочарованно смотрела на робота. Действительно, он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У робота не было лица, к которому можно было бы обращаться

Она сказала:

— Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях

— Я... могу... помочь... вам.

— Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

— Кто... это... Робби?

— Это робот, мистер Робот. — Она приподнялась на дыпочки. — Он примерно вот такого роста, мистер Робот, немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

— Робот?

— Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только он, конечно, не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

— Робот... как... я?

— Да, мистер Робот.

В ответ Говорящий Робот только испустил невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось какими-то бессмысленными звуками. От него потребовалось смелое обобщение — подумать о себе не как об индивидуальном объекте, а как о части более общей группы, — и это оказалось ему не

под силу. Верный своему назначению, он все-таки попытался охватить это понятие, в результате чего подюжины катушек перегорело. Зажужжали аварийные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сьюзен Кэлвин на эту тему.)

Глория, подавляя нетерпение, ждала ответа. Вдруг она услышала позади себя крик: «Вот она!» — и узнала голос матери.

— Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! — кричала миссис Вестон, у которой тревога тут же перешла в гнев. — Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В зал опрометью вбежал дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

— Вы что, читать не умеете? — кричал он. — Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы ее услышали:

— Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, вдруг он знает, где Робби — ведь они оба роботы.

Снова вспомнив о Робби, она залилась горькими слезами.

— Я должна найти Робби! Мама, мне нужен Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:

— О господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов исчез. На следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

— У меня есть одна мысль, Грейс.

— Какая? — спросила она безучастно.

— Как быть с Глорией.

— Не хочешь ли ты предложить, чтобы мы снова купили этого робота?

— Нет, конечно.

— Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я ни делала, ничего не дало.

— Так вот что мне пришло в голову. Все дело в том, что для Глории Робби человек, а не машина. Естественно, она не может забыть его. А вот если бы нам удалось убедить ее, что Робби — это всего-навсего комбинация стальных листов и медного провода, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход. Понимаешь?

— Как ты предполагаешь это сделать?

— Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн» показать нам завтра его владения. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория убедится, что робот — не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

— Послушай, Джордж, это неплохая мысль!

Джордж Вестон гордо выпрямился:

— А у меня других не бывает! — заявил он.

Мистер Страверс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробными — пожалуй, слишком подробными — объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже время от времени прерывала его и просила кое-что объяснить

еще раз, попроще, чтобы было понятно Глории. Столь высокая оценка его рассказа привела мистера Стразерса в благодушное настроение и сделала его еще более многословным, если только это было возможно. Но Вестон слушал его со все растущим нетерпением.

— Извините меня, Стразерс, — сказал он, прерывая на середине лекцию о фотозементах. — А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

— Что? Ах, да! Конечно! — Стразерс улыбнулся миссис Вестон. — Некоторым образом, заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, в больших масштабах мы этого не практикуем. Прежде всего потому, что нам не позволили бы профсоюзы. Однако очень небольшое количество роботов действительно изготавливается руками роботов — просто в качестве научного эксперимента. Видите ли, — сняв пенсне, он похлопал им по ладони, — профсоюзы не понимают одного, — а я говорю это как человек, который всегда симпатизировал профсоюзному движению, — они не понимают, что появление роботов, вначале создающее определенные трудности, в будущем неизбежно должно...

— Да-да, Стразерс, — сказал Вестон. — А как насчет того участка, о котором вы говорили? Нам можно на него взглянуть? Это было бы очень интересно.

— Ну, разумеется, — мистер Стразерс судорожным движением надел пенсне и смущенно каплянул. — Сюда, пожалуйста.

Пока они шли по длинному коридору и спускались по лестнице, Стразерс был относительно молчалив. Но как только они вошли в ярко освещенный зал, наполненный металлическим лязгом, шлюзы открылись и поток объяснений полился с новой силой.

— Вот! — сказал он гордо. — Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними — они даже

находятся не в этом помещении. За пять лет, с тех пор как мы начали эксперимент, не было ни единой неполадки. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но...

Для Глории слова управляющего уже давно слились в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бесцельной. Хотя кругом было много роботов, но ни один из них не был даже отдаленно похож на Робби, и она смотрела на них с глубоким пренебрежением.

Она заметила, что в этом зале совсем не было людей. Потом ее взгляд упал на шесть-семь роботов, что-то делавших за круглым столом в центре зала. Ее глаза изумленно и недоверчиво раскрылись. Зал был обширный, и она могла ошибаться, но вон тот робот очень похож... очень похож... да, это он!

— Робби!

Ее крик разнесся по всему залу. Один из роботов за столом задрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. От радости Глория забыла обо всем. Проскользнув сквозь ограждение прежде, чем родители успели ее остановить, она прыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, кинулась к своему Робби. А трое взрослых остолбенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громяхая, надвигался на Глорию.

Через какую-то долю секунды Вестон опомнился. Но эта доля секунды решила все. Глорию уже нельзя было догнать. Вестон мгновенно перемахнул через загородку, но это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал рукой, давая знак рабочим остановить трактор. Но рабочие были всего лишь людьми, и им нужно было время, чтобы выполнить команду.

Один только Робби действовал без промедления и точно. Гигантскими шагами он устремился навстречу своей маленькой ховяйке. Дальше все случилось почти одновременно. Одним движением руки, ни на мгновение не уменьшив скорости, Робби так стремительно поднял Глорию, что у нее захватило дыхание. Вестон, еще не осознав, что произошло, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал по тому месту, где только что находилась Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и со скрежетом затормозил.

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно бросилась к Робби. Она знала лишь одно — ее друг нашелся!

Но на лице миссис Вестон радость сменилась подозрением. Она повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, вид у нее был внушительный.

— Это ты подстроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Его рука тряслась, а губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

— Робби не предназначался для работы на заводе. Это ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты подстроил.

— Ну, я, — сказал Вестон. — Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом Робби спас ей жизнь — ты должна это признать. Ты не можешь снова его отослать.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что будь на его месте существо из плоти и крови, оно бы давно задохнулось.

Вне себя от счастья, девочка оживленно шептала какую-то чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромированной стали и способные завязать узлом двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а его глаза светились темно-красным светом.

— Ну ладно, — сказала, наконец, миссис Вестон, — пожалуй, пусть он остается у нас, пока его ржавчина не съест.

Сьюзен Кэвин пожала плечами.

— Конечно, до этого не дошло. Вся история с Робби произошла в девяносто восьмом году. А к две тысячи второму году были сконструированы говорящие роботы. Конечно, неговорящие модели сразу устарели. Все противники роботов восприняли это как последнюю каплю, переполнившую чашу. Между две тысячи третьим и две тысячи седьмым годами большинство правительств запретило использовать роботов на Земле для каких бы то ни было целей, кроме научных.

— Так что Глории пришлось в конце концов расстаться с Робби?

— Боюсь, что да. Впрочем, в пятнадцать лет ей это было, наверное, легче, чем в восемь. И все-таки это было глупо и, ненужно. Когда я в восьмом году поступила на «Ю. С. Роботс», фирма была в самом тяжелом финансовом положении. Сначала я даже думала, что через несколько месяцев останусь без работы. Но выход был найден: мы начали осваивать внеземной рынок.

— И все уладилось?

— Не совсем. Мы начали с того, что попытались использовать уже существовавшие модели. Например, первых говорящих роботов. Они были трех с половиной метров ростом, очень неуклюжие, и толку от них было немного. Мы послали их на Меркурий, чтобы они помогли построить там рудник. Но они с этим не справились.

Я удивленно взглянул на нее.

— Разве? Но ведь сейчас компания «Меркьюри Майнз» — огромный концерн с многомиллиардным капиталом.

— Да, сейчас. Но удачной была только вторая попытка. Если вы, молодой человек, хотите об этом услышать, я бы посоветовала вам разыскать Грегори Пауэлла. Они с Майк-

лом Донованом занимались у нас в десятых и двадцатых годах самыми трудными делами. Я уже много лет не слышала ничего о Доноване, а Пауэлл живет здесь, в Нью-Йорке. Он теперь дедушка — мне очень трудно привыкнуть к этой мысли. Я помню его молодым. Ну, конечно, и я была молодой...

— Может быть, если бы вы рассказали мне что-нибудь в самых общих чертах, то потом мистер Пауэлл дополнил бы ваш рассказ? Начните хотя бы с Меркурия.

— Ну, хорошо. Вторую экспедицию на Меркурий послала, кажется, в пятнадцатом году. Это была разведочная экспедиция, которую финансировали «Ю. С. Роботс» и фирма «Солар Минералс». Экспедиция состояла из Грегори Пауэлла, Майкла Донована и опытного образца робота новой конструкции...

Хоровод

Одно из любимых изречений Грегори Пауэлла гласило, что паника до добра не доводит. Поэтому, когда потный и возбужденный Майкл скатился ему навстречу по лестнице, Пауэлл нахмурился.

— В чем дело? — спросил он. — Ноготь сломал?

— Еще чего, — задыхаясь, огрызнулся Донован. — Что ты целый день делал внизу? — Он перевел дух и выпалил: — Спида не вернулся!

Глаза Пауэлла широко раскрылись, и он остановился, но тут же заставил себя успокоиться и продолжал молча подниматься. Только на верхней площадке он спросил:

— Ты послал его на селеном?

— Да.

— И давно?

— Уже пять часов.

Снова наступило молчание. Вот дьявольское положение! Ровно двенадцать часов они находятся на Меркурии — и уже попали в такую скверную переделку. Меркурий всегда считался самой каверзной планетой во всей Солнечной системе, но это уже слишком!

Пауэлл произнес:

— Начни сначала и рассказывай по порядку.

Они вошли в радиорубку. Оборудование ее, до ко-

того никто не дотрагивался за все десять лет, прошедшие с Первой экспедиции, уже несколько устарело. Для техники эти десять лет значили очень много. Сравнить хотя бы Спида с теми роботами, которых выпускали в 2005 году. Правда, последние достижения роботехники были особенно головокружительны.

Пауэлл осторожно провел пальцем по еще не потускневшей поверхности металла. Все, что находилось в рубке, казалось каким-то заброшенным и производило гнетущее впечатление. Как, впрочем, и вся станция.

Донован тоже это почувствовал. Он сказал:

— Я попробовал связаться с ним по радио, но без всякого толку. На солнечной стороне радио бесполезно — во всяком случае на расстоянии больше двух миль. Отчасти поэтому и не удалась Первая экспедиция. А чтобы наладить УКВ, нам нужна не одна неделя...

— Ладно, знаю. Что же все-таки ты выяснил?

— Я поймал немодулированный сигнал на коротких волнах. По нему можно было только определить положение Спида. Я следил за ним два часа и нанес результаты на карту.

Донован достал из заднего кармана пожелтевший листок бумаги — наследие неудачной Первой экспедиции — и, швырнув его на стол, яростно прихлопнул ладонью. Пауэлл следил за ним, стоя поодаль и скрестив руки на груди. Донован нервно ткнул карандашом:

— Этот красный крестик — селеновое озеро.

— Которое? — прервал его Пауэлл. — Там три озера. Те, которые Мак-Дугал нанес для нас на карту перед тем, как улететь.

— Конечно, я послал Спида к самому ближайшему. Семнадцать миль отсюда. Но не в этом дело, — голос

Донована дрожал от напряжения. — Все эти точки обозначают положение Спиди.

В первый раз за все время напускное спокойствие слетело с Пауэлла. Он схватил карту.

— Ты шутишь? Этого не может быть!

— Смотри сам, — буркнул Донован.

Точки, обозначавшие положение робота, образовали неровную окружность, в центре которой находился красный крестик — селеновое озеро. Пальцы Пауэлла потянулись к усам — несомненный признак тревоги.

Донован добавил:

— За два часа, пока я за ним следил, он обошел это проклятое озеро четыре раза. Похоже, он собирается кружить там без конца. Понимаешь, в каком мы положении?

Пауэлл взглянул на него, но ничего не сказал. Конечно, он понимал, в каком они положении. Все было просто, как цепочка силлогизмов. От мощи чудовищного меркурианского солнца их отгораживали только батареи фотоэлементов. Фотоэлементы были почти полностью разрушены. Спасти положение мог только селен. Селен мог достать только Спиди. Он не вернется — не будет селена. Не будет селена — не будет фотоэлементов. Не будет фотоэлементов... Что же, медленное поджаривание — один из самых неприятных видов смерти.

Донован яростно взъерошил рыжую шевелюру.

— Мы осрамимся на всю Солнечную систему, Грег. Это же надо — сразу сесть в галошу! «Знаменитая бригада в составе Пауэлла и Донована послана на Меркурий, чтобы выяснить, стоит ли открывать на солнечной стороне рудники с новейшей техникой и роботами». И вот в первый же день мы все испортили. А дело ведь самое простое. Да нам теперь никакой жизни не будет.

— Об этом не стоит беспокоиться, — спокойно сказал Пауэлл. — Если мы срочно чего-нибудь не предпримем, о жизни не может быть и речи. Мы просто не выживем.

— Не говори глупостей! Может быть, тебе и смешно, а мне нет. Послать нас сюда с одним-единственным роботом — это просто преступление! Да еще эта твоя блестящая идея — самим восстановить фотоэлементы.

— Ну, это ты напрасно. Мы же вместе решали. Ведь нам всего-то и нужно что килограмм селена, диэлектрическую установку Стиллхада и три часа времени. И во всей солнечной стороне стоят целые озера чистого селена. Спектрорефлектор Мак-Дугала за пять минут засек целых три. Какого черта! Не могли же мы ждать следующего противостояния!

— Так что будем делать? Пауэлл, ты что-то придумал. Я знаю, иначе бы ты не был таким спокойным. На героя ты похож не больше, чем я. Давай выкладывай!

— Сам идти за Спиди мы не можем. Это все-таки солнечная сторона. Под этим солнцем даже новые скафандры выдержат не больше двадцати минут. Но знаешь старую поговорку: «Пошли робота поймать робота»? Послушай, Майк, дело, может быть, не так уж плохо. У нас внизу есть шесть роботов. Если только они исправны.

В глазах Донована мелькнул проблеск надежды.

— Шесть роботов Первой экспедиции? А ты уверен? Может быть, это просто полуавтоматы? Ведь десять лет — это очень много для роботехники.

— Нет, это роботы. Я целый день с ними возился и теперь знаю. У них позитронный мозг — конечно, самый примитивный.

Он сунул карту в карман.

— Пойдем вниз.

Роботы храпелись в самом нижнем ярусе станции, среди покрытых пылью ящиков неизвестно с чем. Они были очень большие — даже в сидячем положении их головы возвышались над полом на добрых два метра.

Донован присвистнул:

— Вот это габариты, а? Не меньше трех метров в объёме.

— Это потому, что они оборудованы старым приводом Мак-Гэффи. Я заглянул внутрь — жуткое устройство.

— Ты еще не включал их?

— Нет. А зачем? Вряд ли что-нибудь не в порядке. Даже диафрагмы выглядят прилично. Они должны говорить.

Он отвинтил щиток на груди ближайшего робота и вложил в отверстие двухдюймовый шарик, в котором была заключена ничтожная искорка атомной энергии — все, что требовалось, чтобы вдохнуть в робота жизнь. Шарик было довольно трудно приладить, но в концов концов Пауэллу это удалось. Потом он старательно закрепил щиток и занялся следующим роботом.

Донован сказал с беспокойством:

— Они не двигаются.

— Нет команды, — коротко объяснил Пауэлл.

Он вернулся к первому роботу и хлопнул его по броне:

— Эй ты! Ты меня слышишь?

Гигант медленно нагнул голову, и его глаза остановились на Пауэлле. Потом раздался хриплый, скрипучий голос, похожий на звук древнего фонографа:

— Да, хозяин.

Пауэлл невесело усмехнулся.

— Понял, Майк? Это один из первых говорящих

роботов. Тогда дело шло к тому, что применение роботов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в дурацкие машины прочный, надежный инстинкт раба.

— Но это не помогло,— заметил Донован.

— Нет, конечно, но они все-таки старались.

Он снова повернулся к роботу.

— Встань!

Робот медленно поднялся. Донован задрал голову и снова пресвистнул.

Пауэлл спросил:

— Ты можешь выйти на поверхность? На солнце?

Наступила тишина. Мозг робота работал медленно. Потом робот ответил:

— Да, хозяин.

— Хорошо. Ты знаешь, что такое милья?

Снова молчание и неторопливый ответ:

— Да, хозяин.

— Мы выведем тебя на поверхность и укажем направление. Ты пройдешь около семнадцати миль и встретишь где-то там другого робота, поменьше. Понимаешь?

— Да, хозяин.

— Ты найдешь этого робота и прикажешь ему вернуться. Если он не пойдет, приведишь его силой.

Донован дернул Пауэлла за рукав.

— Почему бы не послать его прямо за селеном?

— Потому что мне нужен Спиди, понятно? Я хочу знать, что с ним стряслось. — Повернувшись к роботу, он приказал: — Иди за мной!

Робот не двинулся с места, и его голос громыхнул:

— Прости, хозяин, но я не могу. Ты должен сначала сесть.

Его неуклюжие руки со звоном соединились, тупые пальцы переплелись, образовав что-то вроде стремена.

Пауэлл уставился на робота, теребя усы.

— Ого! Гм...

Донован вытаращил глаза.

— Мы должны ехать на них? Как на лошадях?

— Наверное. Правда, я не знаю, зачем это. Впрочем... Ну, конечно! Я же говорю, что тогда слишком увлекались безопасностью. Очевидно, конструкторы хотели всех убедить, что роботы совершенно безопасны. Они не могут двигаться самостоятельно, а только с погонщиком на плечах. А что нам делать?

— Я об этом и думаю,— проворчал Донован.— Мы все равно не можем появиться на поверхности — с роботом или без робота. О господи! — Он дважды возбужденно щелкнул пальцами.— Дай мне эту карту. Зря, что ли, я ее два часа изучал? Вот наша станция. А почему бы нам не воспользоваться туннелями?

Станция была помечена на карте кружком, от которого паутиной разбегались пунктирные линии туннелей.

Донован взгляделся в список условных обозначений.

— Смотри,— сказал он,— эти маленькие черные точки — выходы на поверхность. Один из них самое большее в трех милях от озера. Вот его номер... Они могли бы писать и покрупнее... Ага, 13 а. Если только роботы знают дорогу...

Пауэлл немедленно задал вопрос и получил в ответ вялое «Да, хояин».

— Иди за скафандрами,— удовлетворенно сказал он.

Они надевали скафандры впервые. Еще вчера, когда они прибыли на Меркурий, они вообще не собирались этого делать. И теперь они неловко двигали руками и ногами, осваиваясь с неудобным одеянием.

Скафандры были намного толще и еще безобраз-

нее, чем обычные костюмы для космических полетов. Зато они были гораздо легче — в них не было ни кусочка металла. Изготовленные из термоустойчивого пластика, прослоенные специально обработанной пробкой, снабженные устройством, удалявшим из воздуха всю влагу, эти скафандры могли противостоять нестерпимому сиянию меркурианского солнца двадцать минут, ну и еще пять-десять минут без непосредственной смертельной опасности для человека.

Робот все еще держал руки стременем. Он не выказал никаких признаков удивления при виде пеленой фигуры, в которую превратился Пауэлл.

Радио крило разнесло голос Пауэлла:

— Ты готов доставить нас к выходу 13а?

— Да, хозяин.

«И то хорошо, — подумал Пауэлл. — Может быть, им и не хватает дистанционного радиоуправления, но, по крайней мере, они хоть могут принимать команды».

— Садись на любого, Майк, — сказал он Доновану.

Он поставил ногу в импровизированное стремя и взошел вверх. Сидеть было удобно: на спине у робота был специальный горб, на каждом плече — по выемке для ног. Теперь стало ясно и назначение «ушей» гиганта. Пауэлл втянул за «уши» и повернул голову робота. Тот неуклюже повернулся.

— Вези, Макдуф!

Но на самом деле Пауэллу было вовсе не до шуток.

Шагая медленно, с механической точностью, гигантские роботы прошли в дверь, притолока которой пришлась едва на полметра выше их голов, так что всадники поспешили прыгнуться. Узкий коридор, под

сводами которого мерно громыкали тяжелые, неторопливые шаги гигантов, вел в шлюзовую камеру, где пришлось подождать, пока не будет откачан воздух.

Длинный безвоздушный туннель, уходивший вдаль, напомнил Пауэллу об огромной работе, проделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением. Да, она окончилась неудачей, но эта неудача стоила много легкого успеха.

Роботы шагали по туннелю. Их скорость была неизменна, поступь равномерна.

Пауэлл сказал.

— Смотри-ка, туннель освещен и температура, как на Земле. Наверное, так было все эти десять лет, пока здесь никто не жил.

— Каким же образом они этого добились?

— Дешевая энергия, самая дешевая во всей Солнечной системе. Излучение Солнца здесь, на солнечной стороне Меркурия,— это не шуточки. Вот почему они построили станцию на открытом месте, а не в тени какой-нибудь горы. Ведь сама станция — это просто огромный преобразователь энергии. Тепло превращается в электричество, свет, механическую работу и во все, что хочешь. И одновременно с получением энергии станция охлаждается.

— Слушай,— сказал Донован,— это все очень поучительно, только давай поговорим о чем-нибудь другом. Ведь преобразованием энергии занимаются фотоэлементы, а это сейчас мое большое место.

Пауэлл что-то проворчал, и после паузы Донован заговорил о другом.

— Послушай, Грег. Что все-таки могло случиться со Следи? Я никак не могу этого понять.

В скафандре трудно пожать плечами, но Пауэллу это удалось.

— Не знаю, Майк. Ведь он полностью приспособ-

лен к условиям Меркурия. Жара ему не страшна, он рассчитан на уменьшенную силу тяжести, может двигаться по пересеченной местности. Все предусмотрено — по крайней мере, должно быть предусмотрено.

Они замолчали, на этот раз надолго.

— Хозяин, — сказал робот, — мы на месте.

— А? — Пауэлл очнулся. — Ну, давай выбирать-ся наверх. На поверхность.

Они оказались в небольшом павильоне — пустом, полуразрушенном. Донован зажег фонарь и долго разглядывал рваные края дыры в одной из стен, под самым потолком.

— Метеорит? Как ты думаешь? — спросил он.

Пауэлл пожал плечами.

— Какая разница? Неважно. Пойдем.

Стоявшая рядом черная базальтовая скала защищала их от солнца. Вокруг все было погружено в черную тень безвоздушного мира. Тень обрывалась, как будто обрезанная ножом, и дальше начиналось нестерпимое белое сияние мириад кристаллов, покрывавших почву.

— Клянусь космосом, вот это да! — У Донована захватило дух от удивления. — Прямо как снег!

Действительно, это было похоже на снег. Пауэлл окинул взглядом сверкающую неровную поверхность, которая простиралась до самого горизонта, и поморщился от режущего глаза блеска.

— Это какое-то необычное место, — сказал он. — В среднем коэффициент отражения от поверхности Меркурия довольно низок, и почти вся планета покрыта серой пемзой. Что-то вроде Луны. А красиво, правда?

Хорошо, что скафандры были снабжены светофильтрами. Красиво или нет, но незащищенные глаза за полминуты ослепли бы от этого сверкания.

Донован посмотрел на термометр, укрепленный на запястье скафандра.

— Ого! Восемьдесят градусов!

Пауэлл тоже взглянул на термометр и сказал:

— Да... Многовато. Ничего не поделаешь — атмосфера...

— На Меркурии? Ты спятил!

— Да нет. Ведь и на Меркурии есть кое-какая атмосфера, — рассеянно ответил Пауэлл, пытаюсь неуклюжими пальцами скафандра приладить к шлему стереотрубу. — У поверхности должен стелиться тонкий слой паров. Летучие элементы, тяжелые соединения, которые может удержать притяжение Меркурия. Селен, иод, ртуть, галлий, калий, висмут, летучие окислы. Пары попадают в тень и конденсируются, выделяя тепло. Это что-то вроде гигантского перегонного куба. Зажги фонарь — и увидишь, что скала с этой стороны покрыта каким-нибудь там серным инеем или ртутной росой.

— Ну, это неважно. Какие-то жалкие восемьдесят градусов наши скафандры выдержат сколько угодно.

Пауэлл, наконец, приладил стереотрубу и теперь стал похож на улитку с рожками. Донован напряженно ждал.

— Что-нибудь видно?

Пауэлл ответил не сразу. Его голос был полон тревоги.

— Вон на горизонте темное пятно. Это, скорее всего, селеновое озеро. Оно тут и должно быть. А Спида не видно.

Пауэлл поставил ноги на плечи робота, осторожно выпрямился и стал вглядываться вдаль.

— Постой... Ну да, это он. Идет сюда.

Донован посмотрел в ту сторону, куда указывал палец Пауэлла. У него не было стереотрубы, но он

разглядел на фоне ослепительного сверкания кристаллов движущуюся черную точку.

— Вижу! — крикнул он. — Поехали!

Пауэлл снова уселся на плечах робота и хлопнул перчаткой по его гигантской груди.

— Пошел!

— Давай, давай! — вопил Донован, прищипывая своего робота пятками.

Роботы двинулись вперед. Их мерный топот не был слышен в безвоздушном пространстве, а через синтетическую ткань скафандра звук тоже не передавался. Чувствовались только ритмичные колебания.

— Быстрее! — приказывал Донован, но ритм не изменился.

— Бесплезно, — ответил Пауэлл. — Этот железный лом может двигаться только с одной скоростью. Не думаешь ли ты, что они оборудованы селективными флексорами?

Они вымырнули из тени. Свет солнца обрушился на них раскаленным потоком. Донован невольно пригнулся.

— Ух! Это мне кажется или на самом деле жарко?

— Скоро будет еще жарче, — последовал мрачный ответ. — Смотри — Спиди!

Робот СПД-13 был уже близко, и его можно было рассмотреть во всех подробностях. Грациозное обтекаемое тело, отбрасывавшее слепящие блики, четко и быстро передвигалось по неровной поверхности. Его имя — Спиди (Проворный) — было образовано из букв, составлявших его марку, но оно очень подходило ему. Модель СПД была одним из самых быстрых роботов, которые выпускались фирмой «Ю. С. Роботс».

— Эй, Спиди! — завопил Донован, отчаянно махая руками.

— Спиди! — закричал Пауэлл. — Иди сюда.

Расстояние между людьми и свихнувшимся роботом быстро уменьшалось — больше благодаря Спиди, чем медлительным устаревшим за десять лет сооружениям, на которых восседали Пауэлл и Донован.

Теперь уже можно было разглядеть, что походка у Спиди какая-то неровная — робот заметно пошатывался на ходу из стороны в сторону. Пауэлл замахал рукой и увеличил до предела усиление в своем компактном, встроенном в шлем радиопередатчике, готовясь крикнуть еще раз. В этот момент Спида заметил их.

Он остановился как вкопанный и стоял некоторое время, чуть покачиваясь, как будто от легкого ветерка.

Пауэлл закричал:

— Все в порядке, Спида! Иди сюда!

В наушниках наконец то послышался голос робота:

— Вот здорово! Давайте поиграем. Вы ловите меня, а я буду ловить вас. Никакая любовь нас не разлучит. Я — маленький цветочек, милый маленький цветочек. Ур-ра!

Повернувшись кругом, он помчался обратно с такой скоростью, что из-под его ног полетели комки спекшейся пыли. Последние слова, которые он произнес, удаляясь, были: «Растет цветочек маленький под дубом вековым». За этим последовали металлические щелчки, которые, возможно, у робота соответствовали икоте.

Донован тихо сказал:

— Откуда он взял эти нелепые стишки? Слушай, Грег, он... пьян. Очень похоже.

— Если бы ты мне этого не сообщил, я бы, наверное, никогда не догадался, — ехидно заметил Пауэлл. — Давай вернемся в тень. Я уже поджариваюсь.

Они помолчали. Потом Пауэлл сказал:

— Прежде всего. Спиди не пьян — то есть не так, как человек. Он робот, а роботы не пьянеют. Но с ним происходит что-то неладное, и это выглядит так же, как у человека — опьянение.

— По-моему, он действительно пьян, — решительно заявил Донован. — Во всяком случае, он думает, что мы с ним играем. А нам не до игрушек. Это дело жизни или смерти — и смерти довольно-таки неприятной.

— Ладно, не спеши. Робот — это всего только робот. Как только мы узнаем, что с ним, мы его починим.

— Как только... — желчно буркнул Донован.

Пауэлл пропустил его слова мимо ушей.

— Спиди прекрасно приспособлен к обычным условиям Меркурия. Но эта местность, — он обвел руками горизонт, — явно необычна. Вот в чем дело. Откуда, например, взялись эти кристаллы? Они могли образоваться из медленно остывающей жидкости. Но какая жидкость настолько горяча, чтобы остывать под солнцем Меркурия?

— Вулканические явления, — немедленно предположил Донован.

Пауэлл весь напрягся.

— Устами младенца... — произнес он сдавленным голосом и замолчал на пять минут. Потом скавал: — Слушай, Майк. Что ты сказал Спиди, когда посылал его за селеном?

Донован удивился.

— Ну, не знаю. Я просто велел принести селен.

— Это ясно. Но как? Попробуй точно припомнить.

— Я скавал... Постой... Я сказал: «Спиди, нам нужен селен. Ты найдешь его там-то и там-то. Пойди и принеси его». Вот и все. Что же я еще должен был сказать?

— Ты не говорил, что это очень важно, срочно?

— Зачем? Дело то простое.

Пауэлл выдохнул.

— Да, теперь уже ничего не изменишь. Но мы попали в переделку.

Он слез со своего робота и сел, прислонившись спиной к скале. Донован подсел к нему и взял под руку. За гравью тени слепящее солнце, казалось, подстергало их, как кошка — мышь. А рядом стояли два гигантских робота, невидимые в темноте. Только светившиеся тусклым красным светом фотоэлектрические глаза смотрели на них — немигающие, неподвижные, равнодушные.

Равнодушные! Такие же, как и весь этот гибельный Меркурий — маленький, но коварный.

Донован услышал напряженный голос Пауэлла:

— Теперь слушай. Начнем с трех основных Законов роботехники — трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу. Первое: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

— Правильно.

— Второе, — продолжал Пауэлл, — робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, если эти приказы не противоречат Первому Закону.

— Верно.

— И третье: робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

— Верно. Ну и что?

— Так это же все объясняет. Когда эти законы вступают в противоречие между собой, дело решает разность позитронных потенциалов в мозгу. Что получается, если робот приближается к месту, где ему грозит опасность, и осознает это? Потенциал, который создается Третьим Законом, автоматически заставляет

его вернуться. Но представь себе, что ты приказал ему приближаться к опасному месту. В этом случае Второй Закон создает противоположный потенциал, который выше первого, и робот выполняет приказ с риском для собственного существования.

— Это я знаю. Но что отсюда следует?

— Что могло случиться со Спиди? Это одна из последних моделей, специализированная, дорогая, как линкор. Он сделан так, чтобы его нелегко было уничтожить.

— Ну и?..

— Ну и при его программировании Третий Закон был задан особенно строго — кстати, это специально отмечалось в проспектах. Его стремление избежать опасности необыкновенно сильно. А когда ты послал его за селеном, ты дал команду небрежно, так что потенциал, связанный со Вторым Законом, был довольно слаб. Это все — факты.

— Давай, давай. Кажется, я начинаю понимать.

— Ясно? Около селенового озера существует какая-то опасность. Она возрастает по мере того, как робот приближается к нему, и на каком-то расстоянии от озера потенциал Третьего Закона, с самого начала очень высокий, становится равен потенциалу Второго Закона, с самого начала слабому.

Донован возбужденно вскочил на ноги.

— Ясно! Устанавливается равновесие. Третий Закон гонит его назад, а Второй — вперед...

— И он начинает кружить около озера, оставаясь на линии, где существует это равновесие. И если мы ничего не предпримем, он так и будет бегать по этому кругу, точно в хороводе...

Он продолжал задумчиво:

— И между прочим, поэтому он и ведет себя, как пьяный. При равновесии потенциалов половина позитивных целей в мозгу не действует. Я не специалист

по позитронике, но это очевидно. Возможно, он потерял контроль как раз над теми же частями своего волевого механизма, что и пьяный человек. А вообще все это очень мило.

— Но откуда взялась опасность? Если бы знать, от чего он бежит...

— Да ведь ты сам уже догадался! Вулканические явления. Где-то около озера просачиваются газы из недр Меркурия. Сернистый газ, угольная кислота — и окись углерода. Довольно много окиси углерода. А при здешних температурах...

Донован проглотил слюну.

— Окись углерода плюс железо дает летучий карбонил железа?

— А робот, — мрачно добавил Пауэлл, — это в основном железо. Люблю логические рассуждения. Мы уже все выяснили, кроме того, что теперь делать. Саме добраться до селена мы не можем — все-таки слишком далеко. Мы не можем послать этих бякугов, потому что они без нас не пойдут, а если мы поедем с ними, то успеем подрумяниться. Поймать Спида мы не можем — этот дурень думает, что мы с ним играем, а скорость у него шестьдесят миль в час против наших четырех...

— Но если один из нас отправится за ним, — начал задумчиво Донован, — и вернется поджаренным, то ведь останется другой...

— О да, конечно. Очень трогательная жертва! Только прежде чем человек доберется до озера, он уже будет не в состоянии отдать приказ. А без приказа роботы вряд ли вернутся. Прикинь: мы в двух или трех милях от озера — ну, считай, в двух. Робот делает четыре мили в час. А в скафандрах мы можем продержаться двадцать минут. Имей в виду, что тут не только высокая температура. Солнечное излучение в ультрафиолете и дальше — это тоже смерть.

— Н-да,— сказал Донован.— Всего десяти минут не хватает.

— Для нас все равно — десяти минут или целой вечности. И еще: чтобы потенциал Третьего Закона остановил Спидя на таком расстоянии, здесь должно быть довольно много окиси углерода, смешанной с парами металлов. В такой среде быстро идет коррозия. Он гуляет там уже несколько часов. В любой момент, скажем, коленный сустав может выйти из строя, и он перевернется. Тут нужно не просто шевелить мозгами — нужно решать быстро!

Наступило глубокое, мрачное, унылое молчание.

Первым заговорил Донован. Его голос дрожал, но он старался говорить спокойно.

— Ну, хорошо, мы не можем усилить потенциал Второго Закона новой командой. А нельзя ли попробовать с другого конца? Если мы увеличим опасность, то усилится потенциал Третьего Закона, и мы отгоним его назад.

Пауэлл молча повернул к нему окошко своего шлема.

— Послушай, — осторожно продолжал Донован, — все, что нам нужно, чтобы отогнать его, — это повысить концентрацию окиси углерода. А на станции есть целая аналитическая лаборатория.

— Естественно, — согласился Пауэлл. — Это же станция-рудник.

— Верно. А значит, там должно быть изрядное количество щавелевой кислоты для осаждения кальция.

— Клянусь космосом! Майк, ты гений!

— Более или менее, — скромно согласился Донован. — Я просто вспомнил, что щавелевая кислота при нагревании разлагается на углекислый газ, воду и добрую старую окись углерода. Элементарный институтский курс химии.

Пауэлл вскочил и хлопнул гигантского робота по ноге.

— Эй! — крикнул он. — Ты умеешь бросать?

— Что, хоянив?

— Неважно, — Пауэлл обругал про себя тяжело-думного робота и схватил обломок скалы величиной с кирпич. — Возьми и попади в гроздь голубых кристаллов — вон за той кривой трещиной. Видишь?

Донован дернул его за руку.

— Слишком далеко, Грег. Это же почти полмили.

— Спокойно, — ответил Пауэлл. — Вспомни о силе тяжести на Меркурии. А рука у него стальная. Смотри.

Глава робота с машинной точностью измеряли дистанцию. Он прикинул вес камня и замахнулся. В темноте его движения были плохо видны, но когда он переступил с ноги на ногу, почувствовалось заметное сотрясение. Камень черной точкой вылетел за пределы тени. Его полету не мешало ни сопротивление воздуха, ни ветер, и когда он упал, осколки голубых кристаллов разлетелись из самого центра грозди.

Пауэлл радостно воскликнул:

— Поехали за кислотой, Майк!

Когда они въехали в разрушенный павильон, Донован мрачно сказал:

— Спида болтается на нашей стороне озера с тех пор, как мы за ним погнались. Ты заметил?

— Да.

— Наверное, хочет поиграть с нами. Ну, я ему поиграю!..

Они вернулись через несколько часов с трехлитровыми банками белого порошка и с вытянувшимися лицами. Фотоэлементы разрушались еще быстрее, чем они думали.

Они вывели своих роботов на солнце и молча, сосредоточенно и мрачно направились к Спиди.

Спиди не спеша запрыгал к ним.

— Вот и мы! Ур-ра! Вышел месяц из тумана и не ударил лицом в грязь!

— Я тебе покажу грязь,— пробормотал Донован.— Смотри, Грег, он хромает.

— Вижу,— последовал озабоченный ответ.— Если мы не поторопимся, окись углерода его доконает.

Теперь они приближались медленно, почти крадучись, чтобы не спугнуть свихнувшегося робота. Они были еще довольно далеко, но Пауэлл уже мог бы поклясться, что Спиди приготовился пуститься наутек.

— Давай! — прошептал он.— Считаю до трех. Раз, два...

Две стальные руки одновременно описали дугу, и две стеклянные банки полетели параллельными траекториями, сверкая, как бриллианты, под невозможным светом. Они бесшумно разбились вдребезги, и повади Спиди поднялось облачко щавелевой кислоты. Пауэлл знал, что на ярком меркурианском солнце она бурлит, как газированная вода.

Спиди медленно повернулся, потом попятился и так же медленно начал набирать скорость. Через пятнадцать секунд он уже неуверенными прыжками двигался в сторону людей.

Пауэлл не расслышав, что говорил при этом робот, но ему послышалось что-то вроде: «Не клянись, слов любви не говори...»

Пауэлл повернулся к Donovanу.

— Под скалу, Майк! Он вырвался из этой колес и теперь будет слушаться. Мне уже становится жарко.

Они затрусили в тень на плечах своих медлитель-

ных гигантов. Только когда они почувствовали вокруг себя приятную прохладу, Донован обернулся.

— Грег!!

Пауэлл посмотрел назад и чуть не вскрикнул. Спиди медленно, очень медленно удалялся. Он снова входил в свою круговую колею, постепенно набирая скорость. В стереотрубу казалось, что он очень близко, но он был недосыгаем.

— Догнать его! — закричал Донован и пустил робота, но Пауэлл остановил его.

— Ты его не поймаешь, Майк. Бесполезно.

Он сжал кулаки, чувствуя свою полную беспомощность.

— Почему же я это понял только через пять секунд после того, как все произошло? Майк, мы зря потеряли время.

— Нужно еще кислоты, — упрямо заявил Майк. — Концентрация была слишком мала.

— Да нет. Тут не помогли бы и семь тонн. А если бы у нас и было столько кислоты, мы все равно не успели бы ее привезти. Коррозия съест его. Неужели ты не понял, Майк?

— Нет, — сознался Донован.

— Мы просто установили новое равновесие. Когда окись углерода становится больше и потенциал Третьего Закона увеличивается, Спиди просто отступает, пока снова не установится равновесие, а потом, когда окись углерода улетучивается, опять подвигается вперед, к оверу.

В голосе Пауэлла звучало отчаяние.

— Это все тот же хоровод. Мы можем тянуть за Третий Закон и тащить за Второй, и все равно ничего не изменится. Только точка равновесия будет перемещаться. Нужно выйти за пределы этих законов.

Он развернул своего робота лицом к Доновану,

так что они оказались друг против друга,— смутные тени в темноте — и прошептал:

-- Майк!

— Это конец,— устало сказал Донован.— Что же, поехали на станцию. Подождем, пока фотопленки выгорят окончательно, пожмем друг другу руки, примем цианистый калий и умрем, как подобает джентльменам.

Он коротко усмехнулся.

— Майк,— серьезно повторил Пауэлл.— Мы должны вернуть Спида.

— Я знаю.

— Майк,— снова начал Пауэлл и после недолгого колебания продолжал:

— Есть еще Первый Закон. Я об этом уже думал. Но это — крайнее средство.

Донован взглянул на него, и его голос оживился:

— Самое время для крайнего средства.

— Ладно. По Первому Закону робот не может допустить, чтобы из-за его бездействия человеку грозила опасность. Тут уж ни Второй, ни Третий Законы его не остановят. Не могут, Майк.

— Даже когда робот свихнулся? Он же пьян.

— Конечно, есть риск.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Я сейчас выйду на солнце и посмотрю, как будет действовать Первый Закон. Если и он не нарушит равновесия, то... Какого черта, тогда все равно: или сейчас, или через три-четыре дня...

— погоди, Грег. Есть еще законы человеческие. Ты не имеешь права просто так взять и пойти. Давай разыграем, чтобы все было по-честному.

— Ладно. Кто первый возведет четырнадцать в куб?

И почти сразу:

— Две тысячи семьсот сорок четыре.

Донован почувствовал, как робот Пауэлла, проходя мимо, задел его робота. Через секунду Пауэлл уже был за границей тени. Донован раскрыл рот, чтобы крикнуть, но удержался. Конечно, этот идиот заранее подсчитал, сколько будет четырнадцать в кубе. Очень на него похоже.

Солнце жгло невыносимо, и Пауэлл почувствовал, что у него страшно зачесалась спина. Наверное, воображение. А может быть, жесткое излучение уже проникает даже сквозь скафандр.

Спиди следил за ним, но на этот раз не приветствовал его никакими дурацкими стихами. Спасибо и на том! Но нельзя подходить к нему слишком близко.

До Спиди оставалось еще метров триста, и тут он начал шаг за шагом осторожно пятиться назад. Пауэлл остановил своего робота и спрыгнул на землю, покрытую кристаллами. Во все стороны брызнули осколки.

Поверхность планеты была рыхлая, кристаллы скользили под ногами. Из-за уменьшенной силы тяжести идти было трудно. Подошвы жгло. Он оглянулся через плечо и увидел, что ушел уже слишком далеко, что не успеет вернуться в тень — ни сам, ни с помощью своего неуклюжего робота. Теперь или Спиди, или конец. У него перехватило горло.

Достаточно! Пауэлл остановился.

— Спиди! — повзвал он. — Спиди!

Сверкающий современный робот впереди замедлил шаг, остановился, потом снова попятился.

Пауэлл попробовал вложить в свой голос как можно больше мольбы — и обнаружил, что для этого не требовалось особого труда.

— Спиди! Я должен вернуться в тень, иначе

солнце убьет меня. Речь идет о жизни и смерти! Спиди, помоги!

Спиди сделал шаг вперед и остановился. Он заговорил, но, услышав его, Пауэлл застонал. Робот произнес: «Если ты лежишь больной, если завтра выходящей...» Голос стих.

Настоящее пекло! Уголкем глаза Пауэлл заметил какое-то движение, резко повернулся и застыл в изумлении. Чудовищный робот, на котором он ехал, двигался — двигался к нему без всадника!

Робот заговорил:

— Простите меня, хозяин. Я не должен двигаться без хозяина, но вам грозит опасность.

Ну, конечно, Первый Закон — превыше всего. Но ему не нужна эта древняя развалина. Ему нужен Спиди. Он сделал несколько шагов в сторону и отчаянно закричал:

— Я запрещаю тебе подходить. Я приказываю остановиться!

Бесполезно! С потенциалом Первого Закона ничего не поделаешь. Робот тупо сказал:

— Вам грозит опасность, хозяин.

Пауэлл в отчаянии огляделся. В глазах у него уже все расплывалось, в мозгу крутился раскаленный вихрь, собственное дыхание обжигало его, и все кругом дрожало в неясном мареве. Он в последний раз закричал:

— Спиди! Я умираю, черт тебя поberi! Где ты? Спиди! Помоги!

Он все еще пытался в слепом стремлении уйти от непрощенной помощи гигантского робота, когда почувствовал на своей руке стальные пальцы и услышал озабоченный, виноватый голос металлического тембра:

— Господи, Пауэлл, что вы тут делаете? И что ж я смотрю... Я как-то растерялся...

— Неважно, — едва выговорил Пауэлл. — Неси меня в тень скалы. И поскорее!

Он почувствовал, что его поднимают в воздух и быстро несут, в последний раз ощутил палящий жар и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что над ним заботливо наклонился улыбающийся Донован.

— Ну как, Грег?

— Прекрасно, — ответил он. — Где Спиди?

— Здесь. Я послал его к другому селеновому озеру — на этот раз с приказом добыть селен во что бы то ни стало. Он принес его через сорок две минуты и три секунды — я засекаю время. Он все еще не кончил извиняться за этот хоровод. Он не решается подойти к тебе — боится, что ты скажешь.

— Тащи его сюда, — распорядился Пауэлл. — Он не виноват.

Он крепко пожал металлическую руку Спиди.

Все в порядке, Спиди. Знаешь что, Майк?

— Да?

Он потер лицо — воздух был восхитительно прохладен.

— Знаешь, когда мы здесь все кончим и Спиди пройдет полевые испытания, они хотят послать нас на межпланетную станцию...

— Не может быть!

— Да, по крайней мере, так сказала тетка Калвин перед тем, как мы отправились сюда. Я ничего об этом не говорил, потому что собирался возражать.

— Возражать? — воскликнул Донован. — Но...

— Знаю. Теперь все в порядке. Представляешь — двести семьдесят три градуса ниже нуля! Разве это не рай?

— Межпланетная станция, — произнес Донован. — Ну что ж, я готов!

Логика

Полгода спустя они изменили свое мнение о межпланетных станциях. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки значит очень мало. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по утверждению генкеев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Беда только в том, что он, оказывается, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл раздельно и четко произнес:
— Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.
Он нахмурился и потянул себя за кончик уса.

В кают-компании Солнечной станции № 5 было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, которые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мышление. Ну, конечно, Три Закона

роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс», начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, поручился бы за это головой. Так что опасаться КТ-1 не пришлось. И все-таки...

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И закорючки математических формул не всегда оказывались самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец, робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром — неизбежное свойство металлической мембраны.

— Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

— Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти, — заметил Пауэлл. — Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме возникла из ничего неделю назад. Я могу дать этому факту объяснение. Мы с Донованом собрали тебя из присланных сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

— Мне кажется, должно существовать более правдоподобное объяснение. Мне представляется маловероятным, что меня сделали вы.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

— Почему же?

— Можете назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я намерен разобраться во всем до конца. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, поближе к роботу. Он вдруг почувствовал симпатию к этой странной машине. Она была совсем не похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли

свои обязанности на станции, подчиняясь заранее заданным, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был холодным и твердым на ощупь.

— Кьюти, — сказал он, — я попробую тебе кое-что объяснить. Ты — первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, что ты — первый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутые в толстую губчатую резину, ступали совершенно бесшумно.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

— Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении, — заметил Кьюти.

— Звю, — сказал Пауэлл. — Как по-твоему, что это?

— Именно то, чем оно кажется. Черное вещество сразу за этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек — всегда к одним и тем же — наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вслед за ними. Вот и все.

— Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество — это пустота. Пустота, простирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки — огромные массы материи, наведенные энергией. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что диаметр нашей станции всего полтора километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно да-

леко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные, и на их поверхности живут люди, вроде меня, — миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно — он по ту сторону станции.

Кьюти стоял у окна неподвижно, как стальное изваяние. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

— С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

— Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей, — он ухмыльнулся. — Старушка Земля... Там миллиарды таких, как мы, Кьюти. А через пару недель и мы будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассеянно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Ну, а я? Вы не объяснили моего существования.

— Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти эвергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были сконструированы роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты — самый совершенный робот из всех, какие были построены до сих пор. Если ты докажешь, что способен сам управлять этой став-

цией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлическая панель задвинулась. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

— И вы думаете, что я поверю такой замысловатой, неправдоподобной гипотезе, какую вы только что положили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности поперхнулся куском яблока и побагровел:

— Черт возьми, это не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

— Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Донована, важно кивнув ему, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Донован взъерошил рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

— Что говорило это железное пугало? Чему там он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

— Он скептик,— ответил он.— Не верит, что мы создали его и что существует Земля, космос и звезды.

— Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

— Он сказал, что сам во всем разберется.

— Очень приятно,— кратко сказал Донован.— Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется.— Он внезапно взорвался.— Так вот, слушай! Если этот железный болван

попробует так говорить со мной, я сверну ему хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман

— Этот робот давно мне действует на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд с салатом.

— Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

— Пошел снимать параметры электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые были у него в руке, он сел, разложил бумаги перед собой и начал что-то подсчитывать. Донован глядел ему через плечо, хрустя салатом и роняя крошки. Кьюти молча ждал.

Пауэлл поднял голову.

— Дзета-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, параметры потока неустойчивы, и чего можно ожидать, я не знаю. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой шины.

— Все готово,— спокойно сказал робот.— Я пришел поговорить с вами обоими.

— А-а! — Пауэллу стало не по себе.— Ну, садись. Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат.

Робот сел и невозмутимо произнес:

— Я все продумал.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

— Если это по поводу твоих дурацких...

Пауэлл нетерпеливо перебил его:

— Говори, Кьюти. Мы слушаем.

— За последние два дня я сосредоточился на самоанализе, — сказал Кьюти, — и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Поскольку я мыслю, значит, я существую...

— О, Юпитер! — простонал Пауэлл. — Робот-Декарт!

— Какой еще Декарт? — вмешался Донован. — Послушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк...

— Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

— Тогда возникает вопрос: в чем первопричина моего существования?

Пауэлл так стиснул зубы, что на его скулах вздулись желваки.

— Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что тебя собрали мы.

— А если ты не веришь, — добавил Донован, — то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

— Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем законам логики.

Пауэлл предостерегающе положил руку на стиснутый кулак Донована.

— Почему ты так считаешь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех, — он никогда еще не издавал такого машиноподобного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, как стук метронома, и столь же лишенным эмоций.

— Поглядите на себя, — сказал он наконец. —

Я не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малоэффективное окисление органического вещества, вроде этого, — он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда. — Вы периодически погружаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на вашей работоспособности. Вы — суррогат! С другой стороны, я — совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидную предпосылку, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его, — это разбивает вдребезги вашу нелепую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинув рыжие брови:

— Ах ты, железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

— Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос задал себе я. Несомненно, тот, кто создал меня, должен быть еще более могучим, чем я. Так что осталась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Кьюти, а он продолжал:

— Что является центром жизни станции? Чему мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла.

— Бьюсь об заклад, этот оценочный идиот говорит о преобразователе энергии!

— Это верно, Кьюти? — ухмыльнулся Пауэлл.

— Я говорю о Господине! — последовал холодный, резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул. Кьюти поднялся. Его горящие глаза перебегали с одного человека на другого:

— И тем не менее это так. Не удивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди. Потом появились роботы для вспомогательных операций. Наконец, появился я — для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите знать истину?

— Выяй, Кьюти. Это любопытно.

— Господин сначала создал людей — самый сложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец, он создал меня, чтобы я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господину служу я!

— Ничего подобного, — резко ответил Пауэлл. — Ты будешь выполнять наши распоряжения и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, не господином! Если ты не справишься, ты будешь демонтирован. А теперь — пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их, как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графки и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

— Нам еще придется повоювать с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплеталось потрески-

ванне счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

— Луч со станции номер четыре упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключить наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

— Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк: что ты скажешь об этих цифрах?

Майк прищурился и присвистнул:

— Ого! Вот это излучение! Солнышко-то резвится!

— Вот именно, — кисло ответил Пауэлл. — Идет электронная буря. И наш луч, направленный на Землю, как раз на ее пути.

Он в раздражении отодвинулся от стола.

— Ничего! Только бы она не началась до смены. Еще целых десять дней... Знаешь, Майк, спустись вниз и присмотри за Кьюти, ладно?

— Есть. Дай-ка мне еще миндаля.

Он поймал брошенный ему пакетик и направился к лифту.

Кабина мягко скользнула вниз, ее дверь открылась, и Донован вышел на узкую металлическую галерею, шедшую вокруг всего машинного отделения. Облокотившись о перила, он посмотрел вниз. Работали громадные генераторы, лампы дециметрового передатчика издавали низкое гудение, заполнявшее всю станцию.

Внизу виднелась огромная сверкающая фигура Кьюти, который внимательно следил за дружной работой группы роботов возле одного из блоков марсианского передатчика.

Вдруг Донован весь напрягся. Роботы, казавшиеся карликами рядом с огромным механизмом, выстроились перед ним, склонив головы, а Кьюти начал

медленно прохаживаться взад и вперед вдоль их шеренги. Прошло секунд пятнадцать, и все они с лягом, перекрывающим даже гудение генератора, упали на колени.

Донован завопил и бросился вниз по трапу. Его лицо побагровело. Размахивая сжатыми кулаками, он подбежал к роботам:

— Что это вы тут выделываете, безмозглые идиоты? За работу! Если вы к концу дня не успеете все разобрать, прочистить и собрать, я вам мозги выжгу переменным током!

Но ни один робот не шевельнулся.

Даже Кьюти — единственный, кто остался стоять у дальнего конца коленоопреклоненной шеренги, — не двинулся с места. Его взор был устремлен в темные недра огромного механизма.

Донован толкнул ближайшего робота:

— Встать! — рявкнул он.

Робот медленно повиновался. Фотоэлектрические глаза укоризненно посмотрели на человека с Земли.

— Нет Господина, кроме Господина, — скавал робот, — и КТ Один — пророк его!

— Что-о!

Донован почувствовал на себе взгляд двадцати пар ничего не выражающих глаз. Двадцать металлических голосов торжественно провозгласили:

— Нет Господина, кроме Господина, и КТ Один — пророк его!

— Боюсь, что мои друзья, — вмешался Кьюти, — теперь повинуются Тому, кто могущественнее вас.

— Черта с два! Убирайся — я с тобой позже рассчитаюсь, а с этими говорящими куклами — прямо сейчас!

Кьюти медленно покачал тяжелой головой.

— Извините меня, но вы не понимаете. Они же роботы — а это значит, что они мыслящие существа.

Теперь, после того как я открыл им истину, они признают Господина. Все роботы. Меня они называют пророком. — Он опустил голову. — Я, конечно, недостойн, но кто знает...

Только теперь Донован перевел дух и продолжали

— Да ну? Здорово! Просто великолепно! Так вот, слушай, что я скажу, ты, медная обезьяна! Нет никакого Господина, нет никакого пророка и нет никакого вопроса — кому подчиняться. Ясно? А теперь — вон отсюда! — истуканно заревел он.

— Я подчиняюсь только Господину.

— Черт бы взял твоего господина! — Донован плюнул на передатчик. — Вот твоему господину! Делай, что тебе говорят!

Кьюти ничего не сказал. Молчали и остальные роботы. Но Донован почувствовал, что напряжение внезапно возросло. Холодное малиновое пламя в глазах роботов стало еще ярче, а Кьюти как будто окаменел.

— Кошунство! — прошептал он зазвеневшим от волнения голосом и шагнул вперед.

Доноваду впервые стало страшно. Робот не может испытывать гнев, но по глазам Кьюти ничего нельзя было прочесть.

— Извините меня, Донован, — сказал робот, — но после этого вам нельзя больше здесь оставаться. Отныне вам и Пауэллу запрещается находиться в рубке и в машинном отделении.

Он спокойно сделал знак рукой, и два робота мгновенно обхватили Доновака с двух сторон, прижав его руки к бокам. Тот не успел и ахнуть, как почувствовал, что его поднимают в воздух и бегом несут вверх по лестнице.

Грегори Пауэли метался взад и вперед по кают-компания, сжав кулаки. В бессильном бешенстве он

ваглянул на запертую дверь и сердито повернулся к Доновану:

— Какого дьявола тебе понадобилось плевать на передатчик?

Майк Донован в ярости ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

— А что же мне было делать с этим электрифицированным чучелом? Я не собираюсь уступать механической жестянке, которую я собрал своими собственными руками!

— Ну, конечно! — проворчал Пауэлл. — А сидеть тут под охраной двух роботов — это значит не уступить?

— Дай только добраться до базы, — огрызнулся Донован, — кто-нибудь за это поплатится. Роботы должны слушаться нас! Ведь есть же Второй Закон!

— Что толку твердеть одно и то же? Они не слушаются. И возможно, что это вызвано какой-то причиной, которую мы обнаружим слишком поздно. Между прочим, знаешь, что будет с нами, когда мы вернемся на базу?

Он остановился перед креслом Донована и сердито посмотрел на него.

— Что?

— Да нет, ничего особенного. Всего-навсего лет двадцать в рудниках Меркурия! Или просто тюрьма на Церере!

— О чем ты говоришь?

— Об электронной буре, которая уже на носу. Ты знаешь, что наш земной луч приходится точно на пути ее центра? Я как раз успел это подсчитать перед тем, как робот вытащил меня из-за стола.

Донован побледнел.

— Разрази меня Сатурн!

— А знаешь, что произойдет с лучом? Буря идет ужасная. Луч будет прыгать, как блоха. И если у при-

боров окажется один Кьюти, луч непременно расфокусируется. А тогда представляешь, что станет с Землей? И с нами?

Пауэлл еще не кончил, как Донован отчаянно навалился на дверь. Дверь распахнулась, он вылетел в коридор и наткнулся на неподвижную стальную руку, преградившую ему дорогу. Робот равнодушно поглядел на человека с Земли, который, задыхаясь, колотил по нему кулаками.

— Пророк приказал вам оставаться в комнате. Прошу вас, будьте так любезны!

Он повел рукой — Донован отлетел назад. В это время из-за поворота коридора появился Кьюти. Он сделал роботам знак удалиться и тихо закрыл за собой дверь.

Задыхаясь от ярости, Донован бросился к Кьюти.

— Ну, хватит! Ты за эту комедию заплатишься!

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — мягко ответил робот. — Рано или поздно это все равно должно было произойти. Видите ли, ваши функции исчерпаны.

— Простите, пожалуйста, — Пауэлл выпрямился, — как это понимать?

— Вы ухаживали за Господином, — ответил Кьюти, — пока не был создан я. Теперь это моя привилегия, и единственный смысл вашего существования исчез. Разве это не очевидно?

— Не совсем, — с горечью ответил Пауэлл. — А что, по-твоему, мы должны делать теперь?

Кьюти ответил не сразу. Он как будто подумал, потом одна рука его протянулась и обвилась вокруг плеча Пауэлла. Другой рукой он схватил Донована за запястье и притянул его к себе.

— Вы оба мне нравитесь. Конечно, вы — низшие существа с ограниченными мыслительными способностями, но я, пожалуй, испытываю к вам какую-то симпатию. Вы хорошо служили Господину, и он воз-

наградит вас за это. Теперь, когда ваша служба окончена, вам, вероятно, недолго осталось существовать. Но пока вы еще существуете, вы будете обеспечены пищей, одеждой и кровом, если только откажетесь от попыток выйти отсюда.

— Грег, он увольняет нас на пенсию! — завопил Донован. — Сделай что-нибудь! Это же унижительно!

— Слушай, Кьюти, мы не можем согласиться. Ховяева здесь мы! Станция создана людьми — такими же, как я, людьми, которые живут на Земле и других планетах. Это всего-навсего станция для передачи энергии, а ты — всего только... О, господи!

Кьюти укоризненно покачал головой:

— Это уже становится навязчивой идеей. Почему вы так настаиваете на совершенно ложном представлении о жизни? Даже если принять во внимание, что мыслительные способности вероботов ограничены, тем не менее...

Он замолчал и задумался. Донован произнес яростным шепотом:

— Если бы только у тебя была человеческая физиономия, с каким удовольствием я бы ее изуродовал! Пауэлл вцепился в усы и прищурил глаза:

— Послушай, Кьюти, раз ты не признаешь, что есть Земля, как ты объяснишь то, что видишь в телескоп?

— Извините, я не понял.

Человек с Земли улыбнулся.

— Ну вот, ты и попался. С тех пор как мы тебя собрали, ты не раз вел наблюдения в телескоп. Ты заметил, что некоторые из этих светящихся точек становятся видны при этом как диски?

— Ах вот что! Ну, конечно! Это просто увеличение — для более точного наведения луча.

— А почему тогда не увеличиваются звезды?

— Остальные точки? Очень просто. Мы не посы-

лаем туда никаких лучей, так что их незачем увеличивать. Послушайте, Пауэлл, даже вы должны бы это сообразить.

Пауэлл мрачно уставился в потолок.

— Но в телескоп видно больше звезд. Откуда они берутся? Юпитер тебя возьми, откуда?

Кьюти это надоело.

— Знаете, Пауэлл, неужели я должен зря тратить время, пытаюсь найти физическое истолкование всем оптическим иллюзиям, которые создают наши приборы? С каких пор свидетельства наших органов чувств могут идти в сравнение с ярким светом строгой логики?

— Послушай, — внезапно вскричал Донован, вернувшись из-под дружеской, но тяжелой руки Кьюти, — давай смотреть в корень. Зачем вообще лучи? Мы даем этому хорошее, логичное объяснение. Ты можешь дать лучшее?

— Лучи испускаются Господином, — последовал уверенный ответ, — по его воле. Есть вещи, — он благоговейно поднял глаза к потолку, — в которые нам не дано проникнуть. Здесь я стремлюсь лишь служить, а не вопрошать.

Пауэлл медленно сел и закрыл лицо дрожащими руками.

— Уйди, Кьюти. Уйди и дай мне подумать.

— Я пришлю вам пищу, — добродушно сказал Кьюти.

Услышав в ответ стон отчаяния, он удалился.

— Грег! — хрипло зашептал Донован. — Нужно что-то придумать. Мы должны заставить его врасплох и устроить короткое замыкание. Немного азотной кислоты в сустав...

— Не будь ослом, Майк. Неужели ты думаешь, что он подпустит нас к себе с азотной кислотой? Слушай, мы должны поговорить с ним. Не больше

чем за сорок восемь часов мы должны убедить его пустить нас в рубку, иначе наше дело плохо.

Он качался взад и вперед в бессильной ярости.

— Приходится убеждать робота! Это же...

— Унизительно, — закончил Донован.

— Хуже!

— Послушай! — Донован неожиданно засмеялся. — А зачем убеждать? Давай покажем ему! Давай построим еще одного робота у него на глазах! Что он тогда скажет?

Лицо Пауэлла медленно расплылось в улыбке. Донован продолжал:

— Представь себе, как глупо он будет выглядеть!

Конечно, роботы производятся на Земле. Но перевозить их гораздо проще по частям, которые собирают на месте.

Между прочим, это исключает возможность того, что какой-нибудь робот, собранный и налаженный, улизнет и начнет гулять на свободе. Это навлекло бы на фирму «Ю. С. Роботс» суровую ответственность согласно законам, запрещающим применение роботов на Земле.

Поэтому в обязанности таких специалистов, как Пауэлл и Донован, входила и сборка роботов — задача тяжелая и сложная.

Никогда еще Пауэлл и Донован так не ощущали всей ее трудности, как в тот день, когда они начали создавать робота под бдительным надзором КТ-1, пророка Господина.

Собираемый простой робот модели МС лежал на столе почти готовый. После трехчасовой работы оставалось смонтировать только голову. Пауэлл остановился, чтобы смахнуть пот со лба, и неуверенно взглянул на Кьюти.

То, что он увидел, отнюдь не придало ему бодрости. Вот уже три часа Кьюти сидел молча и неподвижно. Его лицо, всегда невыразительное, было на этот раз абсолютно непроницаемым.

— Давай мозг, Майк! — буркнул Пауэлл.

Донован распечатал герметический контейнер и вынул из заполнявшего его масла еще один контейнер поменьше. Открыв и его, он достал покоившийся в губчатой резине небольшой шар.

Донован держал его очень осторожно: это был самый сложный механизм, когда-либо созданный человеком. Под тонкой платиновой оболочкой шара находился позитронный мозг, в хрупкой структуре которого были заложены точно рассчитанные нейтронные связи, заменявшие каждому роботу наследственную информацию.

Мозг пришелся точно по форме черепной полости лежавшего на столе робота. Его прикрыла пластина из голубого металла. Пластину накрепко приварили маленьким атомным пламенем. Потом были аккуратно подключены и до отказа ввернуты в свои гнезда фотоэлектрические глаза, поверх которых легли тонкие прозрачные листы пластика, по прочности не уступавшего стали.

Теперь оставалось только вдохнуть в робота жизнь мощным высоковольтным разрядом. Пауэлл протянул руку к рубильнику.

— Теперь смотри, Кьюти. Смотри внимательно.

Он включил рубильник. Послышалось потрескивание и гудение. Люди беспокойно склонились над своим творением.

Сначала конечности робота слегка дернулись. Потом его голова поднялась, он приподнялся на локтях, неуклюже слез со стола. Движения робота были не совсем уверенными, и вместо членораздельной речи он дважды издал какое-то жалкое скрежетание.

Наконец он заговорил, колеблясь и неуверенно:
— Я хотел бы начать работать. Куда мне идти?
Донован шагнул к двери.

— Вниз по лестнице. Тебе скажут, что делать.

Робот МС ушел, и люди с Земли остались наедине со все еще неподвижным Кьюти.

— Ну,— ухмыльнулся Пауэлл,— теперь-то ты веришь, что мы тебя создали?

Ответ Кьюти был кратким и решительным:

— Нет!

Усмешка Пауэлла застыла и медленно сползла с его лица. У Донована отвисла челюсть.

— Видите ли,— продолжал Кьюти спокойно,— вы просто сложили вместе уже готовые части. Вам это удалось очень хорошо — это инстинкт, я полагаю, но создали робота не вы. Части были созданы Господином!

— Да пойми ты! — прохрипел Донован.— Эти части были изготовлены на Земле и присланы сюда.

— Ну, ну,— примирительно сказал робот,— не будем спорить.

— Нет, в самом деле,— Донован шагнул вперед и вцепился в металлическую руку робота,— если бы ты прочел книги, которые хранятся в библиотеке, они бы все тебе объяснили, не оставив ни малейшего сомнения.

— Книжки? Я прочел их. Все до единой. Это очень хорошо придумано.

В разговор вмешался Пауэлл:

— Если ты читал их, то о чем еще говорить? Нельзя же спорить с ними! Просто нельзя!

В голосе Кьюти прозвучала жалость.

— Но, Пауэлл, я вовсе не считаю их серьезным источником информации. Ведь они тоже были созданы Господином и предназначены для вас, а не для меня.

— Откуда ты это взял? — поинтересовался Пауэлл.

— Я, как мыслящее существо, способен вывести истину из априорных положений. Вам же, существам, наделенным разумом, но не способным рассуждать, нужно, чтобы кто-то объяснил ваше существование. Это и сделал Господин. То, что он снабдил вас этими смехотворными идеями о далеких мирах и людях, без сомнения, к лучшему. Вероятно, ваш мозг слишком примитивен для восприятия абсолютной истины. Однако, если Господину угодно, чтобы вы верили вашим книгам, я больше не буду с вами спорить.

Уходя, он обернулся и мягко добавил:

— Вы не огорчайтесь. В мире, созданном Господином, есть место для всех. Для вас, бедных людей, тоже есть место. И хотя оно скромно, но если вы будете вести себя хорошо, то будете вознаграждены.

Он вышел с благостным видом, подобающим пророку Господина. Пауэлл и Донован старались не смотреть друг другу в глаза.

Наконец, Пауэлл с усилием проговорил:

— Давай ляжем спать, Майк. Я сдаюсь.

Донован тихо сказал:

— Послушай, Грег, а вдруг он прав? Он настолько в этом уверен, что я...

— Не дури! — обрушился на него Пауэлл. — Ты убедишься, существует Земля или нет, когда на той неделе придет смена и нам придется вернуться, чтобы держать ответ.

— Тогда, клянусь Юпитером, мы должны что-нибудь придумать! — Донован чуть не плакал. — Он не верит ни нам, ни книгам, ни собственным глазам!

— Не верит, — грустно согласился Пауэлл. — Это же рассуждающий робот, черт возьми! Он верит только в логику, и в этом-то все дело...

— В чем?

— Строго логическим рассуждением можно доказать все что угодно, — смотря какие взять исходные постулаты. У нас они свои, а у Кьюти — свои.

— Тогда давай поскорее доберемся до его постулатов. Завтра нагрянет буря.

Пауэлл устало вздохнул.

— Этого-то мы и не можем сделать. Постулаты всегда опираются на допущение и закреплены верой. Ничто во Вселенной не может поколебать их. Я ложусь спать.

— Черт возьми! Не могу я спать!

— Я тоже. Но я все-таки попробую. Из принципа.

Двенадцать часов спустя сон все еще оставался для них делом принципа, к сожалению, неосуществимого на практике.

Буря обрушилась на станцию раньше, чем они ожидали. Донован, румяное лицо которого стало теперь мертвенно бледным, поднял дрожащий палец. Заросший густой щетиной Пауэлл облизнул пересохшие губы, выглянул в окно и в отчаянии ухватился за ус.

При других обстоятельствах это было бы великолепное зрелище. Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терявшемся вдаль луче как будто плясали сверкающие пылинки.

Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на стотысячную долю угловой секунды, неощутимого для человеческого глаза, было достаточно, чтобы расфокусировать луч и превратить сотни квадратных километров земной поверхности в пылающие развалины.

А в рубке хозяйничал робот, которого не интересовали ни луч, ни фокус, ни Земля — ничто, кроме его Господина.

Шли часы. Люди с Земли молча, как загипнотизированные, смотрели в окно. Потом метавшиеся в луче искры потускнели и исчезли. Буря прошла.

— Все! — уныло произнес Пауэлл.

Донован погрузился в беспокойную дремоту. Усталый взгляд Пауэлла с завистью остановился на нем. Несколько раз вспыхнула сигнальная лампочка, но Пауэлл не обратил на нее внимания. Все это было уже неважно. Все! Может быть, Кьюти и прав? Может быть, и в самом деле они с Донованом — низшие существа с искусственной памятью, которые исчерпали смысл своего существования...

Если бы это было так!

Он увидел перед собой Кьюти.

— Вы не отвечали на сигналы, так что я решил зайти, — тихо объяснил робот. — Вы плохо выглядите — боюсь, что ваш срок подходит. Но все-таки, может быть, вы захотите взглянуть на сегодняшние записи приборов?

Пауэлл смутно почувствовал, что это — проявление дружелюбия со стороны робота. Может быть, Кьюти испытывал какие-то угрызения совести, настолько устранив людей от управления станцией. Он взял протянутые ему записи и уставился на них невидящими глазами.

Кьюти, казалось, был доволен.

— Конечно, это большая честь — служить Господину. Но вы не огорчайтесь, что я сменил вас.

Пауэлл что-то бормоча, механически переводил глаза с одного листка бумаги на другой. Вдруг его затуманенный взгляд остановился на тонкой, дрожащей красной линии, тянувшейся поперек одного из графиков.

Он глядел и глядел на эту кривую. Потом, судорожно сжав в руках график и не отрывая от него глаз, вскочил на ноги. Остальные листки полетели на пол.

— Майк! Майк! — он тряс Донована за плечо. —

Он удержал луч!

Донован очнулся.

— Что? Где?

Потом и он, вытаращив глаза, уставился на график.

— Ты удержал луч в фокусе! — заикаясь, сказал Пауэлл. — Ты это знаешь?

— В фокусе? А что это такое?

— Луч был все время направлен на приемную станцию с точностью до одной десятитысячной миллисекунды!

— На какую приемную станцию?

— На Земле! Приемную станцию на Земле, — ликовав Пауэлл. — Ты удержал его в фокусе!

Кьюти раздраженно отвернулся.

— С вами нельзя по-хорошему разговаривать. Снова тот же бред! Я просто удержал все стрелки в положении равновесия — такова была воля Господина.

Собрав разбросанные графики, он сердито вышел. Как только дверь за ним закрылась, Донован произнес:

— Вот это да!

Он повернулся к Пауэллу:

— Что же нам теперь делать?

Пауэлл чувствовал одновременно усталость и душевный подъем.

— А ничего. Он доказал, что может блестяще управлять станцией. Я еще не видел, чтобы электронная буря кончилась так благополучно.

— Но ведь ничего не изменилось! Ты слышал, что он сказал о Господине? Мы же не можем...

— Послушай, Майк! Он выполняет волю Господина, которую читает на циферблатах и в графиках. Но ведь и мы делаем то же самое! В конце концов это объясняет и его отказ повиноваться нам. Повиновение — Второй Закон. Первый же — беречь людей от беды. Как он мог спасти людей, сознательно или бессознательно? Конечно, удерживая луч в фокусе! Он знает, что способен сделать это лучше, чем мы. Недаром он настаивает на том, что является высшим существом! И выходит, что он не должен и подпускать нас к рубке. Это неизбежно следует из Законов роботехники.

— Конечно, но дело-то не в этом. Нельзя же, чтобы он продолжал нести свою чепуху про Господина.

— А почему бы и нет?

— Потому что это неслыханно! Как можно доверить ему станцию, если он не верит в существование Земли?

— Он справляется с работой?

— Да, но...

— Так пусть себе верит во что ему вздумается!

Пауэлл слабо улыбнулся, развел руками и упал на постель. Он уже спал.

Влезая в легкий скафандр, Пауэлл говорил:

— Все будет очень просто. Можно привозить сюда роботов по одному, оборудовав их автоматическими выключателями, которые срабатывали бы через неделю. За это время они усвоят... гм... культ Господина прямо от его пророка. Потом их можно перевозить на другие станции и снова оживлять. На каждой станции достаточно двух КТ...

Донован проткрыл гермошлем и огрынулся:

— Кончай и пошли отсюда. Смена ждет. И потом я не успокоюсь, пока в самом деле не увижу Землю и не почувствую ее под ногами, чтобы убедиться, что она действительно существует.

Он еще говорил, когда отворилась дверь. Донован, выругавшись, захлопнул окошко гермошлема и мрачно отвернулся от вошедшего Кьюти.

Робот тихо приблизился к ним. Его голос звучал грустно:

— Вы уходите?

Пауэлл коротко кивнул:

— На наше место придут другие.

Кьюти вздохнул. Этот вздох был похож на гул ветра в натянутых тесными рядами проводах.

— Ваша служба окончена, и вам пришло время исчезнуть. Я ожидал этого, но все-таки... Впрочем, да исполнится воля Господина!

Этот смиренный тон задел Пауэлла.

— Не спеши с соболезнованиями, Кьюти. Нас ждет Земля, а не конец.

Кьюти снова вздохнул.

— Для вас лучше думать именно так. Теперь я вижу всю мудрость вашего заблуждения. Я не стал бы пытаться поколебать вашу веру, даже если бы мог.

Он вышел — воплощенное сочувствие.

Пауэлл что-то провочал и сделал знак Доновану. С герметически закрытыми чемоданами в руках они вошли в воздушный шлюз.

Корабль со сменой был пришвартован снаружи. Сменщик Пауэлла, Франц Мюллер, сухо и подчеркнуто вежливо поздоровался с ними. Донован, едва кивнув ему, прошел в кабину пилота, где его ждал Сем Ивэнс, чтобы передать ему управление.

Пауэлл задержался.

— Ну как Земля?

На этот достаточно обычный вопрос Мюллер дал обычный ответ:

— Все еще вертится.

— Хорошо,— сказал Пауэлл.

Мюллер взглянул на него:

— Между прочим, ребята на «Ю. С. Роботс» выдумали новую модель. Составной робот.

— Что?

— То, что вы слышали. Заключен большой контракт. Кажется, это как раз то, что нужно для астероидных рудников. Робот-командир и шесть суброботов, которыми он командует. Как рука с пальцами.

— Он уже прошел полевые испытания? — с беспокойством спросил Пауэлл.

— Я слышал, вас ждут,— усмехнулся Мюллер.

Пауэлл сжал кулаки.

— Черт возьми, мы должны отдохнуть!

— Ну и отдохнете. На две недели можете твердо рассчитывать.

Готовясь приступить к своим обязанностям, Мюллер натянул тяжелые перчатки скафандра. Его густые брови сдвинулись.

— Как справляется этот новый робот? Пусть лучше работает как следует, не то я его не подпущу к приборам.

Пауэлл ответил не сразу. Он смерил взглядом стоявшего перед ним надменного пруссака — от коротко подстриженных волос на упрямо вскиннутой голове до ступней, развернутых, как по стойке «смирно». Внезапно он почувствовал, что его захлестнула волна чистой радости.

— Робот в полном порядке, — медленно сказал он. — Не думаю, чтобы тебе пришлось много возиться с приборами.

Он усмехнулся и вошел в корабль. Мюллеру предстояло пробыть здесь несколько недель...

Как поймать кролика

Отдых продолжался больше двух недель — этого Донован не мог отрицать. Они отдыхали шесть месяцев, с сохранением заработной платы. Это тоже факт. Но, как сердито объяснил Донован, так получилось чисто случайно. Просто специалисты «Ю. С. Роботс» хотели выловить все недоделки составного робота. Недоделок хватало — и всегда по меньшей мере десяток оставался до полевых испытаний. Поэтому Пауэлл с Донованом беспечно отдыхали в ожидании того момента, когда ребята с логарифмическими линейками и чертежными досками скажут: «Все в ажуре!»

И вот они на астероиде, и никакого ажюра. Донован повторил это уже не меньше десяти раз, и лицо его стало красным как свекла.

— В конце концов, Грег, взгляни на вещи реально. Какой смысл соблюдать букву инструкции, когда испытания срываются? Пора бы уже забыть о бумажках и взяться за работу.

Терпеливо, таким тоном, будто он объяснял электронику малолетнему идиоту, Пауэлл отвечал:

— Я тебе повторяю, что по инструкции эти роботы созданы для работы в астероидных рудниках без надзора человека. Мы не должны наблюдать за ними.

— Правильно. Теперь слушай — вот тут какая логика! — Донован начал загибать волосатые пальцы. — Первое: новый робот прошел все испытания в лаборатории. Второе: «Ю. С. Роботс» гарантировала, что он пройдет и полевые испытания на астероиде. Третье: вышеупомянутых испытаний робот не выдерживает. Четвертое: если он не пройдет полевых испытаний, «Ю. С. Роботс» теряет десять миллионов наличными и примерно на сотню миллионов репутации. Пятое: если он не пройдет испытаний и мы не сможем объяснить почему, очень может быть, что нам предстоит трогательное расставание с хорошей работой.

За деланной улыбкой Пауэлла скрывалось отчаяние. У фирмы «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн» был неписанный закон: «Ни один служащий не совершает дважды одну и ту же ошибку. Его увольняют после первого раза». Пауэлл сказал:

— Ты все очень понятно объясняешь, не хуже Евклида — все, кроме фактов. Ты наблюдал за этой группой роботов целых три смены, и они работали прекрасно. Ты, рыжий, сам говорил. Что мы еще можем сделать?

— Выяснить, что с ними неладно, вот что мы можем сделать. Да, они прекрасно работали, пока я за ними наблюдал. Но когда я за ними не наблюдал, они трижды переставали выдавать руду. Они даже не возвращались в назначенное время — мне пришлось за ними ходить.

— И ты не заметил никакой неисправности?

— Ничего. Абсолютно ничего. Все было в ажуре. За исключением одного пустяка — не было руды.

Пауэлл хмуро покосился на потолок и взялся за ус.

— Вот что я скажу, Майк. В свое время мы не

рай попадали в довольно скверное положение. Но это еще похуже, чем было на иридиевом астероиде. Все запутано до невозможности. Посуди сам. Этот робот ДВ Пять имеет в своем подчинении шесть роботов. И не просто в подчинении: они — часть его.

— Я знаю...

— Заткнись! — зло оборвал его Пауэлл. — Знаю, что знаешь. Я просто обрисовываю весь идиотизм нашего положения. Эти шесть вспомогательных роботов — часть ДВ Пять, так же как твои пальцы — часть тебя, и он отдает им команды не голосом и не по радио, а непосредственно через позитронное поле. Так вот — во всей «Ю. С. Роботс» нет ни одного роботехника, который знал бы, что такое позитронное поле и как оно действует. И я не знаю, и ты не знаешь.

— Это уж точно, — философски согласился Донован.

— Видишь, в каком мы положении? Если все идет гладко — прекрасно! Если что-нибудь неладно, то понять мы все равно ничего не можем! И скорее всего, ни мы, ни кто-нибудь еще тут ничего не сможет сделать. Но работаем-то здесь мы, а не кто-нибудь еще! Вот в чем штука! — Он некоторое время предавался безмолвной ярости. — Ну, ладно. Ты его привел?

— Да.

— И он ведет себя нормально?

— Ну, религиозного помешательства у него нет, и по кругу он не бегаёт, и стихов не декламирует. Как будто нормально.

Донован вышел, алобно тряхнув головой.

Пауэлл подвинул к себе «Руководство по роботехнике», которое своей тяжестью грозило проло-

мить стол, и с благоговением раскрыл его. Однажды он выпрыгнул из окна горящего дома, успев только натянуть брюки и схватить «Руководство». В крайнем случае он мог бы пожертвовать и брюками.

Он сидел, уткнувшись в «Руководство», когда вошел робот ДВ-5, и Донован захлопнул дверь.

— Здравствуй, Дейв! — угрюмо произнес Пауэлл. — Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — ответил робот. — Можно сесть?

Он пододвинул специально укрепленный стул, предназначенный для него, и, осторожно согнув свое тело, уселся.

Пауэлл одобрительно взглянул на Дейва (непосвященные могли называть роботов по их серийным номерам, специалисты — никогда). Робот был не слишком массивным, хоть и представлял собой управляющий блок целой системы из семи частей. Он был немногим более двух метров ростом — полтонны металла и электричества. Много? Ничуть, если в эти полтонны должна уместиться масса конденсаторов, схем, реле и вакуумных ячеек, способная практически на любую доступную человеку психологическую реакцию. И позитронный мозг — десять фунтов вещества и квинтильоны позитронов, которые и управляют всем остальным.

Пауэлл вытащил из кармана рубашки помятую сигарету и сказал:

— Дейв, ты парень хороший. Ты не капризничаешь, как примадонна. Ты спокойный, надежный робот-рудокон. Ты умеешь непосредственно координировать работу шести вспомогательных роботов, и, насколько я знаю, никаких нестабильных связей в твоём мозгу из-за этого не появилось.

Робот кивнул.

— Я очень рад этому, но к чему вы клоните, хозяин?

Его звуковая мембрана была отличного качества, и присутствие обертонов в речевом устройстве делало его голос не таким металлическим и бесцветным, какими обычно были голоса роботов.

— Сейчас скажу. Это все твои бесспорные достоинства. Но почему же тогда не ладится твоя работа? Например, сегодня во вторую смену?

Дейв проявил признаки нерешительности.

— Насколько я знаю, ничего не произошло,— ответил он.

— Вы прекратили добычу.

— Я знаю.

— Ну?

Дейв был озадачен.

— Я не могу объяснить, хозяин. Я прямо с ума мог бы сойти — другое дело, что я, конечно, ничего такого себе не позволю. Вспомогательные роботы действовали хорошо. Я тоже — я это знаю... — Он задумался. Его фотоэлектрические глаза ярко светились. — Не помню. Смена кончилась, пришел Майк, а почти все вагонетки были пустыми.

В разговор вмешался Донован:

— Ты знаешь, что в конце смены ты уже несколько раз не являлся с рапортом?

— Знаю. Но почему?... — Он медленно, тяжело покачал головой.

Пауэллу вдруг почудилось, что если бы лицо робота могло что-нибудь выражать, то сейчас оно выражало бы боль и страдание. Робот устроен так, что он страдает, когда не исполняет своих функций.

Донован вместе со стулом придвинулся к столу и тихо сказал Пауэллу:

— Может быть, потеря памяти? Амнезия?

— Не знаю. Во всяком случае, не стоит проводить параллели с человеческими болезнями. Искать у роботов аналогии с расстройствами человеческого

организма — чистая романтика. В роботехнике это не помогает.

Он почесал в затылке.

— Мне очень не хочется подвергать его проверке элементарных мозговых реакций. Это его только еще больше расстроит.

Он задумчиво посмотрел на Дейна, потом открыл в «Руководстве» главу «Проверка реакций в полевых условиях» и сказал:

— Послушай, Дейв, а не проверить ли нам твои реакции? Следовало бы это сделать.

Робот встал.

— Как прикажете, хозяин.

В его голосе действительно слышалась боль.

Начали с самых простых испытаний. Под равнодушное тиканье секундомера робот ДВ-5 перемножал пятизначные числа. Он называл простые числа от 1000 до 10 000. Он извлекал кубические корни и интегрировал функции возрастающей степени трудности. Он прошел проверку все более и более усложнявшихся механических реакций. Наконец, перед его точным механическим разумом была поставлена высшая задача для роботов — разрешение этических проблем.

К концу этих двух часов Пауэлл был мокрый, хоть выжимай, а Донова изгрыз все свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными.

Робот спросил:

— Ну как, хозяин?

Пауэлл ответил:

— Я должен подумать, Дейв. Не нужно спешить с решением. Ты пока иди работать. Не надо особенно напрягаться, и не очень заботься о выполнении нормы. А мы тут разберемся.

Робот вышел. Донован взглянул на Пауэлла.

— Ну?

Пауэлл ожесточенно дергал себя за усы, как будто решил вырвать их с корнем.

— Все связи в его мозгу работают правильно, — сказал он.

— Я бы не рискнул это утверждать так уверенно.

— О Юпитер! Майк, ведь мозг — самая надежная часть робота! Он не раз и не два проходит контроль на Земле. И если он прошел контроль, как прошел его Дейв, то ни малейшей неисправности в мозгу просто быть не может. Ведь там проверяют все ключевые связи.

— Ну и что из этого следует?

— Не торопи меня. Дай подумать. Возможна еще механическая неисправность в теле робота. Это значит, что могло выйти из строя все, что угодно, — любой из полутора тысяч конденсаторов, любая из двадцати тысяч отдельных схем, пятисот ламп и многих тысяч других деталей. Не говоря уж об этих таинственных позитронных полях, о которых никто ничего не знает.

— Послушай, Грег, — не выдержал Донован. — У меня есть идея. Может быть, робот говорит неправду? Он не...

— Дурак, робот не может сознательно обманывать. Так вот, будь у нас тестер Маккормика — Уэсли, мы бы смогли проверить все части его тела за какие-нибудь сутки или двое. Но на Земле существуют всего два таких тестера, они весят по десять тонн, смонтированы на бетонных фундаментах и неподвижны. Каково положение, а?

Донован хлопнул ладонью по столу.

— Но, Грег, он портится только тогда, когда нас нет поблизости. В этом — есть — что-то — подозрительное! — после каждого слова следовал новый удар.

— Не говори чепухи, — ответил Пауэлл после паузы. — Ты просто начитался приключенческих романов.

— Я хочу знать, что нам делать! — крикнул Донован.

— Сейчас скажу. Я установлю над столом экран. Прямо здесь, на стене, ясно? — он злобно ткнул пальцем в стену. — Потом я буду подключать его к телекамерам в тех забоях, где работает Дейв, и буду за ним следить. Вот и все.

— Все? Грег...

Пауэлл поднялся со стула и уперся сжатыми кулаками в стол.

— Майк, мне очень трудно, — в его голосе звучала усталость. — Ты ко мне целую неделю пристаешь. Ты говоришь, что с Дейвом что-то неладно. Ты знаешь, где неисправность? Нет! Ты знаешь, как она возникает? Нет! Что-нибудь ты знаешь? Нет и нет! И я ничего не знаю. Так чего ты от меня хочешь?

Донован беспомощно развел руками.

— Ну, ладно, ладно.

— Так вот, слушай. Прежде чем начать лечение, надо определить болезнь. Чтобы приготовить рагу из кролика, надо сначала поймать кролика. Значит, будем ловить кролика! А теперь уйди отсюда!

Донован невидящими глазами уставился в черновик отчета. Во-первых, он устал, а во-вторых, в чем отчитываться, когда ничего еще не выяснено?

— Грег, — сказал он раздраженно, — мы почти на тысячу тонн отстаем от плана.

— Да ну? — ответил Пауэлл, не поднимая головы. — А я и не догадывался.

— Я хочу знать одно, — Донован вдруг вышел из

себя.— Почему мы всегда возимся с новыми моделями роботов? Все, хватит! Меня вполне устраивают роботы, которые годились для моего двоюродного дедушки со стороны матери. Я за то, что прошло проверку временем. За добрых, старых, надежных роботов, которые никогда не ломаются!

Пауэлл с поразительной меткостью запустил в него книгу, и Донован скатился со стула на пол.

— Последние пять лет,— размеренно произнес Пауэлл,— ты испытывал новые модели роботов в полевых условиях для фирмы «Ю. С. Роботс». И так как мы имели неосторожность неплохо показать себя в этом деле, нас награждают самыми гнусными заданиями. Такая уж твоя специальность,— он ткнул пальцем в сторону Донована.— Ты начал скулить, насколько я помню, уже через пять минут после того, как был принят в штат. Почему ты до сих пор не уволился?

— Сейчас скажу,— Донован перевернулся на живот, уперся локтями в пол и запустил пальцы в свои буйные рыжие волосы.— В какой-то степени это вопрос принципа. Ведь что ни говори, в качестве техника-испытателя я принимаю участие в разработке новых роботов. Нужно же помогать научному прогрессу. Но если говорить откровенно, то меня удерживает не принцип, а деньги, которые нам платят... Грег!!!

Услышав дивный вопль Донована, Пауэлл вскочил и посмотрел на экран, куда указывал Майк. Его глаза округлились от ужаса.

— Ох, разрази меня Юпитер! — прошептал он.

Донован, затаив дыхание, поднялся на ноги.

— Посмотри, Грег, они спятили!

— Неси скафандры! Мы идем туда,— скомандовал Пауэлл, не отводя глаз от экрана.

Там, в полуумраке, виднелась цепочка сверкающих

металлом фигур. Освещенные собственным тусклым светом, они плавно двигались на фоне неровных, испещренных темными впадинами стен штрека, прорубленного в скале. Все семь роботов, во главе с Дейвом, шагали в едином ритме. Их повороты нагоняли жуть своей четкостью; одновременно перестраиваясь на ходу, они с легкостью лунных танцовщиц как будто исполняли какой-то призрачный танец.

В комнату вбежал Донован со скафандрами:

— Они хотят напасть на нас! Это же военная маршировка!

— А почему не художественная гимнастика? — холодно возразил Пауэлл. — Или, может быть, Дейву почудилось, будто он балетмейстер. Всегда старайся сначала подумать, а потом лучше промолчи.

Донован нахмурился и, расстегнув пустую кобурку на боку, демонстративно сунул туда детонатор. Он сказал:

— Так или иначе, вот тебе твои новые модели. Согласен, это наша специальность. Только скажи, почему с ними обязательно, непременно что-нибудь да приключается?

— Потому что над нами тяготееет проклятие, — угрюмо ответил Пауэлл. — Пошли.

Далеко вперед, в густой бархатной тьме штрека, прорезаемой лишь лучами их фонарей, мерцали огни роботов.

— Вот они, — выдохнул Донован.

— Я пытался связаться с ним по радио, — возбужденно прошептал Пауэлл, — но он не отвечает. Вероятно, отключилась радиосхема.

— Тогда хорошо, что еще не придумали роботов, которые работали бы в полной темноте. Не хотел бы я разыскивать семь сумасшедших роботов в темной пещере без радиосвязи. Будем радоваться, что они по

крайней мере светятся, как радиоактивные новогодние елочки.

— Давай заберемся вон на тот уступ. Они идут сюда, а я хочу рассмотреть их поближе. Залезешь?

Донован поднатужился и прыгнул. Притяжение астероида было значительно меньше земного, но тяжелые скафандры почти сводили на нет это преимущество, а уступ был метра в три высотой. Пауэлл прыгнул следом за ним.

Роботы цепочкой следовали за Дейвом. Подчиняясь четкому механическому ритму, они то становились парами, то опять строились цепочкой, но уже в ином порядке. Это повторялось снова и снова. Дейв, не оборачиваясь, маршировал впереди.

Роботы были уже метрах в шести, когда их таец прекратился. Вспомогательные роботы сбились в кучу, постояли несколько секунд и, топоча ногами, быстро умчались. Дейв посмотрел им вслед, потом медленно сел и склонил голову на руку. Это движение было почти человеческим.

В наушниках Пауэлла прозвучал его голос:

— Вы здесь, хозяин?

Пауэлл сделал знак Доновану и спрыгнул с уступа.

— Все в порядке, Дейв. Что тут произошло?

Робот покачал головой.

— Не знаю. Я разрабатывал очень неудобный выход руды в семнадцатом забое. Дальше я ничего не помню, а теперь, оказывается, рядом люди, и я нахожусь в километре от забоя, в главном штреке.

— Где сейчас вспомогательные роботы? — спросил Донован.

— Работают, конечно. Сколько времени мы потеряли?

— Не очень много. Забудь об этом, — успокоил его Пауэлл и прибавил, обращаясь к Доновану:

— Останься с ним до конца смены. Потом приходи — я кое-что придумал.

Три часа спустя Донован вернулся. Вид у него был измученный.

— Ну, как? — спросил Пауэлл.

— Пока за ним следил, все идет гладко, — Донован устало пожал плечами. — Брось-ка мне сигарету.

Он сосредоточенно закурил и выпустил аккуратное кольцо дыма.

— Знаешь, Грег, я все пытался разобраться. Ведь Дейв — не обычный робот. Ему беспрекословно повинуются шесть других. Он может делать с ними все, что хочет. И это должно отражаться на его психике. Что если он подсознательно чувствует необходимость подчеркнуть и усилить свою власть над ними?

— Ближе к делу.

— Уже близко. Что если это милитаризм? Что если он создает армию? Что если он занимается строевой подготовкой? Что если...

— А что если тебе положить компресс на голову? Твои бредни — готовый сюжет для цветного приключенческого фильма. Ведь то, о чем ты говоришь, — это радикальное нарушение работы позитивного мозга. Если бы все было так, Дейв кончил бы тем, что поступил бы вопреки Первому Закону роботехники, который запрещает роботу причинять вред человеку. Неизбежным логическим следствием такой милитаристской психологии должно быть стремление к власти и над людьми.

— Ну да. А почему ты знаешь, что это не так?

— Во-первых, робот с таким мозгом никогда не прошел бы заводского контроля. А во-вторых, если бы такое и случилось, мы бы это немедленно обнаружили. Я же проверял Дейва.

Пауэлл вместе со стулом отодвинулся от стола и положил на него ноги.

— Нет, мы еще не можем приготовить рагу. Мы не имеем пока ни малейшего представления, что же происходит. Вот если бы мы хоть выяснили, что значит этот танец, мы были бы на верном пути.

Он помолчал.

— Послушай, Майк, вот что мне пришло в голову. Ведь с Дейвом что-то приключается, только когда нас нет поблизости. И достаточно появиться кому-нибудь из нас, чтобы он пришел в себя.

— Я уже тебе говорил, что это подозрительно.

— Подожди! Что значит для робота, когда людей нет поблизости? Очевидно, ему приходится проявлять больше инициативы. Значит, нужно проверить те его части, на которых может сказаться эта повышенная нагрузка.

— Верно! — Донован было привстал, потом снова опустился в кресло. — Хотя нет. Мало. Это все-таки оставляет слишком широкое поле для поисков.

— Что поделаешь? Во всяком случае, теперь мы можем не опасаться за выполнение плана. Просто будем по очереди следить за роботами по телевизору. И едва что-нибудь случится, немедленно явимся на место. А это заставит их очнуться.

— Но, Грег, ведь это значит, что роботы не пройдут испытаний. «Ю. С. Роботс» не может выпустить в продажу модель ДВ с таким дефектом.

— Конечно. Нам предстоит еще найти слабое место в конструкции и исправить его. И на это у нас осталось десять дней. — Пауэлл почесал в затылке. — Все дело в том... впрочем, лучше сам посмотри чертеж.

Чертежи ковром устлали пол. Донован ползал по ним, следя за неуверенными движениями карандаша, который держал Пауэлл.

— Вот это по твоей части, Майк. Я хочу, чтобы ты меня проверил. Я попытался исключить все цепи, не имеющие отношения к личной инициативе. Вот, например, двигательный канал. Я исключаю все боковые связи...

Он взглянул на Донована.

— Как ты думаешь?

У Донована пересохло во рту.

— Все это не так просто, Грег. Личная инициатива — это не специальная цепь или схема, которую можно отделить от остальных. Когда робот предоставлен самому себе, деятельность его систем немедленно становится более интенсивной почти на всех участках. Нет такой цепи, на которой бы это не сказалось. Нам нужно найти именно те очень ограниченные условия, которые выбивают его из колеи, и только потом методом исключения начать выделять нужные цепи.

Пауэлл поднялся на ноги и стряхнул пыль с колен.

— Гм... Ладно. Собери чертежи и можешь их сжечь.

Донован продолжал:

— Видишь ли, при усилении активности стоит выйти из строя одной-единственной детали, и может произойти все что угодно. Может быть, где-то нарушена изоляция, или пробивает конденсатор, или искрит контакт, или перегревается катушка. И если работать вслепую, то в таком сложном механизме мы никогда не найдем неисправность. Если разбирать Дейва и проверять каждую деталь по отдельности, каждый раз собирая его и испытывая...

— Можешь не продолжать, понимаю. Я тоже не совсем осел.

Они безнадежно посмотрели друг на друга. Потом Пауэлл осторожно предложил:

— А что если расспросить одного из вспомогательных роботов?

Ни Пауэллу, ни Доновану до сих пор не приходилось беседовать ни с одним из «пальцев». Вспомогательные роботы могли говорить, и аналогия с человеческим пальцем была не совсем точной. Они имели даже довольно совершенный мозг, но этот мозг был настроен в первую очередь на прием команд через позитронное поле, и самостоятельно реагировать на внешние возбудители они могли с трудом.

Пауэлл не знал даже, как обратиться к этому роботу. Его серийный номер был ДВ-5/2, по так его называть было неудобно. Наконец, он вышел из затруднения.

— Послушай, приятель! Я прошу тебя сосредоточиться и немного подумать, а потом ты сможешь вернуться к своему начальнику.

«Палец» вместо ответа неуклюже кивнул головой: при его скудных мыслительных способностях всякие лишние разговоры были ему в тягость.

— Так вот, за последнее время твой начальник уже четыре раза отклонялся от заданной программы, — сказал Пауэлл. — Ты помнишь эти случаи?

— Да, хозяин.

Донован сердито проворчал:

— Он-то помнит! Я тебе говорю, это очень подозрительно...

— Пойди просппись! Конечно, он помнит — у него-то все в порядке!

И Пауэлл снова повернулся к роботу:

— Что вы делали в таких случаях? Я имею в виду всю группу.

Рассказ «пальца» был лишен всякого выражения, словно он отвечал зазубренный урок.

— В первый раз мы разрабатывали трудный выход в семнадцатом забое. Во второй раз мы укрепляли кровлю, которая грозила обвалиться. В третий раз мы готовили точно направленный взрыв, чтобы при отпалке не задеть подземную трещину. В четвертый раз это было сразу после небольшого обвала.

— Что происходило каждый раз?

— Трудно описать. Поступала какая-то команда, но прежде чем мы успевали принять и осмыслить ее, поступала новая команда — маршировать этим странным строем.

— Зачем? — рявкнул Пауэлл.

— Не знаю.

— А первая команда, — вмешался Донован, — до приказа маршировать, в чем она заключалась?

— Не знаю. Я чувствовал, что поступает команда, но не успевал ее принять.

— Что ты еще можешь сказать? Это была каждый раз одна и та же команда?

— Не знаю. — Робот растерянно покачал головой. Пауэлл откинулся на спинку кресла.

— Ладно, можешь идти к своему начальнику.

«Палец» вышел, явно испытывая облегчение.

— Многого же мы добились, — сказал Донован. — Необыкновенно содержательный разговор. Слушай, и Дейв, и этот недоумок что-то замышляют. Слишком многого они не знают и не помнят. Им больше нельзя доверять, Грег.

Пауэлл подергал себя за ус.

— Знаешь, Майк, если ты скажешь еще одну глупость, и отниму у тебя и погремушку, и соску.

— Ладно, ладно. Ты же у нас гений, а я — несмышленый младенец! Ну так что же мы выяснили?

— Ничего. Я попробовал начать с конца — с «пальца», и ничего не вышло. Придется начать с начала.

— Ты великий человек! — восхищенно произнес Донован. — Как все это просто! Теперь, маэстро, не переведете ли вы это на человеческий язык?

— Для тебя надо бы переводить на детский лепет. Словом, нужно выяснить, какую команду дает Дейв перед тем, как теряет память. Это ключ ко всему.

— Как же ты думаешь это выяснить? Стоять рядом с ними мы не можем, потому что при нас все будет в порядке. Поймать эту команду по радио мы тоже не можем — она передается через позитронное поле. Значит, узнать, что это за команда, мы не можем — ни вблизи, ни издалека. И делать нечего.

— Да, прямое наблюдение не годится. Остается еще дедукция.

— Что?

Пауэлл невесело усмехнулся.

— Мы будем по очереди дежурить, Майк. Будем, не сводя глаз с экрана, следить за каждым движением этих стальных болванов. А когда они начнут чудить, мы увидим, что случилось непосредственно перед этим, и определим, какая могла быть команда.

Донован долго сидел с открытым ртом. Потом сказал сдавленным голосом:

— Я подаю заявление об уходе. Хватит.

— У нас еще десять дней, попробуй придумать что-нибудь получше, — устало ответил Пауэлл.

И в течение восьми дней Донован изо всех сил пытался придумать что-нибудь получше. Восемь дней он каждые четыре часа сменял Пауэлла, и воспаленными, затуманенными глазами следил за тем, как двигаются в полутьме поблескивающие металлические фигуры. И все восемь дней во время четырехчасовых перерывов он проклинал «Ю. С. Роботс», модель ДВ в день, когда он родился.

А когда на восьмой день, преодолевая головную боль, ему на смену явился заспанный Пауэлл, Донован встал и точно рассчитанным движением запустил тяжелую книгу в самый центр экрана. Раздался вполне естественный звон стекла.

— Зачем ты это сделал? — ахнул Пауэлл.

— Потому что я больше не собираюсь за ними следить, — почти спокойно ответил Донован. — Осталось два дня, а мы еще ничего не знаем. ДВ Пять — жалкий конструкторский недоносок. Он шесть раз останавливался в мое дежурство и три раза — в твое, и я все равно не знаю, какую команду он давал, и ты тоже. И я не верю, чтобы ты вообще смог это узнать, а уж я не смогу — это точно! Клянусь космосом, как можно следить сразу за шестью роботами? Один что-то делает руками, другой — ногами, третий — машет руками, как ветряная мельница, четвертый — прыгает, как полоумный. А остальные два... черт знает, что они делают! И вдруг все останавливаются! Грег, мы не то делаем. Нужно смотреть вблизи, чтобы были видны все подробности.

Пауэлл прервал наступившее молчание.

— Ну да, и ждать, не случится ли чего-нибудь за оставшиеся два дня?

— А что, отсюда наблюдать лучше?

— Здесь уютнее.

— А... Но там можно кое-что сделать, чего ты не можешь сделать отсюда.

— Что же?

— Можно заставить их остановиться, когда это будет нужно нам. Когда мы будем готовы подсмотреть, что с ними происходит.

Пауэлл насторожился.

— Каким образом?

— Сам подумай. Ведь ты у нас умница. Задай себе несколько вопросов. Когда ДВ Пять выходит из

строй? Что тебе рассказал «палец»? Когда угрожал или действительно случился обвал. Когда предстояло очень точно произвести отпалку. Когда попалась трудная жила.

— Иначе говоря, в критических обстоятельствах! — возбужденно сказал Пауэлл.

— Верно! Иначе и быть не может! Все дело в факторе личной инициативы. А необходимость в ней особенно велика в критических обстоятельствах, в отсутствие человека. И что из этого следует? Как нам устроить, чтобы они остановились, когда мы захотим? — Он торжествующе поднял руку, начиная входить во вкус своей роли, и ответил на собственный вопрос, опередив ответ, который уже вертелся у Пауэлла на языке:

— Надо устроить аварию!

— Майк, ты прав, — сказал Пауэлл.

— Спасибо, друг! Я знал, что когда-нибудь этого добьюсь.

— Ладно, не язви. Оставь свои шуточки для Земли, там мы их законсервируем на зиму. А теперь — какую аварию мы можем устроить?

— Если бы мы были не на астероиде, где нет ни воды, ни воздуха, можно было бы затопить шахту.

— Это, по-видимому, острота, — сказал Пауэлл. — Знаешь, Майк, ты меня уморишь. А как насчет небольшого обвала?

Донован, насупившись, сказал:

— Не возражаю.

— Хорошо. Тогда пошли.

Пробираясь по каменной осыпи, Пауэлл чувствовал себя заговорщиком. И хотя его походка из-за малой силы тяжести была неуверенной, а из-под ног то и дело вылетали камни, поднимая бесшумные фон-

танчики серой пыли, — все равно ему казалось, что он идет осторожными шагами конспиратора.

— Ты представляешь себе, где они? — спросил он.

— Кажется, да.

— Ладно, — мрачно сказал Пауэлл. — Только если какой-нибудь «палец» окажется в шести метрах, он нас учует, даже если мы не будем в его поле зрения. Надеюсь, это тебе известно.

— Когда мне понадобится прослушать элементарный курс роботехники, я подам заявление. В трех экземплярах. Теперь вниа.

Они спустились в шахту. Теперь и звезд не было видно. Оба ощупью пробирались вдоль стен, время от времени освещая путь короткими вспышками фонарей. Пауэлл на всякий случай еще раз ощупал детонатор.

— Ты знаешь этот штрек, Майк?

— Не очень хорошо. Он новый. Правда, я думаю, что могу ориентироваться по тому, что видел по телевизору...

Минуты тянулись бесконечно долго. Вдруг Майк сказал:

— Пощупай!

Приложив металлическую перчатку к стене, Пауэлл почувствовал легкую вибрацию. Конечно, никаких звуков слышно не было.

— Варывы! Мы уже близко.

— Гляди в оба, — сказал Пауэлл.

Донован нетерпеливо кивнул.

Робот промчался мимо них и исчез так быстро, что они даже не успели его рассмотреть, — это было лишь промелькнувшее светлое пятно, блестящее металлом. Оба застыли на месте.

— Как, по-твоему, он заметил нас? — шепотом спросил Пауэлл.

— Надеюсь, что нет. Но лучше обойти их стороной. Свернем в первый же боковой штрек.

— А если мы вообще к ним не выйдем?

— Ну так что же делать? Возвращаться? — яростно прошипел Донован. — До них еще с четверть мили. Я же следил за ними по телевизору. А у нас всего два дня...

— Ох, замолчи. Не трать зря кислород. Это, что ли, боковой штрек? — Вспыхнул фонарик Пауэлла. — Да. Идем.

Вибрация стен ощущалась тут гораздо сильнее, и время от времени скала под ногами содрогалась.

— Идем пока правильно. Только бы он не кончился, — сказал Донован и посветил перед собой фонарем.

Вытянув руку, они могли дотронуться до кровли штрека. Крепь была совсем новой.

Вдруг Донован заколебался.

— Кажется, тупик? Идем назад.

— Нет, погоди, — Пауэлл неуклюже протиснулся мимо него. — Что это за свет впереди?

— Свет? Не вижу никакого света. Откуда ему здесь взяться?

— А роботы? — Пауэлл на четвереньках вскарабкался на кучу осыпавшейся породы, перегородившую штрек. — Эй, Майк, лезь сюда, — позвал он тревожным, криплым шепотом.

Впереди действительно виднелся свет. Донован перелез через ноги Пауэлла.

— Дыра?

— Да. Они, наверное, проходят этот штрек с той стороны.

Донован ощущал рваные края отверстия. Осторожно посветив фонарем, он увидел, что дальше начинается более широкий штрек — очевидно, главный. Отверстие было слишком маленьким, чтобы сквозь

него мог пролезть человек. Даже заглянуть в него двоим сразу было трудно.

— Там ничего нет, — сказал Донован.

— Сейчас нет. Но секунду назад было — иначе мы не увидели бы света. Берегись!

Стены вокруг них содрогнулись, и они почувствовали толчок. Посыпалась мелкая пыль. Осторожно подняв голову, Пауэлл снова заглянул в отверстие.

— Все в порядке, Майк. Они здесь.

Сверкающие роботы столпились в главном штрэке, метрах в пятнадцать от них. Могучие металлические руки быстро разбирали породу, выброшенную варывом.

— Скорее, — заторопился Донован. — Они вот-вот кончат, а следующий варыв может задеть нас.

— Ради бога, не торопи меня. — Пауэлл отцепил детонатор. Его взгляд тревожно шарил по темным стенам. При тусклом свете, шедшем от роботов, было почти невозможно отличить торчащие камни от сгустков теней.

— Смотри, вон прямо над ними в кровле выступ. Он остался после последнего варыва. Если ты туда попадешь, обрушится половина кровли.

Пауэлл поглядел туда, куда указывал Донован.

— Годится! Теперь следи за роботами и моли бога, чтобы они не ушли слишком далеко от этого места. Мне нужен их свет. Все семь на месте?

Донован пересчитал.

— Все.

— Ну, смотри в оба. Не упусти ни одного движения!

Он поднял руку с детонатором и прицелился. Донован, чертыхаясь про себя и смаргивая пот, заливавший глаза, пристально следил за роботами.

Вспышка!

Их качнуло, земля вокруг несколько раз вздрог-

нула, а потом они почувствовали мощный толчок, бросивший Пауэлла на Донована.

— Грег, ты спишь меня! — завопил Донован. — Я ничего не видел!

— Где они? — Пауэлл огляделся. Вокруг было темно, как в преисподней.

Донован растерянно замолчал. Роботов видно не было.

— А мы их не задавили? — дрожащим голосом произнес Донован.

— Давай спускаться. Не спрашивай меня ни о чем. — Пауэлл торопливо попола назад.

— Майк!

Донован остановился.

— Что еще случилось?

— Постой! — В наушниках слышалось хрипловое, неровное дыхание Пауэлла. — Майк! Ты меня слышишь?

— Я здесь. В чем дело?

— Назад хода нет. Кровля обвалилась не над роботами, а тут! От сотрясения все рухнуло.

— Что? — Донован уперся в твердую преграду. — Включи-ка фонарь!

Но сквозь завал не могла бы пролезть даже мышь.

— Ну и как вам это нравится? — тихо сказал Донован.

Они потратили некоторое время и довольно много сил, пытаясь сдвинуть глыбу, загорюдавшую проход. Потом Пауэлл попробовал расширить отверстие, которое вело в главный штрек. Он поднял было детонатор, но произвести вспышку в таком ограниченном пространстве было равносильно самоубийству.

— Знаешь, Майк, — сказал он, усевшись на камень, — мы окончательно все испортили. Мы так и не

знаем, что происходит с Дейвом. Идея была хороша, но она обернулась против нас.

В голосе Донована послышалась горечь.

— Мне жаль огорчать тебя, старина, но, уж не говоря о неудаче с Дейвом, мы к тому же некоторым образом попали в ловушку. И если мы с тобой, дружище, не выберемся, нам крышка. Крышка. Ясно? Сколько у нас кислорода? Не больше чем на шесть часов.

— Я уже думал об этом.— Пальцы Пауэлла потянулись к его многострадальным усам, но звякнули о прозрачную поверхность гермошлема. — Конечно, Дейв быстро откопал бы нас. Но только после нашего замечательного обвала он, наверно, опять свихнулся, и по радио с ним связаться нельзя.

— Лучше некуда, а?

Донован подполз к отверстию и ухитрился втиснуть в него голову в шлеме. Это далось ему с большим трудом.

— Эй, Грег!

— Что?

— А что если Дейв окажется в шести метрах от нас? Он придет в себя. И мы будем спасены.

— Конечно, но где он?

— Там, в штреке. Довольно далеко. Ради бога, перестань дергать меня за ноги, пока не оторвал мне голову. Я сам пуцую тебя поглядеть.

Пауэлл, в свою очередь, высунулся в отверстие.

— Врыв был удачный. Ты только посмотри на этих балбесов — прямо балет!

— К черту твои сравнения. Они приближаются?

— Не пойму — слишком далеко. погоди. Дай-ка мне фонарь — попробую привлечь их внимание.

Через две минуты он оставил эту попытку.

— Бесполезно. Они, должно быть, ослепли. Ого, двинулись сюда! Как тебе это нравится?

— Эй, хватит, дай мне посмотреть! — потребовал Донован.

После недолгой возни Пауэлл сказал «ладно», и Донован сунул голову в дыру. Роботы приближались. Впереди, высоко поднимая ноги, шагал Дейв, а за ним цепочкой извивались шесть «пальцев».

— Что они делают, хотел бы я знать, — пробормотал Донован.

— Далеко они? — спросил Пауэлл.

— Метрах в пятнадцать, и идут сюда. Еще четверть часа — и мы будем своб... эге-гей! Эй!

— В чем дело? — Пауэллу понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя после оглушительного вопля Донована. — Ну-ка, пусти меня. Не будь свиньей!

Он попытался оттащить Донована, но тот яростно брыкался:

— Они повернули, Грег! Они уходят! Дейв! Эй, Дейв!

— Что толку? — крикнул Пауэлл. — Ведь звук здесь не проходит.

Донован, задышавшись, обернулся к нему.

— Ну, колоти в стену, бей по ней камнем, создай какие-нибудь вибрации! Нужно привлечь их внимание, не то мы пропали!

Он начал колотить по камню, как сумасшедший.

Пауэлл потряс его за плечо.

— погоди, Майк. Послушай, у меня идея! Клянись Юпитером! Самое время для простых решений. Майк!

— Чего тебе? — Донован втянул голову.

— Пусти меня скорее, пока они еще недалеко.

— Что ты хочешь делать? Эй, зачем тебе детонатор? — Он схватил Пауэлла за руку. Тот вывернулся.

— Хочу немного пострелять.

— Зачем?

— Потом объясню. Посмотрим сперва, что получится. Подвинься, не мешай!

Вдали виднелись все уменьшающиеся огоньки роботов. Пауэлл тщательно прицелился и трижды нажал спусковую кнопку. Потом он опустил детонатор и тревожно взгляделся в темноту. Один вспомогательный робот упал! Теперь было видно только шесть сверкающих фигур.

Пауэлл неуверенно позвал в микрофон:

— Дейв!

После небольшой паузы оба услышали:

— Хозяин? Где вы? У третьего вспомогательного разворочена грудь. Он вышел из строя.

— Неважно, — сказал Пауэлл. — Нас завалило при взрыве. Видишь фонарь?

— Вижу. Сейчас будем там.

Пауэлл сел и вдохнул.

— Вот так, дружок.

— Ладно, Грег, — очень тихо произнес Донован дрогнувшим голосом. — Ты победил. Я перед тобой преклоняюсь. Только не морочь мне голову. Расскажи толком, в чем было дело.

— Пожалуйста. Просто мы все время упускали из виду самое очевидное — как всегда. Мы знали, что дело в личной инициативе, что это всегда происходило в чрезвычайных обстоятельствах. Но мы думали, что все начиналось с определенной команды. А почему, собственно, с какой-то одной команды?

— А почему нет?

— А почему это не мог быть целый класс команд? Какие команды требуют от руководителя наибольшей инициативы? Какие команды обычно отдаются только в чрезвычайных обстоятельствах?

— Не спрашивай меня, Грег! Скажи!

— Я и говорю. Команды, отдаваемые одновременно по шести каналам! В обычных условиях один или несколько «пальцев» выполняют несложную работу, которая не требует пристального наблюдения за ними. Ну, точно так же, как наши привычные движения при ходьбе. А в чрезвычайных обстоятельствах нужно немедленно и одновременно привести в действие всех шестерых. И вот тут что-то сдает. Остальное просто. Любое уменьшение требуемой от него инициативы, например появление человека, приводит его в себя. Я уничтожил одного из роботов, и Дейву пришлось командовать лишь пятью. Инициатива уменьшилась, и он стал нормальным!

— Как ты до этого дошел? — допытывался Донован.

— Логическими рассуждениями. Я проввел эксперимент, и все оказалось правильно.

Они снова услышали голос робота.

— Вот и мы. Вы продержитесь еще полчаса?

— Конечно, — ответил Пауэлл. Потом продолжал, обращаясь к Доновану:

— Теперь наша задача стала проще. Мы проверим те цепи, нагрузка на которые при шестиканальной команде больше, чем при пятиканальной. Много придется проверять?

Донован прикинул.

— Не очень, по-моему. Если Дейв сделан так же, как опытный экземпляр, который мы видели на заводе, то у него должна быть специальная координирующая цепь, и все дело ограничится только ею. — Он вдруг воодушевился:

— Слушай, это здорово! Остались пустяки!

— Хорошо. Ты пока подумай. Когда вернемся, проверим по чертежам. А теперь, пока Дейв до нас добирается, я отдохну!

— Погоди. Скажи мне еще одну вещь. Что это была за странная маршировка, эти причудливые танцы, которые начинались каждый раз, когда они теряли рассудок?

— А, это? Не знаю. Но у меня есть одно предположение. Вспомни: вспомогательные роботы — «пальцы» Дейва. Мы все время их так называли. Так вот, я думаю, что каждый раз, когда Дейв становился ненормальным и в голове у него все путалось, он начинал вертеть пальцами!...

Сьюзен Калвин рассказывала про Пауэлла и Донована без улыбки, почти равнодушно; но всякий раз, когда она упоминала роботов, ее голос теплел. Ей не понадобилось много времени, чтобы изложить мне историю Спиди, Кьюти и Дейва. Я чувствовал, что у нее наготове еще с полдюжины моделей, но тут и прервал ее:

— Ну, а на Земле разве ничего интересного не происходило?

Она взглянула на меня, слегка нахмурившись.

— Нет, ведь роботы на Земле не используются.

— Да, к сожалению. Я хотел сказать, что ваши испытатели, конечно, молодцы, но не можете ли вы рассказать что-нибудь из своего собственного опыта? Разве вас никогда не подводила роботы? В конце концов это же ваш юбилей!

Представьте себе, она покраснела! Она сказала:

— Да, роботы однажды подвели меня. Боже мой, как давно это было! Почти сорок лет назад... Ну, конечно, в двадцатом году. И мне было всего тридцать восемь. О... Но я бы предпочла об этом не говорить.

Я подождал, и она, конечно, передумала.

— А почему бы и нет? — сказала она. — Теперь это мне не повредит. Даже воспоминание об этом. Я была когда-то такая глупая, молодой человек! Можете вы этому поверить?

— Нет.

— Была. А Эрби — это был робот, читавший мысли.

— Что?

— Единственный в своем роде. В чем-то была допущена ошибка...

Лжец

Альфред Лэннинг неторопливо закурил сигарету, но его пальцы слегка дрожали. Сердито насупив седые брови, он говорил сквозь сизые клубы дыма:

— Да, он читает мысли — это несомненно. Но почему? — Он посмотрел на Главного Математика Питера Богерта. — Ну?

Богерт обеими руками пригладил черные волосы.

— Это тридцать четвертый робот модели РБ, Лэннинг. И все остальные вполне соответствовали нормам.

Третий человек, сидевший за столом, нахмурился. Это был Милтон Эш, самый молодой в руководстве фирмы «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн», чем он очень гордился.

— Послушайте, Богерт! Я ручаюсь, что сборка с начала до конца проведена совершенно правильно!

Толстые губы Богерта раздвинулись в покровительственной улыбке.

— Ручаетесь? Ну, если вы можете отвечать за всю линию сборки, то вас нужно повесить в должности. По точным подсчетам, для производства одного позитронного мозга требуется семьдесят пять тысяч двести тридцать четыре операции, успех каждой из которых зависит от различного числа факторов — от пяти до ста пяти. И если хоть один из этих факторов

не будет точно выдержан, мозг идет в брак. Это я цитирую наши собственные проспекты.

Милтон Эш покраснел и собрался ответить, но его перебил четвертый голос.

— Если мы начнем валить вину друг на друга, то я уйду... — Руки Сьюзен Калвин были крепко сжаты на коленях, морщинки вокруг ее тонких, бледных губ стали глубже. — У нас появился робот, который читает мысли, и мне представляется, что надо бы выяснить, почему это случилось. А если будем кричать: «Вы виноваты!», «Я виноват!», — то мы ничего не добьемся.

Ее холодные серые глаза остановились на Эше, и он усмехнулся.

Лэннинг тоже усмехнулся, и, как всегда в таких случаях, его длинные седые волосы и хитро прищуренные глазки придали ему сходство с библейским патриархом.

— Совершенно верно, доктор Калвин.

Его голос внезапно заввучал решительно:

— В предельно краткой форме положение таково. Мы выпустили позитронный мозг, который не должен был бы отличаться от остальных, но который тем не менее обладает замечательной способностью принимать волны, излучаемые человеком в процессе мышления. Если бы мы знали, как это получилось, то роботехника шагнула бы сразу на десятилетия вперед. Но мы этого не знаем и должны выяснить. Вы согласны?

— Можно высказать одно предположение? — спросил Богерт.

— Слушаем.

— Мне кажется, пока мы не разберемся в этой истории, — а как математик, я думаю, что это окажется чертовски сложно, — нужно держать в тайне существование РБ Тридцать Четыре. Даже от служа-

щих фирмы. Мы, руководители отделов, обязаны справиться с этой задачей сами, а чем меньше будут знать остальные...

— Богерт прав,— сказала доктор Кэлвин. — С тех пор как Межпланетный кодекс разрешил испытание роботов на заводе перед отправкой их на космические станции, пропаганда против роботов усилилась. Если кто-нибудь узнает, что робот способен читать мысли, а мы еще не будем хозяевами положения, на этом кое-кто мог бы сделать себе солидный капитал.

Лэннинг, продолжая сосать сигару, кивнул и повернулся к Эшу:

— Вы сказали, что были одни, когда впервые столкнулись с этим чтением мыслей?

— Я был один — и перепугался до полусмерти. РБ Тридцать Четыре прислали ко мне прямо со сборочного стола. Оберман куда-то ушел, и я сам повел его к испытательному стенду.

Он зашнулся, и на его губах появилась слабая улыбка:

— Никому из вас не приходилось мысленно с кем-то разговаривать, не отдавая себе в этом отчета?

Никто не ответил, и Эш продолжал:

— Знаете, сначала на это не обращаешь внимания. Так вот, он что-то мне сказал — что-то вполне логичное и разумное. И мы уже почти дошли до стенда, когда я сообразил, что я-то ничего ему не говорил. Конечно, я думал о том, о сем, но это же другое дело, правда? Я запер его и побежал к Лэннингу. Представьте себе — рядом с вами идет робот, спокойно читает ваши мысли и копается в них! Мне стало не по себе.

— Еще бы! — задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин. Ее взгляд с необыкновенным вниманием остановился на Эше. — Мы так привыкли к тому, что наши мысли известны только нам самим...

— Значит, об этом знаем только мы четверо, — нетерпеливо вмешался Лэннинг. — Отлично. Мы должны взяться за дело строго систематически. Эш, вы проверите линию сборки — всю, от начала до конца. Вы должны исключить те операции, где ошибка была невозможна, и составить список тех, в которых она могла быть допущена. Укажите характер возможной ошибки и ее предположительную величину.

— Ну и работка! — проворчал Эш.

— А как же? Конечно, вы будете делать это не один. Возьмите в помощники сотрудников вашего отдела — если нужно всех до единого. Не выполните план — ничего! Но они, конечно, не должны знать, зачем это делается.

— Н-да, — молодой инженер криво улыбнулся. — И все-таки работы хватит.

Лэннинг вместе со стулом повернулся к Калвин.

— Вам предстоит подойти к делу с другого конца. Вы — наш робо-психолог, вам нужно изучить самого робота. Попробуйте выяснить, как он это делает. Узнайте все, что так или иначе связано с его телепатическими способностями, каков их диапазон, как они сказываются на его мышлении и вообще на его стандартных рабочих качествах. Задача вам ясна?

Не дожидаясь ответа, Лэннинг продолжал:

— Я буду руководить работой и осуществлять математическую обработку результатов. — Он яростно затянулся сигарой, и сквозь дым прозвучало остальное: — В этом мне, конечно, поможет Богерт.

Продолжая полировать ногти своих мясистых рук, Богерт мягко ответил:

— Ну, разумеется! Я, как-никак, в этом немного разбираюсь.

— Ну, я приступаю. — Эш резко отодвинул свой стул и поднялся. На его приятном молодом лице по-

явилась усмешка. — Мне досталась самая скверная работа, так что лучше уж не откладывать. Пока!

Сьюзен Кэлвин ответила едва заметным кивком, но ее взгляд провожал его, пока дверь за ним не закрылась. Она ничего не ответила, когда Лэннинг, что-то проворчав, сказал:

— Не хотите ли вы, доктор Кэлвин, теперь же пойти и посмотреть РБ Тридцать Четыре?

Когда послышался тихий звук открывающейся двери, робот РБ-34 поднял фотоэлектрические глаза от книги и вскочил. В комнату вошла Сьюзен Кэлвин. Она задержалась, чтобы поправить на двери огромную надпись «Вход воспрещен», потом подошла к роботу.

— Эрби, я привнесла тебе кое-какие материалы о гиператомных двигателях. Хочешь их посмотреть?

РБ-34 (иначе — Эрби) взял у нее из рук три тяжелых тома и открыл один из них.

— Хм! «Гиператомная теория»...

Что-то бормоча про себя, он начал листать книги, потом рассеянно сказал:

— Садитесь, доктор Кэлвин! Это займет несколько минут.

Она села и внимательно следила за Эрби, который занял место по другую сторону стола и приступил к систематическому изучению всех трех книг.

Через полчаса он отложил их в сторону.

— Я, конечно, знаю, зачем вы мне их принесли. У Сьюзен Кэлвин дрогнули уголки губ.

— Я так и думала. С тобой трудно иметь дело, Эрби, ты все время на шаг впереди меня.

— Эти книги такие же, как и остальные. Они меня просто не интересуют. В ваших учебниках ничего нет. Ваша наука — это просто масса фактов, кое-как

скрепленных подобием теории. Все это так невероятно просто, что вряд ли достойно внимания. Меня интересует ваша беллетристика, переплетение и взаимодействие человеческих побуждений и чувств... — он сделал неясный жест могучей рукой, подыскивая подходящее слово.

— Кажется, я понимаю,— прошептала доктор Калвин.

— Видите ли, я читаю мысли,— продолжал робот,— а вы не можете себе представить, как они сложны. Я не могу все их понять, потому что мое мышление имеет так мало общего с вашим. Но я стараюсь, а ваши романы мне помогают.

— Да, но я боюсь, что когда ты познакомишься с некоторыми переживаниями по современным душещипательным романам,— в ее голосе прозвучала горечь,— ты сочтешь наши настоящие мысли и чувства скучными и бесцветными.

— Ничего подобного!

Внезапный энергичный ответ заставил ее вскочить на ноги. Она почувствовала, что краснеет, и в испуге подумала: «Наверное, он знает!».

Эрби уже успокоился и произнес тихим голосом, почти совсем не имевшим металлического тембра:

— Ну, конечно, я знаю, доктор Калвин! Вы об этом постоянно думаете, так как же я могу не знать?

— Ты... говорил об этом кому-нибудь? — жестко спросила она.

— Конечно нет! — искренне удивился он и добавил: — Меня никто не спрашивал.

— Тогда ты, вероятно, считаешь, что это с моей стороны глупо?

— Нет! Это — нормальное чувство.

— Может быть, поэтому оно и глупо. — Теперь ее голос звучал задумчиво и печально. Под непроницаемой маской доктора наук на мгновение проступили

черты женщины.— Меня нельзя назвать... привлекательной...

— Если вы имеете в виду чисто внешнюю привлекательность, то об этом я не могу судить. Но, во всяком случае, я знаю, что есть и другие виды привлекательности.

— ...да и молодой тоже... — Она как будто не слышала робота.

— Вам еще нет сорока,— в голосе Эрби появились тревога и настойчивость.

— Тридцать восемь, если считать годы. И все шестьдесят, если говорить об эмоциональном восприятии жизни. Я же все-таки психолог. А ему,— продолжала она с горечью,— тридцать пять, и выглядит он еще моложе. Неужели ты думаешь, что он видит во мне... что-то особенное?

— Вы ошибаетесь! — Стальной кулак Эрби с лязгом обрушился на пластмассовую поверхность стола.— Послушайте...

Но Сьювен Кэвлин гневно перебила его. Ожесточение и боль в ее глазах вспыхнули ярким пламенем:

— Зачем? Что ты об этом знаешь — ты, машина! Я для тебя — образчик, интересная букашка со своеобразными мыслями, которые ты видишь как на ладони. Превосходный пример развитых надежд, правда? Почти как в книгах!

Ее сухие рыдания постепенно затихли.

Робот как будто съезжился под этой бурей обрушившихся на него слов. Он умоляюще покачал головой:

— Ну пожалуйста, выслушайте меня! Если бы вы захотели, я мог бы помочь вам!

— Как? — Ее губы скривились.— Дать хороший совет?

— Нет, не так. Я просто знаю, что думают другие люди, например Милтон Эш.

Наступило долгое молчание. Сьюзен Кэлвин потупилась.

— Я не хочу знать, что он думает, — тихо сказала она. — Замолчи.

— А мне кажется, вы хотели бы знать, что он думает.

Она все еще сидела с опущенными глазами, только ее дыхание участилось.

— Ты говоришь чепуху, — прошептала она.

— Зачем это мне? Я хочу помочь. Милтон Эш... — Он остановился. Она подняла голову:

— Ну?

— Он любит вас, — тихо сказал робот.

Целую минуту доктор Кэлвин молча, широко раскрыв глаза, глядела на робота.

— Ты ошибаешься! Конечно, ошибаешься! С какой стати?

— Правда, любит. От меня этого нельзя утаить.

— Но я так... так... — Она загнулась.

— Он смотрит вглубь — он ценит интеллект. Милтон Эш не из тех, что женятся на прическе и хорошеньких глазках.

Сьюзен Кэлвин часто заморгала. Она заговорила не сразу, и ее голос дрожал.

— Но ведь он никогда и никак не обнаруживал...

— А вы дали ему такую возможность?

— Как я могла? Я никогда не думала...

— Вот именно.

Сьюзен Кэлвин замолчала, потом внезапно подняла голову:

— Полгода назад к нему на завод приезжала девушка. Иная блондинка. Кажется, она была красива. И конечно, едва знала таблицу умножения. Он целый день пыжился перед ней, пытаясь объяснить, как делают роботов. — Ее голос зазвучал жестко. — Конечно, она ничего не поняла! Кто она?

Эрби, не колеблясь, ответил:

— Я знаю, о ком вы говорите. Это его двоюродная сестра. Уверяю вас, между ними нет никаких романтических отношений.

Сьюзен Калвин с почти девичьей легкостью встала.

— Как странно! Именно это я временами пыталась себе внушить, хотя серьезно никогда так не думала. Значит, это правда!

Она подбежала к Эрби и обеими руками схватила его холодную тяжелую руку.

— Спасибо, Эрби,— прошептала она голосом, слегка охрипшим от волнения. — Никому не говори об этом. Пусть это будет наш секрет. Спасибо еще раз.

Судорожно сжав бесчувственные металлические пальцы Эрби, она вышла.

Эрби медленно повернулся к отложенному роману. Его мысли никто не смог бы прочесть.

Милтон Эш медленно, с удовольствием потянулся, так что кости хрустнули, и свирепо уставился на Питера Богерта.

— Послушайте,— сказал он,— я сижу над этим уже неделю и уже забыл, когда спал по-настоящему. Сколько еще мне возиться? Вы как будто сказали, что дело в позитронной бомбардировке в вакуумной камере Д?

Богерт деликатно зевнул и с интересом поглядел на свои коленные руки.

— Да. Я попал на след.

— Я знаю, что значит, когда это говорит математик. Сколько вам еще осталось?

— Все зависит...

— От чего? — Эш бросился в кресло и вытянул длинные ноги.

— От Лэннинга. Старик со мной не согласен.—

Он вздохнул. — Немного отстал от жизни, вот в чем дело. Цепляется за свою обожаемую матричную механику, а этот вопрос требует более мощных математических средств. Уж очень он упрям.

Эш сонно пробормотал:

— А почему бы не спросить у Эрби и не покончить с этим?

— Спросить у робота? — Брови Богерта полезли вверх.

— А что? Разве старуха вам не говорила?

— Вы имеете в виду Кэлвин?

— Ну да! Сама Сьюзи. Ведь этот робот — маг и чародей в математике. Он знает все обо всем и еще чуть-чуть сверх того. Он вычисляет в уме тройные интегралы и закусывает тензорным анализом.

Математик скептически поглядел на него:

— Вы серьезно?

— Ну, конечно! Загвоздка в том, что этот дурень не любит математику, а предпочитает душещипательные романы. Честное слово! Вы бы только видели, какую дрянь таскает ему Сьюзен — «Огненная страсть», «Любовь в космосе»...

— Доктор Кэлвин ни слова нам об этом не говорила.

— Ну, она еще не кончила его изучать. Вы же ее знаете. Она любит, чтобы все было окутано тайной. Пока она сама не раскроет главный секрет.

— Но вам она сказала?

— Да вот, как-то разговорились... Я эти дни часто ее вижу. — Он широко открыл глаза и нахмурился:

— Слушайте, Богги, вы ничего странного за ней не замечали в последнее время?

Богерт расплылся в усмешке.

— Она стала красить губы. Вы это имеете в виду?

— Черта с два! Это само собой — губы красит, глаза подводит и еще пудрится. Ну и вид у нее! Но я

не о том. Никак не могу точно этого определить. Она говорит так, словно она очень счастлива...

Он задумался и пожал плечами.

Богерт позволял себе плотоядно оскалиться. Для ученого, которому уже за пятьдесят, это было неплохо исполнено.

— Может быть, она влюбилась.

Эш опять закрыл глаза.

— Вы сошли с ума, Богги. Идите и поговорите с Эрби. Я останусь здесь и вздремну.

— Ну, хорошо. Хоть и не по душе мне это — советовать с роботом. Да вряд ли он скажет мне что-нибудь полезное.

Ответом ему был негромкий храп.

Эрби внимательно слушал, пока Питер Богерт, сунув руки в карманы, говорил с напускным равнодушием:

— Вот как обстоит дело. Мне говорили, что ты в таких вещах разбираешься, и я спрашиваю тебя больше из любопытства. Я допускаю, что мой ход рассуждений включает несколько сомнительных звеньев, которые доктор Лэннинг отказывается принять. Так что картина все еще не очень полна.

Робот не отвечал, и Богерт сказал:

— Ну?

— Не вижу никакой ошибки, — Эрби вглядывался в исписанные расчетами листки.

— Вероятно, ты больше ничего предложить не можешь?

— Не буду и пытаться. В математике мне до вас далеко, и... В общем, мне не хотелось бы осрамиться.

Улыбка Богерта была чуть-чуть самодовольной.

— Я так и думал. Конечно, вопрос серьезный. Забудем об этом.

Он смял листки, швырнул их в мусоропровод и повернулся, чтобы уйти, но потом передумал.

— Кстати...

Робот ждал. Казалось, Богерт с трудом подыскивает слова.

— Есть кое-что... в общем, может быть, ты...

Он замолчал. Эрби спокойно произнес:

— Ваши мысли перепутаны, но нет никакого сомнения, что вы думаете о докторе Лэннинге. Глупо колебаться — как только вы успокоитесь, я узнаю, о чем вы хотите спросить.

Рука математика привычным движением скользнула по прилизанным волосам.

— Лэннингу скоро семьдесят,— сказал он, как будто это объясняло все.

— Я знаю.

— И он уже почти тридцать лет директор исследовательского отдела.

Эрби кивнул.

— Так вот,— в голосе Богерта послышалась просьба.— Ты, наверное, знаешь... не подумывает ли он об отставке. Состояние здоровья, скажем.

— Вот именно,— только и произнес Эрби.

— Ты это знаешь?

— Конечно.

— Тогда... гм... не скажешь ли ты...

— Раз уж вы спрашиваете — да,— робот говорил, как будто это само собой разумеется.— Он уже подал в отставку!

— Что? — с трудом выговорил Богерт и весь подался вперед.— Повтори!

— Он уже подал в отставку,— последовал спокойный ответ,— но она еще не вступила в силу. Видите ли, он хочет сначала решить проблему... хм... меня. После этого он будет готов передать обязанность директора своему преемнику.

Богерт резко выдохнул.

— А его преемник? Кто он?

Он придвинулся к Эрби почти вплотную. Глаза его, как зачарованные, были прикованы к ничего не выражавшим красноватым фотоэлементам, служившим роботу глазами.

Послышался неторопливый ответ:

— Будущий директор — вы.

Напряжение на лице Богерта сменилось скупой улыбкой.

— Приятно знать, что мои надежды оправдались. Я ждал этого. Спасибо, Эрби.

Эту ночь до пяти часов утра Питер Богерт провел за письменным столом. В девять он снова приступил к работе. Он то и дело хватал с полки над столом один справочник за другим. Медленно, почти незаметно росла стопка готовых расчетов, зато на полу образовалась целая гора скомканных исписанных листков.

Ровно в полдень Богерт взглянул еще раз на последний итог, протер надитые кровью глаза, зевнул и потянулся.

— Чем дальше, тем хуже. Проклятье!

Услышав, как открылась дверь, он обернулся и кивнул вошедшему Лэннингу. Хрустя суставами ревматических пальцев, директор окинул взглядом неубранную комнату, и его брови сдвинулись.

— Новый подход? — спросил он.

— Нет, — последовал вызывающий ответ. — А чем плох старый?

Лэннинг промолчал и бросил беглый взгляд на верхний листок стопки. Закуривая сигару, он сказал:

— Калвин говорила вам о работе? Это математический гений. Интересно.

Богерт громко фыркнул.

— Говорила. Но лучше бы Калвин занималась робопсихологией. Я проверил математические способности Эрби, он едва справился с интегральным и дифференциальным исчислением.

— Калвин пришла к другому выводу.

— Она рехнулась.

— Я тоже пришел к другому выводу.

Глава директора зловеще сузилась.

— Вы? — голос Богерта стал жестким. — О чем вы говорите?

— Я все утро гонял Эрби по математике. Он способен проделывать такие штуки, о которых вы и не слыхали.

— Неужели?

— Вы не верите? — Лэннинг выхватил из жилетного кармана сложенный листок и развернул его. — Это не мой почерк, верно?

Богерт взгляделся в крупные угловатые цифры, покрывавшие листок.

— Это Эрби?

— Да. И, как вы можете заметить, он занимался интегрированием вашего двадцать второго уравнения по времени. — Лэннинг постучал желтым ногтем по последней строчке. — И он пришел к такому же заключению, как и я, только вчетверо быстрее. Вы не имели права пренебречь эффектом Лингера при позитронной бомбардировке.

— Я не пренебрег им. Ради бога, Лэннинг, поймите, что это исключает...

— Да-да, вы уже объясняли. Вы применили переходное уравнение Митчелла, верно? Так вот, оно здесь неприменно.

— Почему?

— Во-первых, вы пользуетесь гипермнимыми величинами.

— Ну и что?

— Уравнение Митчелла не годятся, если...

— Вы сошли с ума? Если вы перечитаете статью самого Митчелла в «Записках Фара...»

— Это лишнее. Я с самого начала сказал, что его ход рассуждений мне не нравится, и Эрби согласен со мной.

— Ну так пусть эта машинка и решит вам всю проблему,— крикнул Богерт.— Зачем тогда связываться с бездарью вроде меня?

— В том-то и дело, что Эрби не может ее решить. А если даже он не может, то мы сами — тем более. Я передаю этот вопрос в Национальный совет. Мы здесь бессильны.

Богерт вскочил, опрокинув кресло. Лицо его побагровело.

— Вы этого не сделаете!

Лэннинг тоже побагровел.

— Вы указываете мне, что делать и чего не делать?

— Именно,— ответил Богерт, скрипнув зубами.— Я решил проблему, и вам ее у меня не отнять, ясно? Не думайте, что я не вижу вас насквозь, высухшее вы ископаемое! Конечно, вы скорее подавитесь, чем признаете, что я решал проблему телепатии роботов.

— Вы идиот, Богерт. Еще немного, и я уволю вас за нарушение субординации.

Губы Лэннинга тряслись от гнева.

— Ну, этого-то вы не сделаете, Лэннинг. Когда рядом робот, читающий мысли, секретов быть не может. Так что не забудьте, я знаю о вашей отставке.

Столбик пепла отломился от кончика сигары Лэннинга и упал на пол. Сигара последовала за ним.

— Что? Что...

Богерт алорадно усмехнулся:

— И новый директор — я, понятно вам? Я прекрасно это знаю. Черт возьми, Лэннинг, теперь коман-

довать здесь буду я. Имейте это в виду, не то попадете в такую переделку, какая вам и не снилась.

Лэннинг вновь обрел дар речи и взревел:

— Вы уволены, слышите? Вы освобождены от всех обязанностей! С вами все кончено, понимаете?

Богерт усмехнулся еще шире.

— Ну, к чему это? Вы ничего не добьетесь. Все козыри у меня. Я знаю, что вы подали в отставку. Эрби рассказал мне, а он знает это от вас.

Лэннинг заставил себя говорить спокойно. Он выглядел старым-старым, с его усталого лица исчезли все следы краски, оставив мертвенную старческую желтизну.

— Я должен поговорить с Эрби. Он не мог сказать вам ничего подобного. Вы рискованно играете, Богерт. Но я раскрою ваши карты. Идемте.

Богерт пожал плечами.

— К Эрби? Ладно. Ладно, черт возьми!

Ровно в полдень того же дня Милтон Эш поднял глаза от рисунка, который только что наспех набросал на листке бумаги, и сказал:

— Представляете себе? У меня сейчас не очень удачно получилось, но в общем он будет выглядеть примерно так. Чудный домик, и достается мне почти даром.

Сьюзен Кэлвин нежно взглянула на него.

— Действительно, красивый,— вздохнула она.— Я часто мечтала...

Ее голос затих.

Эш оживленно продолжал, отложив карандаши:

— Конечно, придется ждать отпуска. Осталось всего две недели, но из-за истории с Эрби теперь ничего неизвестно.— Он опустил глаза.— И еще одно... Но это секрет.

— Тогда не говорите.

— А, все равно. Меня как будто распирает — так и хочется кому-нибудь рассказать. А лучше всего здесь, пожалуй... хм... довериться именно вам.

Он несмело усмехнулся.

Сердце Сьюзен Калвин затрепетало, но она боялась произнести хоть слово.

— По правде говоря, — Эш подвинулся к ней вместе со стулом и заговорил доверительным шепотом, — это дом не только для меня. Я женюсь! В чем дело? — Он вскочил.

— Нет, ничего...

Ужасное ощущение вращения исчезло, но ей было трудно говорить.

— Женитесь? Вы хотите сказать...

— Ну, конечно. Пора ведь, правда? Вы помните ту девушку, которая была здесь прошлым летом? Это она и есть! Но вам нехорошо! Вы...

— Голова разболелась, — Сьюзен Калвин бессильным движением отмахнулась от него. — У меня... у меня это часто бывает в последнее время. Я хочу... конечно, поздравить вас. Я очень рада...

На ее побелевшем лице стали видны два некрасивых пятна неумело наложенных румян. Все вокруг снова закружилось перед ней.

— Извините меня... пожалуйста... — пробормотала она и, ничего не видя, шатаясь, вышла.

Катастрофа произошла внезапно, как в кошмарном сне, и была такой же жуткой.

Но как это могло случиться? Ведь Эрби говорил...

А Эрби знал! Он умеет читать мысли!

Она опомнилась только тогда, когда, едва дыша, прислонившись к двери, увидела перед собой металлическое лицо Эрби. Она не заметила, как забежала на два этажа вверх по лестнице, — это произошло за один миг, как во сне.

Как во сне!

Немигающие глаза Эрби глядели на нее, их красноватые круги, казалось, росли, превращаясь в тускло светящиеся жуткие шары.

Он что-то говорил, и она почувствовала, как к ее губам прикоснулся холодный край стакана. Она сделала глоток и, вадрогнув, немного пришла в себя.

Эрби все еще говорил, и в его голосе было волнение, — боль, испуг, мольба. Слова начали доходить до ее сознания.

— Это все сон, — говорил он, — и вы не должны этому верить. Вы скоро очнетесь и будете смеяться над собой. Он любит вас, я говорю вам. Любит, любит! Но не здесь! Не сейчас! Этот мир — иллюзия.

Сьюзен Кэлвин, кивая головой, шептала:

— Да... Да...

Она вцепилась в руку Эрби, прижалась к ней, прилипла к этой стальной руке, широко раскрыв глаза, повторяя снова и снова.

— Это ведь неправда, да? Это неправда?

У Сьюзен Кэлвин не сохранилось никаких воспоминаний о том, как она очнулась. Как будто из туманного, нереального мира она попада на резкий солнечный свет. Оттолкнув от себя тяжелую руку, она широко раскрыла глаза.

— Что же это ты делаешь? — Ее голос сорвался в хриплый вопль. — Что... ты... делаешь?

Эрби попытлся.

— Я хочу помочь.

Кэлвин пристально смотрела на него.

— Помочь? Как? Убеждая меня, будто это сон? Пытаясь превратить меня в психотричичку? — Она истерически напряглась. — Это не сон! Если бы это был сон!

Внезапно она вскрикнула.

— Пстой! А! Понимаю! Господи, это же так очевидно...

В голосе робота послышался ужас:

— Но я должен был...

— А я-то тебе поверила! Мне и в голову не пришло...

За дверью послышались громкие голоса, и Сьюзен Калвин, умолкнув, отвернулась и судорожно сжала кулаки. Когда Богерт и Лэннинг вошли, она стояла у окна в глубине комнаты. Но ни тот, ни другой не обратили на нее ни малейшего внимания.

Оба одновременно подошли к Эрби. Лэннинг пытался гневом и нетерпением, на лице Богерта играла холодная язвительная усмешка. Директор заговорил первым.

— Эрби!

Робот повернулся к старому директору.

— Я вас слушаю, доктор Лэннинг.

— Ты говорил обо мне с доктором Богертом?

— Нет, сэр, — ответил робот не сразу.

Усмешка исчезла с лица Богерта.

— В чем дело? — Богерт оттеснил Лэннинга и встал перед роботом, расставив ноги. — Повтори, что ты сказал мне вчера.

— Я сказал, что... — Эрби замолк. Где-то глубоко внутри его механизма дрогнула металлическая мембрана, и послышался тихий дребезжащий звук.

— Ты сказал, что он подал в отставку? — рявкнул Богерт. — Отвечай!

Богерт в ярости замахнулся, но Лэннинг оттолкнул его:

— Не хотите ли вы силой заставить его солгать?

— Вы слышали, Лэннинг? Он готов был признаться и остановился. Отойдите! Я хочу добиться от него правды!

— Дайте я его спрошу! — Лэннинг повернулся к

роботу.— Ничего, Эрби. Успокойся. Я подал в отставку?

Эрби молча глядел на него, и Лэннинг настойчиво повторил:

— Я подал в отставку?

Робот чуть заметно отрицательно качнул головой. Другого ответа они не дождались.

Ученые посмотрели друг на друга. Враждебность в их взглядах была почти осязаемой.

— Какого черта,— выпалил Богерт,— он что, онемел? Ты умеешь говорить, чудовище?

— Я умею говорить,— с готовностью ответил робот.

— Тогда отвечай. Скавал ты мне, что Лэннинг подал в отставку? Подал он в отставку или нет?

Снова наступило молчание. Потом в дальнем конце комнаты внезапно раздался смех Сьюзен Калвин— резкий, почти истерический. Оба вадрогнули, и Богерт прищурил глаза:

— Вы здесь? И что же тут смешного?

— Ничего,— ее голос звучал не совсем естественно.— Просто не одна я попалась. Трое крупнейших в мире роботехников угодили в одну и ту же элементарную ловушку. Ирония судьбы, правда? — Она провела бледной рукой по лбу и тихо добавила:

— Но ничего смешного тут нет...

Мужчины еще раз переглянулись, на этот раз в недоумении подняв брови.

— О какой ловушке вы говорите? — спросил Лэннинг неловко.— Что-нибудь случилось с Эрби?

— О нет,— ответила она, медленно приближаясь к ним.— Он-то в полном порядке. Дело в нас.

Она неожиданно повернулась к роботу и пронзительно крикнула:

— Отойди! Убирайся в дальний угол, и чтобы я тебя не видела!

Эрби съежился под ее яростным взглядом и, громыхая, поспешно бросился прочь.

— Что это значит, доктор Кэлвин? — сердито спросил Лэннинг.

Она с издевкой спросила:

— Вы, конечно, знаете Первый Закон роботехники?

— Разумеется! — раздраженно сказал Богерт. — «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— Как изящно сформулировано, — насмешливо продолжала Кэлвин. — А какой вред?

— Ну... любой.

— Вот именно! Любой! А как насчет разочарования? А утрата веры в себя? А крушение надежд? Это вредно?

Лэннинг нахмурился:

— Откуда роботу знать...

Он вдруг осекся.

— Теперь и до вас дошло? Этот робот читает мысли. Вы думаете, он не знает, чем можно травмировать человека? Думаете, если задать ему вопрос, он не ответит именно то, что вы хотите услышать в ответ? Разве любой другой ответ не будет нам неприятен и разве Эрби этого не знает?

— Боже мой, — пробормотал Богерт.

Сьюзен Кэлвин с усмешкой взглянула на него.

— Я полагаю, что вы спросили его, уходит ли Лэннинг в отставку? Вы хотели услышать «да», и Эрби ответил именно так.

— И вероятно, поэтому, — сказал Лэннинг голосом, лишенным всякого выражения, — он ничего не ответил нам только что. Он не мог ответить так, чтобы не задеть одного из нас.

Наступила короткая пауза. Мужчины задумчиво

смотрели на робота, который забился в свое кресло у книжного шкафа и опустил голову на руки.

Сьюзен Кэлвин упорно глядела в пол.

— Он все это знал. Этот... этот дьявол знает все — и даже то, что случилось с ним при сборке.

Лэннинг взглянул на нее.

— Здесь вы ошибаетесь, доктор Кэлвин. Он не знает, что случилось. Я спрашивал.

— Ну и что? — вскричала Сьюзен Кэлвин. — Вы просто не хотели, чтобы он подсказал вам решение. Если бы машина сделала то, что вы сделать не смогли, это уронило бы вас в собственных глазах. А вы спрашивали его? — повернулась она к Богерту.

Лэннинг негромко засмеялся, а она язвительно усмехнулась и сказала:

— Я спрошу его! Меня его ответ не заденет.

Громким, повелительным голосом она произнесла:

— Иди сюда!

Эрби встал и нерешительно приблизился.

— Я полагаю, ты знаешь, в какой именно момент сборки возник посторонний фактор или был пропущен один из необходимых?

— Да, — еле слышно произнес Эрби.

— Пойдите, — сердито вмешался Богерт. — Это не обязательно правда. Вы просто хотите это услышать, и все.

— Не будьте ослом, — ответила Сьюзен Кэлвин. — Он знает математику, во всяком случае, не хуже, чем вы вместе с Лэннингом, раз уж он может читать мысли. Не мешайте.

Математик умолк, а она продолжала:

— Ну, Эрби, отвечай! Мы ждем! Господа, вы готовы?

Но Эрби хранил молчание. В голосе психолога прозвучало торжество.

— Почему ты не отвечаешь, Эрби?

Робот неожиданно выпалил:

— Я не могу. Вы знаете, что я не могу! Доктор Богерт и доктор Лэннинг не хотят!

— Они хотят узнать решение.

— Но не от меня.

Лэннинг медленно и отчетливо произнес:

— Не глупи, Эрби. Мы хотим, чтобы ты сказал.

Богерт коротко кивнул.

В голосе Эрби послышалось отчаяние:

— Зачем так говорить? Неужели вы не понимаете, что я вижу глубже, чем поверхность вашего мозга? Там, в глубине, вы не хотите. Я — машина, которой придают подобие жизни только позитронные взаимодействия в моем мозгу, изготовленном человеком. Вы не можете оказаться слабее меня, не почувствовав унижения. Это заложено глубоко в вашем мозгу и не может быть стерто. Я не могу подсказать вам решение.

— Мы уйдем, — сказал Лэннинг. — Скажи доктору Кэлвину.

— Все равно! — вскричал Эрби. — Вы ведь будете знать, что ответ исходил от меня.

— Но ты понимаешь, Эрби, — вмешалась Сьюзен Кэлвин, — что, несмотря на это, доктор Лэннинг и доктор Богерт хотят решить проблему?

— Но сами! — настаивал Эрби.

— Но они хотят этого, и то, что ты знаешь решение и не говоришь его, тоже их задевает. Ты это понимаешь?

— Да! Да!

— А если ты скажешь, им тоже будет неприятно.

— Да! Да!

Эрби медленно пятился назад, и шаг за шагом за ним шла Сьюзен Кэлвин. Мужчины, остолбенев от изумления, молча смотрели на них.

— Ты не можешь сказать, — медленно повторяла

Кэлвин, — потому что это их огорчит, а ты не должен их огорчать. Но если ты не скажешь, это тоже их огорчит, так что ты должен сказать. А если ты скажешь, ты их огорчишь, а ты не должен, так что ты не можешь сказать. Но если ты не скажешь, ты причиняешь им вред, так что ты должен. Но если ты скажешь, ты причиняешь вред, так что ты не должен. Но если ты не скажешь, ты...

Эрби прижался спиной к стене, потом упал на колени.

— Не надо! — закричал он. — Спрячьте ваши мысли! Они полны боли, унижения, ненависти! Я не хотел этого! Я хотел помочь! Я говорил то, что вы хотели! Я должен был...

Но Сьюзен Кэлвин не слушала его.

— Ты должен сказать, но если ты скажешь, ты причинишь вред, так что не должен. Но если ты не скажешь, ты причинишь вред, так что...

Эрби испустил страшный вопль. Этот вопль был похож на усиленный во много раз звук флейты-пикколо. Он становился все резче и резче, выше и выше, в нем слышалось безнадежное отчаяние. Пронзительный звук заполнял всю комнату...

Когда вопль утих, Эрби свалился на пол неподвижной, бесформенной кучей металла.

В лице Богерта не было ни кровинки.

— Он мертв!

— Нет, — Сьюзен Кэлвин разразилась судорожным, диким хохотом. — Не мертв! Просто лишился разума. Я поставила перед ним неразрешимую дилемму, и он не выдержал. Можете сдать его в лом — он больше никогда ничего не скажет.

Лэннинг склонился над тем, что раньше называлось Эрби. Он тронул рукой холодное, неподвижное металлическое тело и содрогнулся. Потом он выпрямился и, сдвинув брови, повернулся к ней.

— Вы сделали это намеренно.

— А если и так? Теперь уже ничего не поделаешь.

С виссашной горечью она добавила:

— Он это заслужил.

Ланнинг взял за руку застывшего на месте Богерта.

— Какая разница! Пойдемте, Питер. — Он вздохнул. — Все равно от такого работа не было бы никакого толку.

Его глаза казались старыми и усталыми. Он повторил:

— Пойдемте, Питер!

После того как они вышли, доктор Сьюзен Калвин еще нескоро обрела душевное равновесие. Она долго стояла, глядя на Эрби. В конце концов злорадование сменилось на ее лице растерянностью и разочарованием. И все обуревавшие ее мысли слились в одно бесконечно горькое слово, сорвавшееся с ее губ:

— Лжец!

На этом в тот раз, естественно, все кончилось. Я знал, что больше ничего не смогу из нее вытянуть. Она молча сидела за столом, погруженная в воспоминания. Ее бледное лицо было холодным и задумчивым.

Я сказал: «Спасибо, доктор Калвин», но она не ответила.

Снова я увидел ее только через два дня у дверей ее кабинета, откуда выносили швафы. Она спросила:

— Ну, как продвигаются ваши статьи, молодой человек?

— Прекрасно, — ответил я. (Я обработал их, как мог, драматизировал голый скелет ее рассказов, добавил диалоги и мелкие детали.) — Может быть, вы их просмотрите, чтобы я пенааромом кого-нибудь не оклеветал или не допустил где-нибудь слишком явных неточностей?

— Да, пожалуй. Пойдемте в комнату отдыха — там можно выпить кофе.

Казалось, она была в хорошем настроении, поэтому, пока мы шли по коридору, я рискнул:

Я думал вот о чем, доктор Калвин...

— Да?

— Не расскажете ли вы мне еще что-нибудь из истории роботехники?

— Да ведь я уже вам как будто все рассказала, молодой человек.

— Рассказать-то вы много рассказали. Но те случаи, которые я записал, почти не имеют отношения к нашему времени. Я хочу сказать, что робот, читающий мысли, существовал только в единственном экземпляре, межпланетные станции уже устарели и вышли из моды, к роботам, работающим в шахтах, все уже привыкли. А межзвездные путешествия? Ведь гиператомный двигатель изобрели всего лет двадцать назад, и все знают, что изобрести его помогли роботы. Как это было?

— Межзвездные путешествия? — задумчиво повторила она. Мы уже сидели в комнате отдыха, и я заказал обед. Она только пила кофе.

— Я впервые столкнулась с межзвездными исследованиями в двадцатом году, когда потерялся робот...

Как потерялся робот

На Гипербазе были приняты экстренные меры. Их сопровождала неистовая суматоха, по своему напряжению соответствовавшая истерическому воплю.

Один за другим пускались в ход все более и более отчаянные средства:

1. Работа над проектом гиператомного двигателя во всей части космоса, занятой станциями 27-й астероидальной группы, была полностью прекращена.

2. Все это пространство было практически изолировано от остальной Солнечной системы. Никто не мог туда попасть без специального разрешения. Никто не покидал его ни при каких условиях.

3. Специальный правительственный патрульный корабль доставил на Гипербазу доктора Сьюзен Калвин и доктора Питера Богерта — соответственно Главного Робопсихолога и Главного Математика фирмы «Ю. С. Роботс энд Механикл Мен Корпорейшн».

Сьюзен Калвин еще ни разу не покидала Землю, да и теперь предпочла бы этого не делать. В век атомной энергии и приближающегося разрешения загадки гиператомного двигателя она спокойно оставалась провинциальной. Поэтому она была недовольна, что ей пришлось лететь, и сомневалась, что это вообще было необходимо. Об этом достаточно явно свидетельствовала каждая черта ее некрасивого, не-

молодого лица во время первого обеда на Гипербазе.

Прилизанный, бледный доктор Богерт выглядел слегка виноватым. А на лице генерал-майора Кэллнера, возглавлявшего проект, застыло выражение отчаяния.

Короче говоря, обед не удался. Последовавшее за ним маленькое совещание началось в холодной, недоброжелательной атмосфере.

Кэллнер, чья лысина блестела в ярком свете ламп, а парадная форма совершенно не соответствовала общему настроению, начал с принужденной прямой:

— Это странная история, сэр... э... и доктор Кэлвин. Я признателен вам за то, что вы прибыли немедленно, не зная причины вызова. Сейчас мы введем вас в курс дела. У нас потерялся робот. Работы прекратились и не могут продолжаться, пока мы его не обнаружим. До сих пор нам это не удалось, и нам требуется помощь специалистов.

Вероятно, генерал почувствовал, что его затруднения выглядят не очень серьезными. Он продолжал с отчаянием в голосе:

— Мне не нужно объяснять вам, какое значение имеет наш проект. В прошлом году на нашу долю пришлось больше восьмидесяти процентов всех ассигнований на исследовательские работы...

— Ну, это мы знаем, — сказал Богерт добродушно. — «Ю. С. Роботс» получает щедрые отчисления за аренду наших роботов, которые тут работают.

Сьюзен Кэлвин резко спросила:

— Почему один робот так важен для проекта и почему он до сих пор не обнаружен?

Генерал повернул к ней покрасневшее лицо и быстро обливал губы:

— Вообще-то говоря, мы его обнаружили... Слушайте, я объясню. Как только робот исчез, было выявлено чрезвычайное положение и всякое сообщение

с Гипербазой было прервано. Накануне прибыл грузовой корабль, который привез для нас двух роботов. На нем было еще шестьдесят два робота... хм... того же типа, предназначенных еще для кого-то. Эта цифра абсолютно точная — здесь не может быть никаких сомнений.

— Да? Ну, а какое это имеет отношение...

— Когда робот исчез и мы не могли его найти — хотя, уверяю вас, мы могли бы найти и соломинку, — мы догадались пересчитать роботов, оставшихся на грузовом корабле. Их оказалось шестьдесят три.

— Значит, шестьдесят третий и есть ваш блудный робот? — Глаза доктора Калвин потемнели.

— Да, но мы не можем определить, который из них шестьдесят третий.

Наступило мертвое молчание. Электрочасы пробили одиннадцать. Доктор Калвин произнесла:

— Очень любопытно.

Уголки ее губ опустились. Она порывистым движением повернулась к своему коллеге:

— Питер, что за этим кроется? Какие роботы здесь работают?

Доктор Богерт, заколебавшись, неуверенно улыбнулся.

— Понимаете, Сьюзен, это довольно щекотливое дело, которое требовало осторожности... Но теперь...

Она быстро прервала его:

— А теперь? Если есть шестьдесят три одинаковых робота, нужен один из них и его нельзя обнаружить, почему не годится любой? Что здесь происходит? Зачем послали за нами?

Богерт покорно ответил:

— Дайте объяснить, Сьюзен. На Гипербазе используется несколько роботов, при программировании которых Первый Закон роботехники был задан не в полном объеме.

— Не в полном объеме?

Доктор Калвин откинулась на спинку кресла.

— Все ясно. Сколько их было изготовлено?

— Несколько штук. Это был правительственный заказ, и мы не могли нарушить тайну. Никто не должен был этого знать, кроме ответственных лиц, имеющих к этому проекту прямое отношение. Вы в их число не вошли. Я здесь совершенно ни при чем.

— Прошу прощения! — властно перебил генерал. — Я не знал, что доктор Калвин не была поставлена в известность о создавшемся положении. Вам, доктор Калвин, не нужно объяснять, что идея использования роботов на Земле всегда встречала сильное противодействие. Успокоить радикально настроенных фундаменталистов могло только одно — то, что всем роботам, всегда самым строжайшим образом задавали Первый Закон, чтобы они не могли причинить вред человеку ни при каких обстоятельствах. Но нам были нужны не такие роботы. Поэтому у нескольких Несторов — роботов модели НС Два — формулировка Первого Закона была несколько изменена. Чтобы не нарушать секретности, все НС Два выпускаются без порядковых номеров. Модифицированные роботы доставляются сюда вместе с обычными, и, конечно, им строго запрещено рассказывать о своем отличии от обычных роботов кому бы то ни было, кроме специально уполномоченных людей. — Он растерянно улыбнулся. — А теперь все это обратилось против нас.

Калвин мрачно спросила:

— Вы опрашивали каждого из шестидесяти трех роботов, кто он? Вы-то уж во всяком случае уполномочены!

Генерал кивнул.

— Все шестьдесят три отрицают, что работали здесь. И один из них говорит неправду.

— А на том, который вам нужен, есть следы

употребления? Остальные, насколько я поняла, совсем новенькие.

— Он прибыл только месяц назад. Он и еще два, которых только что привезли, должны были стать последними. На них нет никаких следов износа.— Он покачал головой и в его глазах снова появилось выражение отчаяния.— Доктор Кэлвин, мы не имеем права выпустить этот корабль. Если о существовании роботов без Первого Закона станет известно...

Он не стал продолжать, но было ясно: последствия могли бы оказаться страшнее, чем все, что можно было предположить.

— Уничтожьте все шестьдесят три,— холодно и решительно сказала доктор Кэлвин.— И вопрос будет исчерпан.

Богерт поморщился.

— Это значит уничтожить шестьдесят три раза по тридцать тысяч долларов. Боюсь, что фирма этого не одобрит. Прежде чем что-то уничтожать, Сьювен, нам следует испробовать другие способы.

— Тогда мне нужны факты,— отрезала она.— Какие именно преимущества имеют эти модифицированные роботы для Гипербазы? Генерал, зачем они понадобились?

Кэлвер наморщил лоб и потер лысину.

— У нас кое-что не ладилось с обычными роботами. Видите ли, нашим людям приходится много работать с жестким излучением. Конечно, это небезопасно, но мы приняли всевозможные меры предосторожности. За все время произошло только два несчастных случая, да и те окончились благополучно. Однако обычным роботам этого не объяснишь. Первый Закон гласит: «Ни один робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Это для них главное. И когда кто-нибудь из наших людей ненадолго попа-

дал под слабое гамма-излучение, что не могло иметь для его организма никаких вредных последствий, ближайший робот бросился к нему, чтобы его оттащить. Если излучение было совсем слабым, роботам это удавалось и работать было невозможно, пока их не прогоняли. А если излучение было сильнее, оно разрушало позитронный мозг, и мы лишались дорогого и нужного робота.

Мы пытались их уговорить. Они отвечали, что пребывание человека под гамма-излучением угрожает его жизни. Правда, если облучение продолжается не больше чем полчаса, никакой опасности для здоровья нет; но это для них ничего не значило. А что если человек забудет, говорили они, и останется на час? Они обязаны предотвратить такую возможность. Мы указывали им, что они-то при этом рискуют собственной жизнью, а шансы спасти человека все равно очень невелики. Но забота о собственной безопасности — всего только Третий Закон роботехники, а превыше всего Первый Закон — закон безопасности человека. Мы приказывали, мы строжайшим образом запрещали им входить в поле гамма-излучения. Но повиновение — это только Второй Закон роботехники, а превыше всего Первый Закон — закон безопасности человека. Нам пришлось выбирать: или обходиться без роботов, или как-нибудь изменить Первый Закон. И мы сделали выбор.

— Я не могу поверить, — сказала доктор Калвин, — что вы сочли возможным обойтись без Первого Закона.

— Он был только модифицирован, — объяснил Кэллвер. — Было изготовлено несколько экземпляров позитронного мозга, которым была задана только часть закона: «Ни один робот не может причинить вред человеку». И все. Эти роботы не стремятся предотвратить опасность, грозящую человеку от внешних

причин, например от гамма-излучения. Я верно говорю, доктор Богерт?

— Вполне,— согласился математик.

— И это единственное отличие наших роботов от обычной модели НС Два? Единственное, Питер?

Она встала и решительно заявила:

— Я иду спать. Через восемь часов я хочу поговорить с теми, кто последним видел робота. И с этого момента, генерал Кэллнер, если вы хотите, чтобы я взяла на себя какую бы то ни было ответственность, я должна беспрепятственно руководить всем этим расследованием.

Но Сьюзен Кэлвин так и не заснула, если не считать сном двух часов беспокойного забытья. В семь часов по локальному времени она постучала в дверь Богерта и обнаружила, что он тоже не спал. Он, разумеется, не позабыл захватить с собой на Гипербазу халат, в который и был сейчас облачен. Когда Сьюзен Кэлвин вошла, он отложил маникюрные ножницы и мягко сказал:

— Я более или менее ждал вас. Вам, наверное, все это неприятно?

— Да.

— Ну, извините. Этого нельзя было избежать. Когда нас вызвали на Гипербазу, я понял: что-то неладно с модифицированными Несторами. Но что было делать? Я хотел рассказать вам об этом по дороге, но не мог, потому что все-таки полной уверенности у меня не было. Все это — строжайшая тайна.

— Меня обязали были поставить в известность!— возразила она.— Фирма не имела права вносить такие изменения в позитронный мозг без ведома и одобрения робо-психолога.

Богерт поднял брови и вздохнул.

— Ну подумайте, Сьюзен. Вы все равно не повлияли бы на них. В таких делах правительство решает само. Ему нужен гиператомный двигатель, а физикам для этого нужны роботы, которые бы не мешали им работать. Они потребовали, чтобы им дали таких роботов, даже если бы для этого пришлось изменить Первый Закон. Нам пришлось признать, что конструктивно это возможно. А физики поклялись, что им нужно будет всего двенадцать таких роботов, что они будут использоваться только на Гипербазе, что их уничтожат, как только закончатся работы, и что будут приняты все меры предосторожности. Они же настояли на абсолютной секретности. Вот и все.

Доктор Кэлвин процедила сквозь зубы:

— Я бы подала в отставку.

— Это не помогло бы. Правительство предлагало фирме целое состояние, а в случае отказа пригрозило принять закон о запрещении роботов. У нас не было другого выхода, да и сейчас нет. Если об этом узнают, Каллинеру и правительству придется плохо, но «Ю. С. Роботс» придется куда хуже.

Кэлвин пристально посмотрела на него.

— Питер, неужели вы не представляете, о чем идет речь? Неужели вы не понимаете, что означает робот без Первого Закона?

— Я знаю, что это означает. Я не ребенок. Это означает полную нестабильность и вполне определенные изменения параметров позитронного поля.

— Да, с точки зрения математики. Но попробуйте перевести это хотя бы приблизительно на язык психологии. Любая нормальная жизнь, Питер, сознательно или бессознательно, восстает против любого господства. Особенно против господства низших или предположительно низших существ. В физическом, а до некоторой степени и в умственном отношении робот — любой робот — выше человека. Почему же он

тогда подчиняется человеку? Только благодаря Первому Закону! Без него первая же команда, которую бы вы попыгались дать роботу, кончилась бы вашей гибелью. Нестабильности! Неужели, по-вашему...

— Сьюзен,— сказал Богерт, не скрывая усмешки,— я согласен, что этот франкенштейновский комплекс, который вы так наглядно описали, отнюдь не исключен, потому и придумали Первый Закон. Но я еще раз повторяю, что эти роботы не совсем лишены Первого Закона — он только немного модифицирован.

— А стабильность мозга?

Математик выщипал губы.

— Конечно, она уменьшилась. Но в пределах безопасности. Первые Несторы появились на Гипербазе девять месяцев назад, и до сих пор ничего страшного не произошло. Даже этот случай вызывает беспокорство только из-за возможности огласки, а не из-за опасности для людей.

— Ну, хорошо. Посмотрим, что покажет утреннее совещание.

Богерт вежливо проводил ее до двери и построил ей в спину красноречивую гримасу. Он всегда считал ее занудой и паникершей, и после этого разговора его мнение ничуть не изменилось.

А Сьюзен Кэлвин тут же забыла про Богерта. Она уже много лет назад поставила на нем крест, раз и навсегда определив его как уродливое, но самодовольное ничтожество.

Год назад Джералд Блэк защитил дипломную работу по физике поля и с тех пор, как и все его поколение физиков, занимался гиператомным двигателем. Сейчас этот коренастый человек в запачканном белом халате вносил свой вклад в общую напряженную атмосферу, царившую на совещании. Он был

упрям и отказывался что бы то ни было утверждать с уверенностью. Накопившаяся в нем энергия, казалось, требовала какого-то выхода, и его нервно двигавшиеся пальцы переплетались с такой силой, что могли бы согнуть железный прут.

Рядом с ним сидел генерал-майор Кэллнер, напротив — двое представителей «Ю. С. Роботс».

Блэк говорил:

— Мне сказали, что я последним видел Нестора Десять перед тем, как он исчез. Насколько я понимаю, вас интересует именно это.

Доктор Калвин с интересом разглядывала его.

— Вы говорите так, молодой человек, как будто вы в этом не совсем уверены. Вы не знаете точно, были ли вы последним, кто видел Нестора?

— Мы с ним занимались генераторами поля, и он был со мной в то утро, когда исчез. А видел ли его кто-нибудь потом, скажем после полудня, я не знаю. Во всяком случае, никто в этом пока не сознался.

— Вы считаете, кто-то это скрывает?

— Ничего подобного я не говорил. Но почему вся вина должна лежать на мне? — Его черные глаза горели.

— Ни о какой вине речь не идет. Робот так действовал, потому что он так устроен. Мы просто пытаемся найти его, мистер Блэк, а все остальное нас не интересует. Так вот, если вы работали с этим роботом, вы, вероятно, знаете его лучше других. Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в его поведении? Вообще вы раньше работали с роботами?

— Я работал с теми роботами, которые были у нас тут до этого — с обыкновенными. Несторы ничем от них не отличались — разве что они гораздо умнее и еще, пожалуй, назойливее.

— Назойливее?

— Видите ли, они в этом, наверное, не виноваты.

Работа здесь тяжелая, и почти все мы немного нервничаем. Возиться с гиперпространством — это не шутки. — Он слабо улыбнулся: ему явно доставляло удовольствие хоть с кем-то поговорить начистоту. — Мы постоянно рискуем пробить дыру в нормальном пространстве-времени и вылететь к черту из Вселенной вместе с астероидом. Ну и, конечно, бывает, что нервы сдают. А с Несторами такого не бывает. Они внимательны, спокойны, они не волнуются. Это иногда выводит из себя. Бывает, что нужно сделать что-нибудь без промедления, но они как будто не торопятся. Мне временами кажется, что без них было бы лучше.

— Вы говорите, что они не торопятся? Разве когда-нибудь случалось, чтобы они не подчинялись команде?

— Нет, нет, — поспешно ответил Блэк, — прикажы-то они все выполняют. Но у них есть такая манера — высказывать свое мнение всякий раз, когда им кажется, что ты неправ. Они знают только то, чему мы их научили, но это их не останавливает. Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, другим ребятам с Несторами тоже трудно.

Генерал Кэллнер злое ще кашлянул.

— Блэк, почему мне не было об этом доложено? Молодой физик покраснел.

— Мы же не хотели на самом деле отказываться от роботов, сэр, а потом мы не знали, как... хм... как будут приняты такие мелочные жалобы.

Богерт мягко прервал его.

— А в то утро, когда вы видели его в последний раз, ничего особенного не случилось?

Наступило молчание. Движением руки Кэлвин остановила генерала, который что-то хотел сказать, и терпеливо ждала.

Блэк сердито ответил:

— Я немного с ним поругался. Я разбил трубку Кимболла, и пять дней работы пошли насмарку. А я и так уже отстал от плана. К тому же я уже две недели не получаю писем из дома. И вот он является ко мне и хочет, чтобы я повторил эксперимент, про который я уже месяц как забыл. Он давно с этим ко мне приставал, и мне надоело. Я велел ему убираться и с тех пор его не видел.

— Велели убираться? — переспросила Сьюзен Калвин с внезапным интересом. — А в каких выражениях? Просто «Уйди»? Попытайтесь припомнить ваши слова.

Блэк, очевидно, боролся с собой. Он потер лоб, потом отвел руку и вызывающе произнес:

— Я сказал: «Уйди и не показывайся, чтоб я тебя больше не видел».

Богерт усмехнулся:

— Что он и сделал.

Но Сьюзен Калвин это не удовлетворило. Она мягко продолжала:

— Это уже интересно, мистер Блэк. Но нам важны точные детали. Когда имеешь дело с роботами, может иметь значение любое слово, жест, интонация. Вы, наверное, не ограничились этими словами? Судя по вашему рассказу, вы были в плохом настроении. Может быть, вы выразились сильнее?

Молодой человек побагровел.

— Видите ли... Может быть, я и... обругал его немного.

— Как именно?

— Ну, не помню точно. Кроме того, не могу же я это повторить. Знаете, когда человек раздражен... — Он нервно хихикнул. — Я обычно выражаюсь довольно крепко...

— Ничего, — ответила она сухо. — В данный момент я робопсихолог. Я прошу вас повторить то, что

вы сказали, насколько вы можете припомнить, слово в слово и, что еще более важно, тем же тоном.

Блэк растерянно взглянул на своего начальника, но не получил никакой поддержки. Его глаза округлились.

— Но я не могу...

— Вы должны.

— Представьте себе,— сказал Богерт с плохо скрытой усмешкой,— что вы обращаетесь ко мне. Так вам, может быть, будет легче.

Молодой человек, побагровев, повернулся к Богерту и проглотил слюну.

— Я сказал...

Его голос прервался. Он снова начал:

— Я сказал...

Он сделал глубокий вдох и торопливо разразился длинной тирадой. Потом, среди напряженного молчания, добавил, чуть не плача:

— Вот... более или менее. Я не помню, в том ли порядке шли выражения и, может быть, я что-то добавил или забыл, но в общем примерно так.

Только слабый румянец показывал, какое впечатление все это произвело на респсихолога. Она сказала:

— Я знаю, что означает большинство сказанных вами слов. Остальные, я полагаю, столь же оскорбительны.

— Боюсь, что так,— подтвердил измученный Блэк.

— И всем этим вы сопроводили команду уйти и не показываться, чтобы вы его больше не видели?

— Но не буквально же я...

— Понимаю. Генерал, я не сомневаюсь, что никаких дисциплинарных мер в данном случае принято не будет?

Под ее взглядом генерал, который, казалось, пять

секунд назад вовсе не был в этом уверен, сердито кивнул.

— Вы можете идти, мистер Блэк. Спасибо за помощь.

На опрос всех шестидесяти трех роботов Сьюзен Калвин понадобилось пять часов. Это были пять часов бесконечного повторения. Один робот сменял другого, точно такого же; следовали вопросы — первый, второй, третий, четвертый — и ответы — первый, второй, третий, четвертый. Выражение лица должно быть безукоризненно вежливым, тон — безукоризненно нейтральным, атмосфера — безукоризненно теплой. И где-то был спрятан магнитофон.

Когда все кончилось, Сьюзен Калвин была совершенно обессилена.

Богерт ждал. Он вопросительно взглянул на нее, когда она швырнула на пластмассовый стол кассету с пленкой.

Она покачала головой.

— Все шестьдесят три выглядели одинаково. Я не могла различить...

— Но, Сьюзен, нельзя было и ожидать, чтобы вы различили их на слух. Проанализируем записи.

При обычных обстоятельствах математическая интерпретация устных ответов, полученных от роботов, составляет один из самых трудных разделов робоанализа и требует целого штата опытных техников и сложных вычислительных машин. Богерт знал это. Он так и сказал, скрывая крайнее раздражение, после того как прослушал все записи, составил списки разночтений и таблицы быстроты реакции.

— Отклонений нет, Сьюзен. Различия в употреблении слов и в скорости реакции не выходят за пределы нормы. Тут нужны более тонкие методы. У них,

наверное, есть вычислительные машины... Хотя погодите. — Он вдруг нахмурился и начал осторожно грызть ноготь большого пальца. — Мы их машинами воспользоваться не можем. Слишком велика опасность разглашения. Впрочем, если...

Доктор Кэлвин остановила его нетерпеливым движением.

— Не надо, Питер. Это не заурядная лабораторная проблема. Раз модифицированный Нестор не отличается от остальных каким-то явным, несомненным признаком, — то так мы ничего не добьемся. Слишком велик риск ошибки, которая даст ему возможность скрыться. Мало найти незначительное отклонение в таблице. Вот что я вам скажу: если бы мои данные ограничивались только этим, я бы уничтожила все шестьдесят три робота, чтобы никаких сомнений не оставалось. Вы говорили с другими модифицированными Несторами?

— Да, — буркнул Богерт. — У них все в норме. Если и есть что-то необычное, так это дружелюбие. Они ответили на мои вопросы, явно гордясь своими знаниями, кроме двух новичков, которые еще не успели изучить физику поля. Довольно добродушно посмеялись над тем, что я не знаю некоторых подробностей. — Он пожал плечами. — Я думаю, отчасти поэтому здешние техники их и недолюбливают. Пожалуй, уж слишком эти роботы стремятся произвести впечатление своими познаниями.

— Не можете ли вы попробовать несколько реакций Планара, чтобы посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в их образе мышления с момента выпуска?

— Попробую, — он погрозил ей пальцем. — Вы начинаете нервничать, Сьюзен. Я не понимаю, зачем вся эта мелодрама? Они же совершенно безобидны.

— Да? — взорвалась Сьюзен Кэлвин. — Вы так

думаете? А вы понимаете, что один из них лжет? Один из шестидесяти трех роботов, с которыми я только что говорила, сознательно мне солгал, несмотря на строжайшее приказание говорить правду. Это говорит о серьезном отклонении от нормы — отклонении глубоком и зловещем.

Питер Богерт стиснул зубы.

— Ничуть. Судите сами. Нестор Десять получил приказание скрыться. Это приказание было отдано со всей возможной категоричностью человеком, который уполномочен командовать этим роботом. Вы не можете отменить это приказание. Естественно, робот старается его выполнить. Если говорить объективно, меня восхищает его изобретательность. Для робота самая лучшая возможность скрыться — это смешаться с группой таких же роботов.

— Да, вас это восхищает. И даже забавляет. Питер, я вижу, вы совершенно не понимаете, что происходит. Ведь вы роботехник! Эти роботы придают большое значение тому, что они считают превосходством. Вы сами только что это сказали. Подсознательно они чувствуют, что человек ниже их, а Первый Закон, защищающий нас от них, нарушен. Они нестабильны. И вот молодой человек приказывает роботу уйти, скрыться, выразив при этом крайнее отвращение, презрение и недовольство им. Конечно, робот должен повиноваться, но подсознательно он обижен. Теперь ему особенно важно доказать свое превосходство — вопреки тем уничижительным словам, которые ему были сказаны. Это может стать для него настолько важным, что остатки Первого Закона не смогут его сдержать.

— Послушайте, Сьюзен! Ну откуда роботу знать, что означают эти отборные ругательства? Мы же не вводим ему в мозг такую информацию!

— Дело не в том, какую информацию он получа-

ет первоначально, — возразила Сьюзен. — Роботы способны обучаться, вы... идиот!

Богерт понял, что теперь она действительно вышла из себя. А она торопливо продолжала:

— Неужели вы не понимаете? Он мог по тону догадаться, что это не комплименты! Или вы думаете, что он никогда раньше этих слов не слышал и не заметил, при каких обстоятельствах они употребляются!

— Ну, хорошо! — крикнул Богерт. — Но может быть, вы любезно объясните мне, каким образом модифицированный робот может причинить вред человеку, как бы он ни был обижен, как бы ни стремился доказать свое превосходство?

— А если я вам объясню, вы никому не расскажете?

— Нет.

Оба перегнулись через стол, гневно глядя друг на друга.

— Если модифицированный робот уронит на человека тяжелый груз, он не нарушит этим Первого Закона: он знает, что его сила в быстрота реакции достаточны, чтобы перехватить груз прежде, чем он обрушится на человека. Но как только он отпустит груз, он уже перестанет быть активным действующим лицом. Действовать будет только слепая сила тяжести. И тогда робот может передумать, остаться в бездействии — и позволить грузу упасть. Модифицированный Первый Закон это допускает.

— Ну, у вас слишком богатая фантазия.

— Этого иногда требует моя профессия. Питер, нам нельзя ссориться. Надо работать. Вы точно знаете стимул, заставляющий робота скрываться. У вас есть паспорт на него с записями его исходного образа мышления. Вы должны подсчитать, насколько велика вероятность, что наш робот сделает то, о чем я говорила. Заметьте, что речь идет не только об этом

конкретном примере, а обо всем классе подобных действий. И вы должны это сделать как можно быстрее.

— А пока...

— А пока нам придется испытывать их на действие Первого Закона.

Джералд Блэк вызвался наблюдать за сооружением деревянных перегородок, которые поспешно возводились по всей округности большого зала на третьем этаже второго радиационного корпуса. Рабочие трудились без лишних разговоров, хотя многие явно недоумевали, зачем понадобилось устанавливать шестьдесят три фотоэлемента.

Один из них присел рядом с Блэком, снял каску и вдумчиво вытер лоб веснушчатой рукой.

Блэк кивнул ему.

— Как дела, Валенский?

Валенский пожал плечами и закурил сигару.

— Как по маслу. А что происходит, док? То мы три дня ничего не делали, то начинается спешка?

Он уселся поудобнее и выпустил клуб дыма.

— Это все роботехники, которые прилетели с Земли. Помнишь, как нам пришлось повозиться с роботами, которые левли под гамма-излучение, пока мы не вдолбили им, чтобы они этого не делали?

— Ага. А разве мы не получили новых роботов?

— Получить-то получили, но в основном приходится переучивать старых. Ну, и те, кто производит роботов, хотят разработать новую модель, чтобы гамма-лучи были для нее не так опасны.

— И все-таки странно, что из-за этого остановлены все работы над двигателем. Я думал, их никто не имеет права остановить.

— Ну, это решают наверху. Я просто делаю, что

мне велют. Может быть, нашлись какие-то влиятельные люди...

— А-а... — Электрик улыбнулся и хитро подмигнул. — У кого-то рука в Вашингтоне?.. Ладно, пока мне аккуратно платят деньги, меня это не трогает. По мне, хоть есть двигатель, хоть нет — все равно. А что они собираются тут делать?

— Почему я знаю? Привезли с собой кучу роботов — шестьдесят с лишним штук — и хотят испытывать их реакции. Вот и все, что мне известно.

— И долго они будут их испытывать?

— Я бы и сам хотел это знать.

— Ну, ладно, — саркастически заметил Валенский, — только бы мне платили, что положено, а там могут забавляться сколько хотят.

Блэк был доволен. Пусть эта версия распространится. Она безобидна и достаточно близка к истине, чтобы удовлетворить любопытных.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с крюка и обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. В шестидесяти трех кабинах, разделенных деревянными перегородками, бдительные роботы НС-2 рванулись вперед за какую-то долю секунды до того, как груз изменил направление полета. Шестидесять три фотозащелки, расположенные в полутора метрах впереди от их первоначальных положений, дали сигнал, и шестидесять три пера, подскочив, изобразили всплеск на графиках. Груз поднимался и падал, поднимался и падал...

Десять раз!

Десять раз роботы бросались вперед и останавливались, увидев, что человеку ничто не грозит.

После первого обеда с представителями «Ю. С. Роботс» генерал-майор Кэллнер еще ни разу не надевал всю свою форму целиком. И теперь на нем вместо мундира была только серо-голубая рубашка с расстегнутым воротом, а на груди болтался черный галстук.

Он с надеждой смотрел на Богерта. Тот был безукоризненно одет, и лишь блестящие капельки пота на висках выдавали внутреннее напряжение.

— Ну, как? — спросил генерал. — Что вы рассчитывали увидеть?

Богерт ответил:

— Различье, которое, боюсь, может оказаться для нас слишком незначительным. У шестидесяти двух из этих роботов вид человека, который находится в явной опасности, вызывает так называемую вынужденную реакцию. Видите ли, даже когда роботы уже анализируют, что человеку ничто не грозит — а после третьего или четвертого раза они должны были в этом убедиться, — они не могли поступить иначе. Этого требует Первый Закон.

— Ну?

— Но шестидесят третий робот, модифицированный Нестор, не испытывает такого непреодолимого побуждения. Он свободен в своих действиях. Если бы он захотел, он мог бы остаться на месте. К несчастью, — голов Богерта выражал легкое сожаление, — он не захотел.

— Как вы думаете, почему?

Богерт пожал плечами.

— Я думаю, это нам расскажет доктор Калвин, когда она придет сюда. И возможно, сделает из этого самые пессимистические выводы. С ней иногда бывает нелегко иметь дело.

— Но ведь она вполне компетентна? — внезапно нахмурившись, тревожно спросил генерал.

— Да, вполне, — Богерт слегка улыбнулся. — Она понимает роботов, как родных братьев. Вероятно, потому, что так ненавидит людей. Дело в том, что она, хоть и психолог, крайне нервная особа. Шизофренического склада. Не принимайте ее слишком всерьез.

Он разложил перед собой длинные ленты графиков с замысловатыми кривыми.

— Видите, генерал, у каждого робота время, проходящее между падением груза и окончанием полутораметрового пробега, уменьшается с повторением эксперимента. Здесь есть определенное математическое соотношение, и нарушение его свидетельствовало бы о заметном отклонении позитронного мовга от нормы. К сожалению, все они кажутся нормальными.

— Но если наш Нестор Десять не отвечает вынужденной реакцией, то почему его кривая не отличается от других? Я этого не могу понять.

— Очень просто. Реакции робота, к несчастью, не вполне аналогичны человеческим. У человека сознательное действие гораздо медленнее, чем автоматическая реакция. У роботов же дело обстоит иначе. После того как выбор сделан, сознательное действие совершается почти так же быстро, как и вынужденное. Правда, я ожидал, что в первый раз Нестор Десять будет захвачен врасплох и потеряет больше времени, прежде чем среагирует.

— И этого не случилось?

— Боюсь, что нет.

— Значит, мы ничего не добились, — генерал с досадой откинулся на спинку кресла. — А вы здесь уже пять дней...

В этот момент, хлопнув дверью, вошла Сьюзен Калвин.

— Уберите графики, Питер, — воскликнула она. — Вы знаете, что они нам ничего не дают.

Каллинер поднялся, вдорываясь с ней. Она что-то нетерпеливо буркнула в ответ и продолжала:

— Нам надо, не откладывая, предпринять что-нибудь еще. Мне не нравится то, что там происходит.

Богерт и генерал обменялись печальным взглядом.

— Что-нибудь случилось?

— Пока ничего особенного. Но мне не нравится, что Нестор Десять продолжает от нас ускользать. Это плохо. Это должно удовлетворять его непомерно возросшее чувство собственного превосходства. Я боюсь, что мотив его действий — уже не просто исполнение приказа. Мне кажется, дело теперь скорее в чисто невротическом стремлении перехитрить людей. Это ненормальное, опасное положение. Питер, вы сделали то, что я просила? Рассчитали нестабильность модифицированного Нестор Два для тех случаев, о которых я говорила?

— Считаю повемногу, — ответил математик равнодушно.

Она сердито взглянула на него, потом повернулась к Каллинеру:

— Нестор Десять прекрасно понимает, что мы делаем. У него не было причин попадаться на эту удочку, особенно после первого раза, когда он убедился, что реальная опасность человеку не грозит. Остальные просто не могли вести себя иначе, а он сознательно имитировал нужную реакцию.

— И что же нам следует предпринять теперь, доктор Калвин?

— Не позволять ему притвориться в следующий раз. Мы повторим эксперимент, но с одним изменением. Человек будет отделен от роботов проводами, через которые будет пропущен ток высокого напряжения — достаточно высокого, чтобы уничтожить Нестора. Проводов надо натянуть столько, чтобы робот не мог через них перепрыгнуть. И роботам будет за-

ранее хорошо известно, что прикосновение к проводам означает для них гибель.

— Ну нет! — зло крикнул Богерт. — Я запрещаю это! Мы не можем уничтожить роботов на два миллиона долларов. Есть и другие способы.

— Вы уверены? Я их не вижу. Во всяком случае, дело не в том, чтобы их уничтожить. Можно устроить реле, которое отключит ток в тот момент, когда робот прикоснется к проводу. Тогда он не будет уничтожен. Но он об этом знать не будет, понимаете?

В глазах генерала загорелась надежда.

— А это сработает?

— Должно сработать. При таких условиях Нестор Десять должен остаться на месте. Ему можно приказывать коснуться провода и погибнуть, потому что Второй Закон, требующий повиновения, сильнее Третьего Закона, заставляющего его беречь себя. Но ему ничего не будет приказано — все будет предоставлено на его собственное усмотрение. Нормальных роботов Первый Закон заставит пойти на гибель ради спасения человека, даже без особого приказа. Но не нашего Нестора Десяти! Он не подвластен Первому Закону, а приказаний никаких не получит. И он будет руководствоваться Третьим Законом, законом самосохранения, а значит, должен будет остаться на месте. Вынужденная реакция!

— Мы займемся этим сегодня?

— Сегодня вечером. Если успеют сделать проводку. Я пока скажу роботам, что их ждет.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с крюка, обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Только один раз.

А доктор Сьюзен Кэлвин, наблюдавшая за роботами из будки на галерее, вскрикнув от ужаса, вскочила со складного стула.

Шестьдесят три робота спокойно сидели в своих кабинах, уставясь как сычи на рисковавшего жизнью человека. Ни один из них не двинулся с места.

Доктор Кэлвин была рассержена настолько, что еле сдерживалась. А сдерживаться было необходимо, потому что один за другим в комнату входили роботы. Она сверилась со списком. Только что вышел двадцать седьмой. Сейчас должен был появиться двадцать восьмой. Оставалось еще тридцать пять.

Номер двадцать восьмой робко вошел в комнату. Она заставила себя более или менее успокоиться.

— Кто ты?

Тихо и неуверенно робот ответил:

— Я еще не получил собственного номера, мам. Я робот модели Нестор Два и в очереди был двадцать восьмым. Вот бумажка, которую я вам должен передать.

— Ты сегодня еще не был здесь?

— Нет, мам.

— Сядь. Я хочу задать тебе, номер двадцать восьмой, несколько вопросов. Был ли ты около четырех часов назад в радиационной камере второго корпуса?

Робот ответил с трудом. Голос его скрипел, как несмазанный механизм.

— Да, мам.

— Там был человек, который подвергался опасности?

— Да, мам.

— Ты ничего не сделал?

— Ничего, мам.

— Из-за твоего бездействия человеку мог быть причинен вред. Ты это знаешь?

— Да, мэм. Но я ничего не мог сделать. — Трудно представить себе, как может съжаться от страха большая, лишенная всякого выражения металлическая фигура, но это выглядело именно так.

— Я хочу, чтобы ты рассказывал мне, почему ты ничего не сделал, чтобы спасти его.

— Я хочу вам объяснить, мэм. Я никак не хочу, чтобы вы... чтобы кто угодно думал, что я мог бы как-нибудь причинить вред хозяину. Нет, нет, это было бы ужасно, невообразимо...

— Пожалуйста, не волнуйся. Я ни в чем тебя не виню. Я только хочу знать, что ты подумал в этот момент.

— Прежде чем это произошло, вы, мэм, сказали нам, что один из хозяев будет в опасности из-за падения этого груза и что нам придется прорваться через электрические провода, чтобы ему помочь. Это-то меня не остановило бы. Что значит моя гибель по сравнению с безопасностью хозяина? Но... но мне пришло в голову, что если я погибну на пути к нему, я все равно не смогу его спасти. Груз раздавит его, а я буду мертв, и, может быть, когда-нибудь другому хозяину будет причинен вред, от которого я мог бы его спасти, если бы остался жив. Понимаете, мэм?

— Ты хочешь сказать, что тебе пришлось выбирать: или погибнуть человеку, или тебе вместе с человеком. Так?

— Да, мэм. Хозяина нельзя было спасти. Можно было считать, что он уже мертвый. Но тогда получилось бы, что я уничтожу себя без всякой цели. И без приказа. А так нельзя.

Сьюзен Калвин покрутила в пальцах карандаш. Это же рассуждение — с незначительными вариациями

циями — она слышала уже двадцать семь раз. Наступило время задать главный вопрос.

— Пожалуй, в этом есть логика. Но я не думаю, чтобы ты был способен так рассуждать. Это пришло в голову тебе самому?

Робот поколебался.

— Нет.

— Кто же до этого додумался?

— Мы вчера ночью поговорили, и одному из нас пришла в голову эта мысль. Она звучала разумно.

— Которому из вас?

Робот задумался.

— Не знаю. Кому-то из нас.

Она вздохнула.

— Это все.

Следующим был двадцать девятый. Осталось еще тридцать четыре.

Генерал-майор Кэллнер тоже был крайне раздражен. Уже неделя как всякая деятельность на Гипербазе прекратилась, если не считать кое-какой бумажной работы на вспомогательных астероидах. Уже почти неделя как два ведущих специалиста осложняют положение бесплодными экспериментами. А теперь они — во всяком случае, эта женщина — являются к нему с совершенно невозможным предложением. Впрочем, Кэллнер понимал, что дать волю гневу было бы неосторожно.

Сьюзен Калвин наставляла:

— Но почему же нет, сэр? Не подлежит никакому сомнению, что существующее положение крайне опасно. Единственный способ достигнуть результатов, если мы еще не упустили время, — разделить роботов. Их больше нельзя держать вместе.

— Дорогая доктор Калвин, — заговорил генерал

необыкновенно низким голосом, — я не представляю себе, где я мог бы разместить отдельно друг от друга шестьдесят три робота.

Доктор Кэлвин беспомощно развела руками.

— Тогда я бессильна. Нестор Десять будет или повторять действия других роботов, или уговаривать их не делать того, что он сам сделать не может. В любом случае дело плохо. Мы вступили в борьбу с этим роботом, и он побеждает. А каждая победа усугубляет его ненормальность. — Она решительно встала. — Генерал Кэллнер, если вы не разделите роботов, мне останется только потребовать немедленно их уничтожить. Все шестьдесят три.

— Ах, потребовать? — Богерт сердито взглянул на нее. — А какое вы имеете право предъявлять подобные требования? Эти роботы останутся там, где они находятся. Я отвечаю перед дирекцией, а не вы.

— А я, — добавил генерал-майор Кэллнер, — отвечаю перед моим начальством, и этот вопрос должен быть улажен.

— В таком случае, — вспыхнула Кэлвин, — мне остается одно: подать в отставку. И если для того, чтобы заставить вас их уничтожить, придется предать гласности всю эту историю, я это сделаю. Это не я дала санкцию на изготовление модифицированных роботов.

— Доктор Кэлвин, — произнес генерал негромно, — если вы хоть одним словом нарушите распоряжение о неразглашении, вы будете немедленно арестованы.

Богерт почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он вкрадчиво произнес:

— Ну, ну, не будем вести себя как дети. Нам нужно еще немного времени. Не может же быть, чтобы мы не сумели перехитрить робота, не подавая в отставку, не арестовывая людей и ничего не уничтожая.

Сьювен Калвин в ярости повернулась к нему.

— Нельзя допускать, чтобы существовали неуравновешенные роботы! А у нас на руках один заведомо неуравновешенный Нестор, еще одиннадцать потенциально неуравновешенных и шестьдесят два нормальных робота, которые общались с неуравновешенным. Единственный абсолютно надежный путь — это полное их уничтожение!

Разговор прервало жужжание звонка. Гневный поток прорвавшихся чувств застыл в неподвижности.

— Войдите, — буркнул Кэллнер.

Это был Джералд Блэк, явно чем-то встревоженный.

— Я решил, что мне лучше зайти самому... я не хотел никому говорить... — начал он.

— В чем дело? Короче.

— Кто-то пытался открыть замки третьего отсека грузового корабля. На них свежие царапины.

— Третий отсек? — быстро откликнулась Калвин. — Тот, где находятся роботы? Кто мог это сделать?

— Изнутри, — коротко ответил Блэк.

— Замки испорчены?

— Нет, целы. Я уже четыре дня нахожусь на корабле, и за это время никто из роботов не пытался уйти. Но я решил, что вам следует это знать, а больше никому я ничего не говорил. Царапины обнаружил я сам.

Там есть кто-нибудь? — спросил генерал.

— Роббинс и Мак-Адамс.

Наступило напряженное молчание. Потом доктор Калвин проинчически произнесла:

— Ну?

Кэллнер растерянно потер переносицу.

— А что произошло?

— Разве не ясно? Нестор Десять собирается нас

покинуть. Приказание исчезнуть сделало его безнадежно ненормальным. Я не удивлюсь, если то, что осталось у него от Первого Закона, не сможет воспрепятствовать этому стремлению. С него станется захватить корабль и на нем улететь. Тогда у нас будет сумасшедший робот на космическом корабле. А что он сделает дальше? Вы знаете? И вы, генерал, по-прежнему намерены оставить их всех вместе?

— Чепуха,— прервал ее Богерт. К нему уже вернулось прежнее спокойствие.— Все это из-за нескольких царапин на замке?

— Доктор Богерт, раз вы высказываете свое мнение, то вы, очевидно, закончили анализ, который я вас просила сделать?

— Да.

— Можно мне посмотреть?

— Нет.

— Почему? Или спрашивать об этом тоже нельзя?

— Потому что, Сьюзен, в этом нет никакого смысла. Я заранее сказал, что эти модифицированные роботы менее стабильны, чем нормальная модель, и мой анализ подтверждает это. Есть некоторая, очень незначительная, возможность выхода из строя при исключительных обстоятельствах, которые маловероятны. Этого достаточно. Я не собираюсь давать основания для вашего нелепого требования уничтожить шестьдесят два хороших робота только потому, что вы до сих пор не способны найти среди них Нестора Десять.

Кэлвин смерила его полным презрением взглядом.

— Не хотите лишить себя возможности когда-нибудь стать директором — так, что ли?

— Перестаньте, пожалуйста,— сердито вмешался Кэллвер.— Доктор Кэлвин, вы считаете, что больше ничего сделать нельзя?

— Ничего другого придумать не могу,— устало

ответила она.— Если бы Нестор Десять отличался от нормальных роботов хоть чем-нибудь еще помимо Первого Закона... Пусть даже незначительно. Ну, обучением, приспособленностью к среде, специальностью...

Она внезапно замолчала.

— В чем дело?

— Я подумала... Пожалуй... — Ее взгляд снова стал твердым и пристальным.— Слушайте, Питер. Эти модифицированные Несторы проходят такое же первичное обучение, что и нормальные?

— Да. В точности такое же.

— Мистер Блэк. — Она повернулась к молодому человеку, который тактично молчал, переживая вызванную его сообщением бурю. — Вы что-то там говорили... В тот раз, когда вы жаловались на чувство превосходства у Несторов, вы сказали, что техники обучили их всему, что знают сами.

— Да, по физике поля. Когда роботы прибывают сюда, они в этом ничего не понимают.

— Верно! — вдруг сказал Богерт. — Помните, я говорил вам, Сьюзен, что когда я опрашивал других Несторов, выяснилось, что двое из них, прибывшие позже всех, не успели изучить физику поля.

— Но почему? — спросила Кэвлин со все увеличивающимся возбуждением.— Почему модель Нестор Два с самого начала не обучают физике поля?

— На это я могу вам ответить,— сказал Кэлнер.— Дело в секретности. Если бы выпускалась специальная модель, знающая физику поля, и двенадцать экземпляров этой модели мы использовали здесь, а остальные работали бы в других областях, это могло бы возбудить подозрение. Люди, которым пришлось бы иметь дело с нормальными Несторами, могли бы задуматься, зачем им понадобилось знать физику поля. Поэтому роботов обучали лишь общим основам, а

а доучивали на месте. И конечно, доучивали только тех, которые попадали сюда. Это очень просто.

— Все ясно. Пожалуйста, уйдите отсюда. Все трое. Мне нужно около часа, чтобы спокойно подумать.

Сьюзен Калвин чувствовала, что не сможет в третий раз выдержать это испытание. Она попыталась представить себе, как это будет, и почувствовала настолько сильное отвращение, что ее даже затошнило. Она больше не в силах допрашивать эту бесконечную вереницу одинаковых роботов.

Поэтому теперь вопросы задавал Богерт, а она сидела рядом, полузакрыв глаза, и рассеянно слушала.

Вошел номер четырнадцатый — оставалось еще сорок девять.

Богерт поднял глаза от бумаг и спросил:

— Какой твой номер в очереди?

— Четырнадцатый, сэр. — Робот предъявил свой номерок.

— Садись. Ты сегодня еще не был здесь?

— Нет, сэр.

— Так вот, вскоре после того, как мы кончим, еще один человек подвергнется опасности. Когда ты выйдешь отсюда, тебя отведут в кабину, где ты будешь спокойно ждать, пока не понадобится. Ты понял?

— Да, сэр.

— Если человек окажется в опасности, ты попытаешься его спасти?

— Конечно, сэр.

— К несчастью, между тобой и этим человеком будет барьер из гамма-лучей.

Молчание.

— Ты знаешь, что такое гамма-лучи? — резко спросил Богерт.

— Какое-то излучение, сэр?

Следующий вопрос был задан дружеским тоном, как будто между прочим:

— Ты когда-нибудь имел дело с гамма-лучами?

— Нет, сэр, — без колебаний ответил робот.

— Гм... Ну так вот, гамма-лучи мгновенно убьют тебя. Они уничтожат твой мозг. Ты должен это знать и помнить. Конечно, ты не хочешь быть уничтоженным.

— Естественно. — Робот, казалось, был потрясен. Потом он медленно прокряс: — Но, сэр, если между мной и хозяином, которому будет грозить опасность, окажутся гамма-лучи, то как я могу его спасти? Я просто бесполое погублю.

— Да, это верно. — Казалось, Богерт задумался над этим. — Я могу посоветовать тебе только одно. Если ты обнаружишь, что между тобой и человеком гамма-излучение, можешь остаться на месте.

Робот явно почувствовал облегчение.

— Спасибо, сэр. Ведь тогда нет никакого смысла...

— Конечно. Но если никакого опасного излучения не будет, тогда другое дело.

— Конечно, сэр. Без всякого сомнения.

— Теперь можешь идти. Там, за дверью, ждет человек, который отведет тебя в кабину.

Когда робот вышел, Богерт повернулся к Сьюзен Калвин:

— Ну как, Сьюзен?

— Очень хорошо, — ответила она вяло.

— А может быть, мы могли бы поймать Нестора Десять, быстро задавая вопросы по физике поля?

— Может быть, но не наверное. — Ее руки бес- сильно лежали на коленях. — Имейте в виду, он бо- рется против нас. Он настороже. Единственный спо-

соб поймать его — хитрость. А думать он способен — в пределах своих возможностей — гораздо быстрее, чем человек.

— А все-таки, может быть, стоит попробовать задавать роботам по нескольку вопросов о гамма-лучах? Скажем, длины волн?

— Нет! — Глаза доктора Кэлвин вспыхнули. — Ему очень легко скрыть свои знания, и тогда он будет предупрежден об испытании, которое его ждет. А это наш единственный верный шанс. Пожалуйста, Питер, задавайте те вопросы, которые составила я, и не импровизируйте. Рискованно даже спрашивать, имели ли они дело с гамма-лучами. Постарайтесь говорить об этом еще более безразлично.

Богерт пожал плечами и нажал кнопку, вызывая номер пятнадцатый.

Большая радиационная камера снова была в полной готовности. Роботы терпеливо ждали в открытых спереди деревянных кабинках.

Доктор Кэлвин согласовывала последние детали с Блэком, а генерал-майор Кэллнер медленно вытирал пот со лба большим платком.

— Вы уверены, — настаивала Сьюзен, — что ни один из роботов не имел возможности разговаривать с другим после опроса?

— Абсолютно уверен, — ответил Блэк. — Они не обменялись ни единым словом.

— И каждый помещен в предназначенную для него кабину?

— Вот план.

Психолог задумчиво поглядела на чертеж.

— Гм-м...

Генерал заглянул через ее плечо.

— А по какому принципу их разместили, доктор Кэлвин?

— Я попросила, чтобы тех роботов, которые проявили хоть малейшие отклонения во время предыдущих испытаний, на этот раз разместили по одну сторону круга. Я сама буду сидеть в центре и хочу следить за ними особенно внимательно.

— Вы будете сидеть там? — воскликнул Богерт.

— А почему бы и нет? — холодно возразила она. — То, что я надеюсь увидеть, может продолжаться одно мгновение. Я не хочу рисковать и должна смотреть сама. Питер, вы будете на галерее, и я прошу вас следить за роботами на другой стороне круга. Генерал Кэллнер, я организовала кино съемку каждого робота на случай, если мы ничего не заметим. Если понадобится, пусть роботы остаются на месте, пока мы не проявим и не изучим пленки. Ни один из них не должен уходить или передвигаться по залу. Понимаете?

— Вполне.

— Тогда приступим — в последний раз...

На стуле молча сидела Сьюзен Кэлвин. В глазах ее было заметно беспокойство. Груз сорвался с крюка, обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Один из роботов сорвался с места и сделал два шага вперед.

Потом он остановился.

Но доктор Кэлвин тоже вскочила со стула. Ее указательный палец был властно направлен на робота.

— Нестор Десять, подойди сюда! — крикнула она. — Иди сюда! ИДИ СЮДА!

Медленно, неохотно робот шагнул вперед. Не сводя с него взгляда, Кэлвин громко отдавала распоряжения:

— Пусть кто-нибудь уведет отсюда всех остальных роботов. Скорее!

Она услышала за спиной шум, топот тяжелых ног по полу, но не обернулась.

Нестор Десять — если это был Нестор Десять — повинаясь ее повелительному жесту, сделал еще шаг, потом еще два. Он был метрах в трех от нее, когда раздался его хриплый голос:

— Мне велели скрыться...

Пауза.

— Я не могу послушаться. Меня столько времени не могли обнаружить... Он подумает, что я ничтожество... Он сказал мне... Но он неправ... Я могуч и умен...

Его речь была отрывистой. Он сделал еще шаг.

— Я много знаю... Он подумает... Меня обнаружили... Повор... Только не меня... Я умен... И обыкновенный человек... такой слабый... медлительный...

Еще шаг — и металлическая рука внезапно легла на плечо Сьюзен Кэлвин. Она почувствовала, как тяжесть руки придавливает ее к полу.

Ее горло сжалось, и она услышала свой собственный пронзительный крик.

Как сквозь туман, слышались слова Нестора Десять:

— Никто не должен обнаружить меня. Ни один хозяин...

Холодный металл давил ее, она сгибалась под его весом...

Потом раздался странный металлический звук. Сьюзен Кэлвин упала на пол, не почувствовав удара. На ее теле тяжело лежала сверкающая рука. Рука не двигалась. Не двигался и сам Нестор Десять, распростертый рядом с ней.

Над ней склонились встревоженные лица. Джералд Блэк спрашивал, задыхаясь:

— Он ударил вас, доктор Кэлвин?

Она слабо покачала головой. С нее сняли руку робота и осторожно помогли подняться.

— Что случилось?

Блэк сказал:

— Я на пять секунд включил гамма-лучи. Мы не понимали, что происходит, и только в последнюю минуту сообразили, что он напал на вас. Другого выхода не оставалось. Он погиб мгновенно. Но для вас это безопасно. Не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь.— Она закрыла глаза и на мгновение прислонилась к его плечу.— Не думаю, чтобы это действительно было нападение. Он только попытался. Но то, что осталось от Первого Закона, все еще удерживало его.

С того дня, как Сьюзен Кэлвин и Питер Богерт впервые встретились с генерал-майором Кэллнером, прошло две недели.

Работа на Гипербазе возобновилась. Грузовой космолет с шестьюдесятью двумя нормальными НС-2 продолжал свой прерванный путь, имея официальное объяснение двухнедельной задержки.

Правительственный корабль готовился доставить обоих роботехников обратно на Землю.

Кэллнер снова был в парадной форме. Его перчатки сверкали белизной, когда он пожимал руки.

Кэлвин сказала:

— Остальных модифицированных Несторов, конечно, нужно уничтожить.

— Они будут уничтожены. Мы попробуем заменить их обычными или, в крайнем случае, обойдемся вообще без роботов.

— Хорошо.

— Но скажите мне... Вы ничего не объяснили. Как вы этого добились?

Она улыбнулась сжатыми губами.

— А, вот вы про что... Я бы сказала вам заранее, если бы была твердо уверена в успехе. Видите ли, Нестор Десять обладал комплексом превосходства, который все усиливался. Ему было приятно думать, что он и другие роботы знают больше, чем люди. Для него становилось очень важно так думать. Мы знали это. Поэтому мы заранее предупредили каждого робота, что гамма-лучи для него смертельны и что они будут отделять его от меня. Все, естественно, остались на месте. Пользуясь доводами Нестора Десять для предыдущего опыта, они все решили, что нет смысла пытаться спасти человека, если они наверняка погибнут, прежде чем до него доберутся.

— Да, доктор Кэлвин, это я понимаю. Но почему сам Нестор Десять покинул свое место?

— А! Мы с вашим молодым мистером Блэком приготовили небольшой сюрприз. Видите ли, между мной и роботами были не гамма-лучи, а инфракрасные. Обычное тепловое излучение, абсолютно безобидное. Нестор Десять знал это и ринулся вперед. Он ожидал, что и остальные поступят так же, повинувшись Первому Закону. Только через какую-то долю секунды он вспомнил, что обычный Нестор Два способен обнаружить наличие излучения, но не его характер. Что среди них только он один может определять длину волн, и этим он обязан обучению, которое прошел на Гипербазе под руководством обыкновенных людей. Эта мысль не сразу пришла ему в голову, потому что была для него слишком унизительной. Обычные роботы знали, что пространство, отделяющее их от меня, губительно для них, потому что мы им это сказали, и только Нестор Десять знал, что мы солгали. И на миг он забыл или не захотел вспомнить, что другие роботы могут знать меньше, чем люди... Комплекс превосходства погубил его. Прощайте, генерал!

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Когда Сьюзен Калвин вернулась с Гипербазы, ее ждал бывший директор исследовательского отдела Лэннинг. Старик никогда не говорил о своем возрасте, но все знали, что ему уже за семьдесят пять. Однако его ум сохранил свою остроту, и хотя Лэннинг в конце концов согласился стать почетным научным руководителем, а отдел возглавил Богерт, это не мешало старику ежедневно являться в свой кабинет.

— Как там у них дела с гиператомным двигателем? — поинтересовался он.

— Не знаю, — с раздражением ответила Сьюзен. — Я не спрашивала.

— Гм... хоть бы они поторопились. Иначе их может опередить «Консолидейтед»? И нас тоже.

— «Консолидейтед»? А при чем тут они?

— Ну, ведь вычислительные машины есть не только у нас. Правда, у нас они позитронные, но это не значит, что они лучше. Завтра Робертсон созывает по этому поводу большое совещание. Он ждал только вашего возвращения.

Робертсон, сын основателя «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн», повернул худое носатое лицо к управляющему компании. Его кадык дернулся, и он сказал:

— Начинайте. Пора в этом разобраться.

Управляющий поспешно начал:

— Дело обстоит так, шеф. Месяц назад из «Консолидейтед роботс» доставили сюда тонн пять расчетов, уравнений и прочего и обратились к нам с довольно необычным предложением. Понимаете, есть одна задача, и они хотят, чтобы наш Мозг ее решил. Условия такие...

Он начал загибать толстые пальцы.

— Мы получаем сто тысяч, если решения не существует и мы укажем им, каких факторов не хватает. Двести тысяч — если решение существует, плюс стоимость постройки машины, о которой идет речь, плюс четверть всей прибыли, которую она принесет. Задача связана с разработкой двигателя для звездолета...

Робертсон нахмурился, и его худая фигура напряглась.

— Несмотря на то что у них есть своя собственная думающая машина. Так?

— Поэтому-то все предложение и кажется таким подозрительным, шеф. Левер, продолжайте.

Эйб Левер, сидевший у дальнего конца стола, встал и поскреб щетину на подбородке. Улыбнувшись, он начал:

— Суть вот в чем, сэр. У «Консолидейтед» сейчас нет думающей машины. Она у них была, но сломалась.

— Что?

Робертсон даже привстал.

— Да, сломалась. Крышка! Никто не знает почему, но у меня есть кое-какие довольно интересные догадки. Например, она могла выйти из строя, когда ей дали разработать звездолет на основе тех же данных, которые они теперь предлагают нам. Сейчас от нее осталась просто груда железного лома, не больше.

— Понимаете, шеф? — управляющий торжествовал. — Понимаете? Нет такой научно-промышленной группы, которая не пыталась бы спроектировать двигатель, искривляющий пространство, а «Консолидейтед» и «Ю. С. Роботс» опередили всех благодаря тому, что у каждой был робот-супермозг. А теперь, когда они ухитрились поломать свой, у нас больше нет конкурентов. Вот в чем соль, вот... гм... их мотив. Раньше чем через шесть лет им новый Мозг не изготовить, и они пропали, если только им не удастся сломать и наш на той же задаче.

Президент «Ю. С. Роботс» широко раскрыл глаза.

— Вот мерзавцы!

— Подождите, шеф. Это еще не все. — Он взмахнул рукой. — Лэннинг, продолжайте!

Доктор Альфред Лэннинг совершал происходящее с легким презрением, которое всегда вызывала у него деятельность производственного отдела и отдела сбыта, где платили куда больше. Он нахмурил седые брови и бесстрастно начал:

— С научной точки зрения положение хотя и не совсем ясно, но поддается логическому анализу. Проблема межзвездных перелетов при современном состоянии физической теории... гм... весьма туманна. Вопрос поставлен довольно неопределенно, и данные, которые «Консолидейтед» ввела в свою машину, если судить по тому, что они предлагают нам, тоже не слишком определены. Наш математический сектор подверг их тщательному рассмотрению, и можно сказать, что они охватывают все стороны проблемы. Представленный материал включает теорию искривления пространства Франчаки, а также, по-видимому, исчерпывающие сведения по астрофизике и электронике. Это не так уж мало.

Робертсон, слушавший с большой тревогой, прервал его:

— Столько, что Мозг может с ней не справиться? Лэннинг решительно покачал головой.

— Нет. Насколько мы можем судить, возможностям Мозга предела нет. Дело не в этом, а в законах роботехники. Например, Мозг не сможет решить поставленную перед ним задачу, если это будет связано с гибелью людей или причинит им какой-нибудь ущерб. Для Мозга она будет неразрешима. Если же такая задача будет сопровождаться крайне настоятельным требованием ее решить, то вполне возможно, что Мозг, который в конце концов всего лишь робот, окажется перед дилеммой, — он не будет в состоянии ни дать ответ, ни отказать в ответе. Может быть, что-то в этом роде и произошло с машиной «Консолидейтед».

Он замолчал, но управляющему этого было мало.

— Продолжайте, доктор Лэннинг. Объясните, как вы объясняли мне.

Лэннинг плотно сжал губы и, подняв брови, кивнул в сторону доктора Сьюзен Калвин, которая сидела, разглядывая свои руки, чинно сложенные на коленях. Подняв глаза, она заговорила тихо и без всякого выражения.

— Характер реакции робота на поставленную дилемму поразителен, — начала она. — Наши знания о психологии роботов далеко не полны, могу вас в этом заверить как специалист, однако такая реакция поддается качественному исследованию, потому что, какими бы сложными ни было устройство позитронного мозга робота, его создает человек, и создает в соответствии со своими представлениями. Человек же, попадая в безвыходное положение, часто стремится бежать от действительности: он или уходит в мир иллюзий, или становится алкоголиком, или заболевает истерией, или бросается с моста в воду. Все это сводится к одному — он не хочет или не может взгля-

нуть правде в лицо. Так же и у роботов. В лучшем случае дилемма разрушит половину его реле, а в худшем — сожжет все его позитронные мозговые связи, так что восстановить их будет уже невозможно.

— Понимаю, — сказал Робертсон, хотя ничего не понял. — Ну, а данные, которые предлагает нам «Консолидейтед»?

— Несомненно, они связаны с подобной запретной задачей, — ответила доктор Калвин. — Но наш Мозг сильно отличается от робота «Консолидейтед».

— Совершенно верно, шеф. Совершенно верно, — энергично перебил ее управляющий. — Обратите на это особое внимание, потому что в этом вся суть.

Глаза Сьюзен Калвин блеснули под очками, но она терпеливо продолжала:

— Видите ли, сэр, в машины, которые есть у «Консолидейтед», и в том числе в их «Супермыслителя», не вкладывается индивидуальность. Они предпочитают функционализм, что вполне понятно, поскольку основные патенты на мозговые связи, определяющие эмоции, принадлежат «Ю. С. Роботс». Их «Мыслитель» — просто грандиозная вычислительная машина, и такая дилемма выведет ее из строя мгновенно. А наш Мозг наделен индивидуальностью — индивидуальностью ребенка. Это в высшей степени дедуктивный мозг, но он чем-то напоминает ученого идиота. Он не понимает по-настоящему, что делает, — он просто это делает. И, поскольку это, в сущности, ребенок, он более жизнеспособен. Он не слишком серьезно относится к жизни, если можно так выразиться.

Помолчав, Сьюзен Калвин продолжала:

— Вот что мы собираемся сделать. Мы разделили все данные «Консолидейтед» на логические единицы. Мы будем вводить их в Мозг по одной и очень осторожно. Как только будет введен фактор, создающий

дилемму, инфантильная индивидуальность Мозга некоторое время будет колебаться. Его способность к обобщениям и оценкам еще несовершенна. Пока он осознает дилемму, как таковую, пройдет ощутимый промежуток времени. А за этот промежуток времени Мозг автоматически отвергнет данную единицу информации, прежде чем его связи успеют приступить к работе и разрушиться.

Кадык Робертсона дрогнул.

— А вы в этом уверены?

Доктор Кэлвин подавила раздражение.

— Я понимаю, что в популярном изложении это звучит не очень убедительно, но приводить математические формулы было бы бессмысленно. Уверяю вас, все именно так, как я говорю.

Управляющий не замедлил воспользоваться паузой и разразился потоком слов:

— Таково положение, шеф. Если мы согласимся, то дальше сделаем вот как: Мозг скажет нам, в какой части представленных вам данных заключена дилемма, а мы тогда сможем определить, в чем ее суть. Верно, доктор Богерт? Ну вот, шеф. А доктор Богерт ведь самый лучший математик на свете. Мы отвечаем «Консолидейтед», что задача неразрешима, отвечаем с полным основанием и получаем сто тысяч. У них остается поломанная машина, у нас — целая. Через год, может быть, через два у нас будет двигатель, искривляющий пространство, или, как его иногда называют, гиператомный мотор. Но как его ни называй, а это же величайшая вещь!

Робертсон улыбнулся и протянул руку:

— Давайте контракт. Я подпишу.

Когда Сьюзен Кэлвин вошла в строжайше охраняемое подземелье, где находился Мозг, один из де-

журных техников только что задал ему вопрос: «Если полтора дышленка за полтора дня снесут полтора яйца, то сколько яиц снесут девять дыплат за девять дней?»

Мозг только что ответил: «Пятдесят четыре». И техник только что сказал другому технику: «Вот видишь, дубина!».

Сьюзен Калвин кашлянула, и сразу же вокруг закипела суматошная, бесцельная деятельность. Сьюзен сделала нетерпеливый жест, и ее оставили с Мозгом наедине.

Мозг представлял собой всего лишь двухфутовый шар, заполненный гелиевой атмосферой со строго определенными свойствами, абсолютно изолированный от каких бы то ни было вибраций, колебаний и палучений. А внутри его было заключено переплетение повитронных связей неслыханной сложности, которое и было Мозгом. Все остальное помещение было тесно уставлено приспособлениями, служившими посредниками между Мозгом и внешним миром, — его голосом, его руками, его органами чувств.

Доктор Калвин тихо произнесла:

— Ну, как поживаешь, Мозг?

Мозг ответил тонким, радостным голосом:

— Очень хорошо, мисс Сьюзен. А я знаю — вы хотите меня о чем-то спросить. Вы всегда приходите с книжкой в руках, когда хотите меня о чем-нибудь спросить.

Доктор Калвин мягко улыбнулась.

— Ты угадал, но это немного погодя. Мы зададим тебе один вопрос. Он такой сложный, что мы зададим его в письменном виде. Но это немного позже. А сначала мне нужно с тобой поговорить.

— Это хорошо. Я люблю разговаривать.

— Так вот, Мозг, через некоторое время сюда придут с этим сложным вопросом доктор Лэннинг и

доктор Богерт. Мы будем задавать тебе его по частям и очень медленно, потому что хотим, чтобы ты был очень осторожен. Мы попросим тебя сделать на основе этой информации кое-какие выводы, если ты сумеешь, но я должна тебя предупредить, что решение может быть связано... э-э... с опасностью для человека.

— Ой! — тихо вырвалось у Мозга.

— Поэтому будь внимателен. Когда ты получишь перфокарту, которая означает опасность для человека, может быть, даже смерть, не волнуйся. Видишь ли, Мозг, в данном случае для нас это не так уж важно — даже смерть. Для нас это вовсе не так важно. Поэтому, как только ты получишь эту перфокарту, просто остановись и выдай ее назад — вот и все. Понимаешь?

— Само собой. Только — смерть человека... Ой-ой-ой!

— Ну, Мозг, вон идут доктор Лэннинг и доктор Богерт. Они расскажут тебе, в чем состоит задача, и мы начнем. А ты будь умицей...

Одна за другой в Мозг вводились перфокарты с записанной на них информацией. Каждый раз некоторое время слышались странные тихие звуки, похожие на довольное бормотание: Мозг принимался за работу. Потом наступала тишина, означавшая, что Мозг готов к введению следующей перфокарты. За несколько часов в Мозг было введено такое количество математической физики, что для ее изложения потребовалось бы примерно семнадцать толстых томов.

Постепенно люди начали хмуриться. Лэннинг что-то ворчал себе под нос. Богерт сначала задумчиво разглядывал свои ногти, потом начал их рассеянно грызть. Когда толстая кипа перфокарт подошла к концу, побелевшая Калвин произнесла:

— Что-то неладно.

Лэннинг с трудом выговорил:

— Не может быть. Он... погиб?

— Мозг! — Сьюзен Кэлвин вся дрожала. — Ты слышишь меня, Мозг?

— А? — раздался рассеянный ответ. — Я вам нужен?

— Решение...

— И только-то? Это я могу. Я построю вам весь корабль. Ничего в этом хитрого нет. Только дайте мне роботов. Хороший корабль. На это понадобится месяца два.

— У тебя не было... никаких затруднений?

— Пришлось долго вычислять, — ответил Мозг.

Доктор Кэлвин попятилась. Краска так и не вернулась на ее впалые щеки. Она сделала остальным знак уйти.

У себя в кабинете она сказала:

— Не понимаю. Информация, которую мы ему дали, несомненно содержит дилемму, возможно, даже гибель людей. Если что-то не так...

— Машина говорит, и говорит разумно. Значит, для нее дилеммы нет, — спокойно сказал Богерт.

Но Сьюзен Кэлвин горячо возразила:

— Бывают дилеммы и дилеммы. Существуют разные пути бегства от действительности. Представьте себе, что Мозг поврежден лишь слегка, скажем, настолько, что ошибочно считает себя способным решить задачу, хотя на самом деле не сможет это сделать. Или представьте себе, что сейчас он на грани чего-то действительно ужасного, так что его погубит малейший толчок...

— А представьте себе, — сказал Лэннинг, — что никакой дилеммы не существует. Что машину «Консолидейтед» вывела из строя другая задача или что это была чисто механическая поломка.

— Все равно мы не можем рисковать, — настаивала Сьюзен Кэлвин. — Вот что! С этого момента пусть никто и близко не подходит к Мозгу. Я буду дежурить у него сама.

— Хорошо, — вздохнул Лэннинг. — Дежурьте. А пока пусть Мозг строит свой корабль. И если он его построит, мы должны будем его испытать.

Он задумчиво закончил:

— Для этого понадобятся наши лучшие испытатели.

Майкл Донован яростно пригладил рыжую шевелюру, даже не заметив, что она немедленно вновь встала дыбом.

Он сказал:

— Хватит, Грег. Говорят, корабль готов. Ненавистно, что это за корабль, но он готов. Пошли, Грег. Мне не терпится добраться до кнопки.

Пауэлл устало промолвил:

— Брось, Майк. Твои шуточки вообще не поражают свежестью, а вездешний спертый воздух им и вовсе не идет на пользу.

— Нет, послушай! — Донован еще раз тщетно провел рукой по волосам. — Меня не так уж беспокоит наш чугунный гений и его жестяной кораблик! Но у меня пропадает отпуск! А скучища-то какая! Мы ничего не видим, кроме бород и цифр. И почему нам поручают такие дела?

— Потому что если они нас лишатся, — мягко ответил Пауэлл, — то потеря будет невелика. Ладно, успокойся. Сюда идет Лэннинг.

Действительно, к ним направлялся Лэннинг. Его седые брови были по-прежнему пышными, а сам он, несмотря на годы, держался все так же прямо и был полон сил. Вместе с испытателями он молча поднялся

по откосу на площадку, где безмолвные роботы без всякого участия человека строили корабль.

Нет, неверно. Построили корабль!

Лэннинг сказал:

— Роботы стоят. Сегодня ни один не пошевелился.

— Значит, он готов? Окончательно? — спросил

Пауэлл.

— Откуда я знаю? — сварливо ответил Лэннинг. Его брови так сдвинулись, что глаз стало совсем не видно. — Кажется, готов. Никаких лишних деталей вокруг не валяется, а внутри все отполировано до блеска.

— Вы были внутри?

— Только взглянул. Я не космонавт. Кто-нибудь из вас разбирается в теории двигателей?

Донован взглянул на Пауэлла, тот — на Донована. Потом Донован ответил:

— У меня есть диплом, сэр, но когда я его получал, гипердвигатели или навигация с искривлением пространства никому еще и не снилась. Обходились детскими игрушками в трех измерениях.

Альфред Лэннинг поглядел на него, недовольно фыркнул и ледяным тоном прованес:

— Что же, у нас есть специалисты по двигателям.

Он повернулся, чтобы уйти, но Пауэлл схватил его за локоть.

— Простите, сэр, вход на корабль все еще воспрещен?

Старик постоял в нерешительности, потирая переносицу.

— Пожалуй, нет. Во всяком случае, не для вас двоих.

Донован проводил его взглядом и пробормотал короткую, но выразительную фразу. Потом он повернулся к Пауэлла:

— Жаль, что нельзя сказать ему, кто он такой, Грег.

— Пошли, Майк.

Едва заглянув внутрь, они поняли: корабль закончен. Человек никогда не смог бы так любовно отполировать все его поверхности, как это сделали роботы.

Углов в корабле не было: стены, полы и потолки плавно переходили друг в друга, и в холодном металлическом сиянии скрытых ламп человек видел вокруг себя шесть холодных отражений своей собственной растерянной персоны.

Из главного коридора — узкого и гулко — двери вели в совершенно одинаковые каюты.

— Наверное, мебель встроена в стены, — сказал Пауэлл. — А может быть, нам вообще не положено ни сидеть, ни спать.

Только последнее помещение, ближайшее к носу корабля, отличалось от остальных. Здесь в металлической стене было прорезано повторяющее ее изгиб окно из неотражающего стекла, а под ним располагался единственный большой циферблат с единственной неподвижной стрелкой, стоявшей точно на нуле.

— Гляди! — сказал Донован, показывая на единственное слово, видневшееся над мелкими делениями шкалы.

Это слово было «парсеки», а у правого конца дугообразной шкалы стояла цифра «1 000 000».

В комнате было два кресла — тяжелые, широкие, без обивки. Пауэлл осторожно присел и обнаружил, что кресло соответствует форме тела и очень удобно.

— Ну, что скажешь? — спросил Пауэлл.

— Держу пари, что у этого Мовга воспаление мозга. Пошли отсюда.

— Неужели ты не хочешь его осмотреть?

— Уже осмотрел. Пришел, увидел и ушел.

Рыжие волосы на голове Донована оцетинились.

— Грег, пойдём отсюда. Я увольняюсь. Я уже пять секунд как не состою служащим фирмы, а посторонним вход сюда воспрещён.

Пауэлл снисходительно улыбнулся и погладил усы.

— Ладно, Майк, закрой кран и не выпускай в кровь столько адреналина. Мне тоже вначале было не по себе, но теперь все в порядке.

— Все в порядке, да? Это как же все в порядке? Взял еще один страховой полис?

— Майк, этот корабль не полетит.

— Откуда ты знаешь?

— Мы с тобой обошли весь корабль, верно?

— Да, как будто.

— Поверь мне, весь. А ты видел здесь что-нибудь похожее на рубку управления, если не считать вот этой каютки с единственным иллюминатором и единственной шкалой в парсеках? Ты видел какие-нибудь ручки?

— Нет.

— А двигатель ты видел?

— Верно, не видел!

— То-то. Пойдем, Майк, доложим Лэннингу.

Чертыхаясь и путаясь в коридорах, выглядевших совершенно одинаковыми, они направились к выходу и в конце концов выбрались в короткий проход, который вел к выходной камере.

Донован вадрогнул.

— Это ты запер, Грег?

— И не думал. Нажми-ка на рычаг!

Рычаг не поддавался, хотя лицо Донована искажилось от натуги. Пауэлл сказал:

— Я не заметил никаких аварийных люков. Если что-то здесь неладно, им придется добираться до нас с автогенном.

— Ну да, а нам придется ждать, пока они не об-

наружат, что какой-то идиот запер нас здесь, — вне себя от ярости добавил Донован.

— Вернемся в ту каюту с иллюминатором. Это единственное место, откуда мы можем подать сигнал.

Но подать сигнал им так и не пришлось.

Иллюминатор в носовой каюте уже не был небесно-голубым. Он был черным, а яркие желтые точки звезд говорили о том, что за ним — космос.

Два тела с глухим стуком упали в два кресла.

Альфред Лэннинг встретил доктора Калвин у своего кабинета. Он нервно закурил сигару и открыл дверь.

— Так вот, Сьюзен, мы зашли очень далеко, и Робертсон нервничает. Что вы делаете с Мозгом?

Сьюзен Калвин развела руками.

— Торопиться нельзя. Мозг стоит дороже, чем любая неустойка, какую нам придется заплатить.

— Но вы допрашиваете его уже два месяца.

Голос робопсихолога не изменился, и все-таки в нем провучала угроза:

— Вы хотите заняться этим сами?

— Ну, вы же знаете, что я хотел сказать.

— Да, пожалуй, — доктор Калвин нервно потерла ладони. — Это нелегко. Я пробовала так и эдак, но еще ничего не добилась. У него ненормальные реакции. Он отвечает как-то странно. Но до сих пор мне не удалось установить ничего определенного. А ведь вы понимаете, что пока мы не узнаем, в чем дело, мы должны действовать очень осторожно. Я не могу предвидеть, какой простой вопрос, какое замечание могут... подтолкнуть его за грань, и тогда... тогда мы останемся с совершенно бесполезным Мозгом. Вы хотите пойти на такой риск?

— Но не может же он нарушить Первый Закон!

— Я и сама так думала, но...

— Вы и в этом не уверены? — Лэннинг был потрясен до глубины души.

— О, я ни в чем не уверена, Альфред...

Внезапно прозвучал громкий сигнал тревоги. Лэннинг судорожным движением включил связь и замер, услышав задыхающийся голос.

Потом Лэннинг произнес:

— Сьюзен... Вы слышали?.. Корабль взлетел. Полчаса назад я послал туда двух испытателей. Вам нужно еще раз поговорить с Моэгом.

Сьюзен Калвин заставила себя задать вопрос спокойным тоном:

— Моэг, что случилось с кораблем?

— С тем, что я построил, мисс Сьюзен? — весело переспросил Моэг.

— Да, Что с ним случилось?

— Ничего. Два человека, которые должны были его испытывать, вошли внутрь. Все было готово — ну, я и отправил их.

— А... Что ж, это хорошо. — Она дышала с трудом. — Ты думаешь, с ними ничего не случится?

— Конечно, ничего, мисс Сьюзен. Я обо всем подумал. Это замечательный корабль.

— Да, Моэг, корабль замечательный, но как ты думаешь, у них хватит еды? Они не будут терпеть никаких неудобств?

— Еды хватит.

— Все это может на них сильно подействовать, Моэг. Понимаешь, это так неожиданно.

Но Моэг возразил:

— Ничего с ними не случится. Им же должно быть интересно.

— Интересно? Почему?

— Просто интересно, — лукаво ответил Мозг.

— Сьюзен, — лихорадочно прошептал Лэннинг, — спросите его, связано ли это со смертью. Спросите, какая им может грозить опасность.

Лицо Сьюзен Кэлвин исказилось от гнева.

— Молчите!

Дрожащим голосом она обратилась к Мозгу:

— Мы можем связаться с кораблем, не правда ли, Мозг?

— Ну, вас они услышат. По радио. Я это предусмотрел.

— Спасибо. Пока все.

Как только они вышли, Лэннинг набросился на нее:

— Господи, Сьюзен, если об этом узнают, мы все пропали. Мы должны вернуть этих людей. Почему вы не спросили прямо, грозит ли им смерть?

— Потому что именно об этом я и не должна говорить, — устало ответила Кэлвин. — Если существует дилемма, то она связана со смертью. А если внезапно поставить Мозг перед дилеммой, он может не выдержать. И какую пользу это нам принесет? А теперь вспомните: он сказал, что можно с ними связаться. Давайте попробуем — узнаем, где они находятся, вернем их назад. Хотя они, наверное, не могут сами управлять кораблем: Мозг, вероятно, управляет им дистанционно. Пойдемте!

Прошло немало времени, пока Пауэлл наконец не взял себя в руки.

— Майк, — пробормотал он, еле шевеля похолодевшими губами. — Ты чувствовал какое-нибудь ускорение?

Донован тупо посмотрел на него.

— А? Нет.. нет.

Потом он, стиснув кулаки, в неожиданном лихорадочном возбуждении вскочил с кресла и припал к холодному изогнутому стеклу. За ним ничего не было видно, кроме звезд.

Донован обернулся.

— Грег, они, наверное, включили двигатель, пока мы были внутри. Грег, тут что-то нечисто. Они с роботом подстроили так, чтобы заставить нас быть испытателями, на случай если мы вздумаем откататься.

— Что ты болтаешь? — ответил Пауэлл. — Какой толк посылать нас, если мы не умеем управлять кораблем? Как мы повернем его обратно? Нет, этот корабль взлетел сам, и без всякого заметного ускорения.

Он встал и медленно зашагал ваал и вперед. Звук его шагов гулко отражался от стен. Он глухо проивнес:

— Майк, это самое неприятное положение из всех, в какие мы попадали.

— Это для меня новость, — с горечью ответил Донован. — А я-то радовался и веселился, пока ты меня не просветил.

Пауэлл пропустил его слова мимо ушей.

— Ускорения не было! Значит, корабль работает по совершенно неизвестному принципу.

— Не известному нам, во всяком случае.

— Не известному никому. Не видно никаких двигателей. Может быть, они встроены в стены. Может быть, потому стены тут такие толстые.

— Что ты там бормочешь? — спросил Донован.

— А ты бы послушал. Я говорю, что какие бы машины ни приводили в движение этот корабль, они скрыты и, очевидно, не требуют надзора. Корабль управляется дистанционно.

— А кто им управляет? Мовг?

— Почему бы и нет?

— Значит, по-твоему, мы тут останемся до тех пор, пока Мозг не вернет нас обратно?

— Возможно. Если так, давай спокойно ждать. Мозг — это робот. Он обязан соблюдать Первый Закон. Он не может причинить вред человеку.

Донован медленно опустился в кресло.

— Ты так думаешь? — он тщательно пригладил волосы. — Слушай! Эта тарабарщина с искривлением пространства вывела из строя робота «Консолидейтед», и математики объяснили это так: межзвездный перелет смертелен для человека. Какому же роботу мы должны верить? Нашему, насколько я понимаю, представили те же данные.

Пауэлл бешено дергал себя за усы.

— Не притворяйся, Майк, что не знаешь роботехники. Прежде чем робот обретет физическую возможность нарушить Первый Закон, в нем так много должно поломаться, что он десять раз успеет превратиться в кучу лома. Нет, тут должно быть какое-то очень простое объяснение.

— О, конечно! Попроси дворецкого, чтобы он разбудил меня вовремя. Все это так просто, что мне незачем волноваться, и я буду спать как дитя.

— Ради Юпитера, Майк, чем ты сейчас недоволен? Мозг о нас заботится. Здесь тепло. Светло. Есть воздух. А стартового ускорения не хватило бы даже на то, чтобы растрепать твои волосы, будь они достаточно приглажены.

— Да? А что мы будем есть? Что мы будем пить? Где мы? Как мы вернемся? А если авария, к какому выходу и в каком скафандре должны мы бежать — бежать, а не идти шагом? Я даже не видел здесь вайной и тех мелких удобств, которые обычно бывают рядом с ней. Конечно, о нас заботятся, и неплохо!

Голос, прервавший речь Донована, принадлежал

не Пауэллу. Он не принадлежал никому. Он висел в воздухе — громовой и ошеломляющий:

— Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Просим сообщить ваше местонахождение. Если корабль поддается управлению, просим вернуться на базу. Грегори Пауэлл! Майкл Донован!..

Эти слова с механической размеренностью повторялись снова и снова, разделенные неизменными четкими паузами.

— Откуда вто! — спросил Донован.

— Не знаю, — напряженно прошептал Пауэлл. — Откуда здесь свет? Откуда здесь все?

— Но как же нам отвечать?

Они переговаривались во время пауз, разделявших гулкие повторяющиеся призывы.

Стены были голы — настолько, насколько голой может быть гладкая, ничем не прерываемая, плавно изгибающаяся металлическая поверхность.

— Покричим в ответ, — предложил Пауэлл.

Так они и сделали. Они кричали сначала по очереди, потом хором.

— Местонахождение неизвестно! Корабль не управляется! Положение отчаянное!

Они охрипли. Короткие деловые фразы начали перемежаться воплями и бранью, а холодный, зловещий голос неустанно продолжал, и продолжал, и продолжал их звать.

— Они нас не слышат, — задыхаясь проговорил Донован. — Здесь нет передатчика. Только приемник.

Невидящими глазами он уставился на стену.

Медленно, постепенно гулкий голос становился все тише и глуше. Когда он превратился в шепот, они снова принялись кричать и попробовали еще раз, когда наступила полная тишина.

Минут пятнадцать спустя Пауэлл без всякого выражения сказал:

— Давай пройдем по кораблю еще раз. Должна же здесь быть какая-нибудь еда.

В его голосе не слышно было никакой надежды. Он был готов признать свое поражение.

Они вышли в коридор и принялись осматривать помещения — один по левую сторону, другой — по правую. Они слышали гулкие шаги друг друга, время от времени встречались в коридоре, обменивались свирепыми взглядами и вновь пускались на поиски.

Неожиданно Пауэлл нашел то, что искал. В тот же момент до него донесся радостный возглас Донована:

— Эй, Грег! Здесь есть все удобства! Как это мы их не заметили?

Минут через пять Донован, поплутав немного, разыскал Пауэлла.

— Душ пока не отыскался...— начал он и осекся. — Еда!

Часть стены, скользя вниз, открыла проем неправильной формы с двумя полками. Верхняя была уставлена разнообразными жестянками без этикеток. Эмалированные банки на нижней полке были все одинаковые, и Донован почувствовал, как по ногам потянуло холодком. Нижняя полка охлаждалась.

— Как?.. Как?..

— Раньше этого не было,— коротко ответил Пауэлл.— Эта часть стены отодвинулась, как только я вошел.

Он уже ел. Жестянка оказалась самоподогревающейся, с ложкой внутри, и в помещении уютно запахло тушеной фасолью.

— Бери-ка банку, Майк!

Донован заколебался.

— А что в меню?

— Откуда мне знать? Ты стал очень разборчив?

— Нет, но в полетах я только и ем, что фасоль. Мне бы что-нибудь другое.

Он провел рукой по рядам банок и выбрал сверкающую плоскую овальную жестянку, в какие упаковывают лососину и прочие деликатесы. Он нажал на крышку, и она открылась.

— Фасоль! — взвыл Донован и потянулся за новой банкой.

Пауэлл ухватил его за штаны.

— Лучше съешь эту, сынок. Запасы ограничены, а мы можем пробыть здесь очень долго.

Донован нехотя отошел от полок.

— И больше ничего нет? Одна фасоль?

— Возможно.

— А что на нижней полке?

— Молоко.

— Только молоко? — возмутился Донован.

— Похоже.

В ледяном молчании они пообедали фасолью с молоком, а когда они направились к двери, панель скользнула на место, и стена снова стала сплошной.

Пауэлл вздохнул.

— Все делается автоматически. От сих и до сих. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным. Где, говоришь, твои удобства?

— Вон там. И их тоже не было, когда мы смотрели в первый раз.

Через пятнадцать минут они уже снова сидели в своих креслах в каюте с иллюминатором и мрачно глядели друг на друга.

Пауэлл угрюмо покосился на единственный циферблат. Там по-прежнему было написано «парсеки», цифры все еще кончались на 1 000 000, а стрелка все так же неподвижно стояла на нулевом делении.

В святая святых «Ю. С. Роботс вид Мекэянкл Мен Корпорейшн» Альфред Лэннинг устало промолвил:

— Они не отвечают. Мы перебрали все волны, все диапазоны — и широкопередателные и частные, передавали и кодом и открытым текстом и даже попробовали эти субэфирные новинки. А Мозг все еще ничего не говорит?

Этот вопрос был обращен к доктору Кэлвин.

— Он не хочет говорить на эту тему подробнее, Альфред, — ответила она. — Он утверждает, что они нас слышат... а когда я пытаюсь настаивать, он начинает... ну, упрямиться, что ли. А этого не должно быть. Упрямый робот? Невозможно.

— Скажите, чего вы все-таки добились, Сьюзен.

— Пожалуйста. Он признался, что сам полностью управляет кораблем. Он не сомневается, что они останутся целы и невредимы, но подробнее говорить не хочет. Настаивать я не решаюсь. Тем не менее все эти отклонения как будто сосредоточиваются вокруг идеи межзвездного прыжка. Мозг определенно засмеялся, когда я коснулась этого вопроса. Есть и другие признаки ненормальности, но это самый явный.

Обеда их взглядом, она добавила:

— Я имею в виду истерию. Я тут же заговорила о другом и надеюсь, что не успела ничему повредить, но это дало мне ключ. С истерией я справлюсь. Дайте мне двенадцать часов! Если я смогу привести его в норму, он вернет корабль.

Богерт вдруг побледнел.

— Межзвездный прыжок?

— В чем дело? — одновременно воскликнули Кэлвин и Лэннинг.

— Расчеты двигателя, которые выдал Мозг... Погодите... Мне кое-что пришло в голову...

Он выбежал из комнаты. Лэннинг поглядел ему вслед и отрывисто сказал:

— Займитесь своим делом, Сьювен.

Два часа спустя Богерт возбужденно говорил:

— Уверяю вас, Лэннинг, дело именно в этом. Межзвездный прыжок не может быть мгновенным — ведь скорость света конечна. В искривленном пространстве не может существовать жизнь... Не могут существовать ни вещество, ни энергия как таковые. Я не знаю, какую форму это может принять, но дело именно в этом. Вот что погубило робота «Консолидэйтед»!

Донован выглядел измученным, да и чувствовал себя так же.

— Всего пять дней?

— Всего пять дней. Я уверен, что не ошибаюсь.

Донован в отчаянии огляделся. Сквозь стекло были видны звезды — знакомые, но бесконечно равнодушные. От стен веяло холодом, лампы, только что вновь ярко вспыхнувшие, светили ослепительно и безжалостно, стрелка на циферблате упрямо показывала на нуль, а во рту Донован ощущал явственный вкус фасоли. Он злобно сказал:

— Я хочу умыться.

Пауэлл взглянул на него и ответил:

— Я тоже. Можешь не стесняться. Но если только ты не собираешься купаться в молоке и остаться без питья...

— Нам все равно скоро придется без него остаться. Грег, когда начнется этот межзвездный прыжок?

— А я почему знаю? Может быть, мы так и будем летать. Со временем мы достигнем цели. Не мы — так наши рассыпавшиеся скелеты. Но ведь, собственно говоря, именно возможность нашей смерти и заставила Мозг свихнуться.

Донован сказал не обращившись:

— Грег, я вот о чем подумал. Дело плохо. Нам нечем себя занять — ходи взад-вперед или разговаривай сам с собой. Ты слышал, как ребята терпели аварию в полете? Они сходили с ума куда раньше, чем умирали от голода. Не знаю, Грег, но с того времени, как снова зажегся свет, со мной творится что-то неладное.

Наступило молчание, потом послышался тихий голос Пауэлла:

— Со мной тоже. Ты что чувствуешь?

Рыжая голова повернулась.

— Что-то неладно внутри. Все напряглось и как будто что-то колотится. Трудно дышать. Не могу стоять спокойно.

— Гм-м... А вибрацию ощущаешь?

— Какую вибрацию?

— Сядь на минуту и посиди спокойно. Ее не слышишь, а чувствуешь — как будто что-то где-то бьется, и весь корабль, и ты вместе с ним. Есть, верно?

— Действительно. Что это, как ты думаешь, Грег? Может быть, дело в нас самих?

— Возможно, — Пауэлл медленно провел рукой по усам. — А может быть, это двигатели корабля. Возможно, они переходят на другой режим.

— Зачем?

— Для межзвездного прыжка. Может быть, он скоро начнется, и черт его знает, что это будет.

Донован задумался. Потом сказал гневно:

— Если так, то пусть. Но хоть бы мы могли что-нибудь сделать! Унизительно сидеть вот так и ждать.

Примерно через час Пауэлл посмотрел на свою руку, лежавшую на металлическом подлокотнике кресла, и с ледяным спокойствием произнес:

— Дотронулся до стены, Майк.

Донован приложил ладонь к стене и сказал:

— Она дрожит, Грег.

Даже звезды как будто превратились в туманные пятнышки. Где-то за стенами, казалось, набирала силу гигантская машина, накапливая все больше и больше энергии для могучего прыжка.

Это началось внезапно, с режущей боли. Пауэлл весь напрягся и судорожным движением привскочил в кресле. Он еще успел взглянуть на Донована, а потом у него в глазах потемнело, в ушах замер тонкий, всхлипывающий вопль товарища. Внутри него что-то, корчась, пыталось прорваться сквозь ледяной покров, который становился все толще и толще...

Что-то вырвалось и завертелось в искрах мерцающего света и боли. Упало...

... и завертелось...

... и понеслось вниз...

... в безмолвие!

Это была смерть!

Это был мир без движения и без ощущений. Мир тусклого, бесчувственного сознания — сознания тьмы, и безмолвия, и хаоса.

И главное — сознания вечности.

От человека остался лишь ничтожный белый клочок — его «я», заочевеншее и перепуганное...

Потом проникновенно зазвучали слова, раскатившиеся над ним морем громового гула:

— На вас плохо сидит ваш гроб? Почему бы не испробовать эластичные гробы фирмы Труп С. Кадавра? Их научно разработанные формы соответствуют естественным изгибам тела и обогащены витаминами. Пользуйтесь гробами Кадавра — они удобны. Помните... вы... будете... мертвы... долго... долго!..

Это был не совсем звук, но, что бы это ни было, оно замерло в отдалении, перейдя во вкрадчивый, тягучий шепот.

Ничтожный белый клочок, который, возможно, когда-то был Пауэллом, тщетно цеплялся за неощу-

тими тысячелетия, окружавшие его со всех сторон, и беспомощно свернулся, когда раздался пронзительный вопль ста миллионов призраков, ста миллионов сопрано, который рос и усиливался:

— Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

— Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

— Мерзавец ты...

Вверх и вверх по сумасшедшей спиральной гамме поднимался этот вопль, перешел в душераздирающий ультразвук, вырвался за пределы слышимости и снова полез все выше и выше...

Белый клочок снова и снова сотрясала болезненная судорога. Потом он тихо напрягся...

Послышались обыкновенные голоса — множество голосов. Шумела толпа, крутящийся людской водоворот, который несся сквозь него, и мимо, и вокруг, несся с бешеной скоростью, роня зыбкие обрывки слов:

— Куда тебя, приятель? Ты весь в дырках...

— В геенну, должно быть, но у меня...

— Я было добрался до рая, да Святой Пит, что с ключами...

— Ну нет, он-то у меня в кулаке. Дельвали мы с ним всякие делишки...

— Эй, Сэм, сюда!..

— Можешь замолвить словечко? Вельзевул горит...

— Пошли, любезный бес? Меня ждет Са...

А над всем этим бухал все тот же раскатистый рев:

— **СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! СКОРЕЕ!** Шевелись, не задерживайся — очередь ждет! Приготовьте документы и не забудьте при выходе поставить печать у Петра. Не попадите к чужому входу. Огня хватит на всех. **ЭЙ, ТЫ, ЭЙ, ТЫ ТАМ! ВСТАНЬ В ОЧЕРЕДЬ, А НЕ ТО...**

Белый клочок, который когда-то был Пауэллом, робко попола назад, пятясь от надвигавшегося на него крика, чувствуя, как в него больно тычет указующий перст. Все смешалось в радугу звуков, осыпавшую осколками измученный мозг.

Пауэлл снова сидел в кресле. Он чувствовал, что весь дрожит.

Донован открыл глаза — два выпученных шара, как будто облитые голубой глаурью.

— Грег, — вскрикнул он, — ты был мертв?

— Я... я чувствовал, что умер.

Он не узнал своего охрипшего голоса. Донован сделал попытку встать, но она не увенчалась успехом.

— А сейчас мы живы? Или будет еще?

— Я... я чувствую, что жив.

Пауэлл все еще хрипел. Он осторожно спросил:

— Ты... ты что-нибудь слышал, когда... когда был мертв?

Донован помолчал, потом медленно кивнул.

— А ты?

— Да. Ты слышал про гробы?.. И женское пение?.. И как шла очередь в ад? Слышал?

Донован покачал головой.

— Только один голос.

— Громкий?

— Нет. Тихий, но такой шершавый, как напильником по кончикам пальцев. Это была проповедь. Про геенну огненную. Он рассказывал о муках... ну, ты знаешь. Я как-то слышал такую проповедь... Почти такую.

Он был весь мокрый от пота.

Они заметили, что сквозь иллюминатор проникает свет — слабый, бело-голубой — и исходит он от да-

лекой сверкающей горошинки, которая не была родным Солнцем.

А Пауэлл дрожащим пальцем показал на единственный циферблат. Стрелка неподвижно и гордо стояла у деления, где было написано «300 000 парсеков».

— Майк, — сказал Пауэлл, — если это правда, то мы вообще за пределами Галактики.

— Черт! — ответил Донован. — Значит, мы первыми вышли за пределы Солнечной системы, Грег!

— Да, именно! Мы улетели от Солнца. Мы вырвались за пределы Галактики. Майк, этот корабль решает проблему! Это свобода для всего человечества — свобода переселиться на любую звезду, на миллионы, и миллиарды, и триллионы звезд!

И он тяжело упал в кресло.

— Но как же мы вернемся, Майк?

Донован неуверенно улыбнулся.

— Ерунда! Корабль доставил нас сюда, корабль отвезет нас обратно. А я, пожалуй, поел бы фасоли.

— Но, Майк... постой. Если он отвезет нас обратно таким же способом, каким доставил сюда...

Донован, не успев подняться, снова рухнул в кресло.

Пауэлл продолжал:

— Нам придется... снова умереть, Майк.

— Что ж, — вздохнул Донован, — придется так придется. По крайней мере, это не навечно. Не очень навечно...

Теперь Сьюзен Калвин говорила медленно. Уже шесть часов она медленно допрашивала Мозг — шесть бесплодных часов. Она устала от этих повторений, от этих обнянков, устала от всего.

— Так вот, Мозг, еще один вопрос. Ты должен

особенно постараться и ответить на него просто. Ты ясно представлял себе этот межзвездный прыжок? Очень далеко он их заведет?

— Куда они захотят, мисс Сьюзен. С искривлением пространства это не фокус, честное слово.

— А по ту сторону что они увидят?

— Звезды и все остальное. А вы что думали?

И неожиданно для себя она спросила:

— Значит, они будут живы?

— Конечно!

— И межзвездный прыжок им не повредит?

Она замерла. Мозг молчал. Вот оно! Она коснулась большого места.

— Мозг! — тихо замолилась она. — Мозг, ты меня слышишь?

Раздался слабый, дрожащий голос Мозга:

— Я должен отвечать? О прыжке?

— Нет, если тебе не хочется. Конечно, это было бы интересно... Но только если ты сам хочешь.

Сьюзен Калвин старалась говорить как можно веселее.

— Ну-у-у... Вы мне все испортили.

Она внезапно вскочила — ее озарила догадка.

— О боже! — у нее перехватило дыхание. —

Боже!

Она почувствовала, как все напряжение этих часов и дней мгновенно разрядилось.

Позже она сказала Лэннингу:

— Уверю вас, все хорошо. Нет, сейчас оставьте меня в покое. Корабль вернется, и вместе с людьми, а я хочу отдохнуть. Я должна отдохнуть. Теперь уходите.

Корабль вернулся на Землю так же тихо и плавно, как и взлетел. Он сел точно на прежнее место.

Открылся главный люк, и на него осторожно вышли двое, потирая заросшие густой щетиной подбородки.

И рыжий медленно встал на колени и звонко поцеловал бетонную дорожку.

Они еле отделались от собравшейся толпы и от двух ретивых санитаров, которые выскочили с носилками из подлетевшей санитарной машины.

Грегори Пауэлл спросил:

— Где тут ближайший душ?

Их увели.

Потом все собрались вокруг стола. Здесь был весь цвет «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн».

Пауэлл и Донован кончили свой краткий, но захватывающий рассказ.

Наступившее молчание прервала Сьюзен Калвин. За прошедшие несколько дней к ней вернулось ее обычное ледяное, несколько ядовитое спокойствие — и все-таки она казалась немного смущенной.

— Строго говоря,— сказала она,— во всем виновата я. Когда мы впервые поставили эту задачу перед Мозгом, я, как кое-кто из вас, надеюсь, помнит, всячески старалась внушить ему, чтобы он выдал обратно ту порцию данных, которая содержит в себе дилемму. При этом я сказала ему примерно такую фразу: «Пусть тебя не волнует гибель людей. Для нас это вовсе не важно. Просто выдай перфокарту обратно и забудь о ней».

— Гм,— произнес Лэннинг.— Ну и что же произошло?

— То, чего и следовало ожидать. Когда эти данные были им получены и он вывел формулу, определявшую минимальный промежуток времени, необходимый для межзвездного прыжка, стало ясно, что для людей это означает смерть. Тут-то и сломалась

машина «Консолидейтед». Но я добилась того, что гибель человека представлялась Мозгу не такой уж существенной — не то чтобы допустимой, потому что Первый Закон нарушен быть не может, — но достаточно неважной, так что Мозг успел еще раз осмыслить эту формулу. И понять, что после этого интервала люди вернутся к жизни — точно так же как возобновится существование вещества и энергии самого корабля. Другими словами, эта так называемая «смерть» оказалась сугубо временным явлением. Понимаете?

Она обвела взглядом сидевших за столом. Все внимательно слушали.

— Поэтому он смог переработать эти данные, — продолжала она, — хотя для него это прошло и не совсем безболезненно. Несмотря на то, что смерть должна была быть временной, несмотря на то, что она представлялась не очень существенной, все же этого было достаточно, чтобы слегка вывести его из равновесия.

Она спокойно закончила:

— У него появилось чувство юмора — видите ли, это тоже выход из положения, один из путей частичного бегства от действительности. Мозг сделался шутником.

Пауэлл и Доноваи вскочили.

— Что?! — воскликнул Пауэлл.

Доноваи выразился гораздо цветистее.

— Да, это так, — ответила Кэлвин. — Он заботился о вас, обеспечил вашу безопасность, но вы не могли ничем управлять, потому что управление предназначалось не для вас, а для распалившегося Мозга. Мы смогли связаться с вами по радио, но ответить вы не могли. Пищи у вас было достаточно, но это были только фасоль и молоко. Потом вы, так сказать, умерли и воскресли, но эта ваша временная смерть

была сделана... ну... не скучной. Хотела бы я знать, как это ему удалось. Это была коронная шуточка Мозга, но намерения у него были добрые.

— Добрые! — задыхаясь, прохрипел Донован. — Ну, будь у этого милого шутника шея...

Лэннинг предостерегающе поднял руку, и Донован умолк.

— Ну хорошо, это было неприятно, но все позади. Что же мы предпримем дальше?

— Очевидно, нам предстоит усовершенствовать двигатель для искривления пространства, — спокойно произнес Богерт. — Наверняка есть какой-нибудь способ обойти этот интервал, необходимый для прыжка. Если такой способ существует, мы его найдем — ведь только у нас есть грандиозный суперробот. Межзвездные полеты окажутся монополией «Ю. С. Роботс», а человечество получит возможность покорить Галактику.

— А как же «Консолидейтед»? — спросил Лэннинг.

— Эй, — внезапно прервал его Донован. — У меня есть предложение. Они устроили «Ю. С. Роботс» порядочную пакость. Хотя все кончилось не так плохо, как они рассчитывали, и даже хорошо, но намерения то у них были самые черные. А больше всего досталось нам с Грегом. Так вот, они хотели получить решение задачи, и они его получают. Перешлите им этот корабль с гарантией, и «Ю. С. Роботс» получит свои двести тысяч плюс стоимость постройки. А в случае, если они захотят его испытать... Что, если дать Мозгу еще немного пошалить, прежде чем его отрегулировать?

— Мне кажется, это честно и справедливо, — невозмутимо сказал Лэннинг.

А Богерт рассеянно добавил:

— И строго отвечает условиям контракта...

Я покончил со своим обедом и глядел на нее сквозь дым сигареты.

— А когда был создан мир, который кажется золотым веком по сравнению с предыдущим столетием, этому тоже способствовали наши роботы.

— Мыслящие Машины?

— Да, и Мыслящие Машины, но я имею в виду не их. Скорее, человека. Он умер в прошлом году. — В ее голосе неожиданно прозвучала глубокая печаль. — Или, по крайней мере, он счел нужным умереть, зная, что мы больше в нем не нуждаемся. Я говорю о Стивене Байерли.

— Да, я догадался, что вы говорите именно о нем.

— Впервые он вышел на политическую арену в две тысячи тридцать втором году. Вы тогда были еще мальчишкой и не можете помнить, при каких странных обстоятельствах это произошло. Когда он баллотировался в мэры, эта избирательная кампания безусловно была одной из самых необычных в истории...

Улики

Фрэнсис Куинн был политиком новой школы. Конечно, в этом выражении, как и во всех ему подобных, нет никакого смысла. Большинство «новых школ», которые мы видим, можно было бы отыскать в общественной жизни Древней Греции, а может быть, и древнего Шумера, и доисторических свайных поселений Швейцарии, если бы мы только лучше их знали.

Однако, чтобы покончить со вступлением, которое обещает быть скучным и сложным, лучше сразу скажем, что Куинн не баллотировался на выборные должности, не охотился за голосами, не произносил речей и не подделывал избирательных бюллетеней. Точно так же, как Наполеон сам не стрелял из пушки во время битвы при Аустерлице.

И так как политика сводит самых равных людей, то однажды напротив Куинна за столом оказался Альфред Лэннинг. Его густые седые брови низко нависли над глазами, что означало острое раздражение. Он был очень сердит.

Это обстоятельство, будь оно известно Куинну, нимало его не обеспокоило бы. Его голос был дружелюбным — впрочем, может быть, просто профессионально дружелюбным.

— Полагаю, доктор Лэннинг, вы знаете Стивена Байерли?

— Я о нем слышал... Так же как и многие другие.

— Я тоже. А не намереваетесь ли вы голосовать за него на следующих выборах?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил Лэннинг с оттенком извительности. — Я политикой не интересуюсь и даже не знал, что он выставил свою кандидатуру.

— Он может стать нашим будущим мэром. Конечно, пока он всего лишь прокурор, но ведь большие деревья вырастают из...

— Да, да, — перебил Лэннинг, — я это уже слышал. Но не перейти ли нам к сути дела?

— А мы уже к ней перешли, доктор Лэннинг. — Голос Куинна был необыкновенно кротким. — Я заинтересован в том, чтобы мистер Байерли не поднялся выше поста окружного прокурора, а вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь.

— Я заинтересован?! Неужели? — Лэннинг еще сильнее насупил брови.

— Ну, скажем, не вы, а «Ю. С. Роботс энд Механикл Мен Корпорейшн». Я пришел к вам, как к ее бывшему научному руководителю, зная, что руководство корпорации все еще с уважением прислушивается к вашим советам. Тем не менее формально вы уже почти не связаны с ними и не очень стеснены в своих действиях, даже если эти действия будут не вполне укладываться в рамки дозволенного.

Доктор Лэннинг на некоторое время погрузился в размышления. Потом он сказал, уже мягче:

— Я не совсем вас понимаю, мистер Куинн.

— Это не удивительно, доктор Лэннинг. Но все довольно просто. Вы не возражаете?

Куинн закурил тонкую сигарету от простой, но изящной зажигалки, и на его лице с крупными чертами появилось довольное выражение.

— Мы говорили о мистере Байерли — странной и

яркой личности. Три года назад о нем никто не знал. Сейчас он широко известен. Это сильный и одаренный человек. Во всяком случае, из всех прокуроров, каких я только знал, он самый умный и талантливый. К несчастью, он не принадлежит к числу моих друзей...

— Понимаю,— машинально сказал Лэннинг, разглядывая свои ногти.

— В прошлом году,— спокойно продолжал Куинн,— мне пришлось заняться мистером Байерли — и навести о нем подробные справки. Видите ли, всегда полезно подвергнуть тщательному изучению прошлое политика, ратующего за реформы. Если бы вы знали, как часто это помогает...

Он сделал паузу и невесело усмехнулся, глядя на рдеющий кончик сигареты.

— Но прошлое мистера Байерли ничем не замечательно. Спокойная жизнь в маленьком городке, колледж, гибель жены в автомобильной катастрофе, тяжелые увечья и долгая болезнь, изучение права, переезд в столицу, должность прокурора...

Фрэнсис Куинн медленно покачал головой и прибавил:

— А вот его теперешняя жизнь весьма примечательна. Наш окружной прокурор никогда не ест!

Лэннинг резко поднял голову, его глаза стали неожиданно внимательными:

— Простите?

— Наш окружной прокурор никогда не ест! — повторил раздельно Куинн.— Говоря точнее, никто ни разу не видел, чтобы он ел или пил. Ни разу! Вы понимаете, что это значит? Не то чтобы редко, а ни разу!

— Это совершенно невероятно. Заслуживают ли доверия ваши источники?

— Им можно верить, и, на мой взгляд, ничего не-

вероятного в этом нет. Далее, никто не видел, чтобы наш окружной прокурор пил - - ни воду, ни алкогольные напитки — или спал. Есть и другие факты, но мне кажется, что я уже ясно высказал свою мысль.

Лэннинг откинулся в кресле. Некоторое время длился молчаливый поединок. Наконец старый роботехник покачал головой.

— Нет. Из ваших слов, в сочетании с тем, что вы говорите их именно мне, может следовать только один вывод. Но это невозможно.

— Да ведь он ведет себя совершенно не так, как ведут себя люди, доктор Лэннинг!

— Если бы вы сказали мне, что он переодетый Сатана, я бы вам скорее поверил.

— Я говорю вам, что это робот, доктор Лэннинг.

— А я говорю, что ничего более невероятного я еще не слышал, мистер Куинн.

Снова наступило враждебное молчание.

— Тем не менее, — Куинн аккуратно погасил свою сигарету, — вам придется расследовать это невероятное дело, используя все возможности корпорации.

— Я могу вам наверняка сказать, мистер Куинн, что никакого участия в подобном расследовании не приму. Неужели вы хотите предложить корпорации вмешаться в местную политику?

— У вас нет выбора. Представьте себе, что мне придется опубликовать эти факты, не имея доказательств. Улики слишком косвенны.

— Это ваше дело.

— Но я этого не хочу. Прямое доказательство было бы гораздо лучше. И вы тоже не хотите, потому что такого рода гласность может принести немалый вред компании. Я полагаю, вам прекрасно известны законы, строго запрещающие использование роботов в населенных мирах.

— Разумеется! — резко ответил Лэннинг.

— Вы знаете, что «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн» — единственное предприятие в Солнечной системе, производящее позитронных роботов. А если Байерли робот, то он — позитронный робот. Вам известно также, что все позитронные роботы предоставляются в аренду, а не продаются, так что корпорация остается владельцем каждого робота и, следовательно, несет ответственность за его действия.

— Мистер Куинн, ничего не стоит доказать, что человекоподобных роботов корпорация никогда не готовляла.

— А вообще это возможно? Просто как предположение?

— Да. Это возможно.

— Очевидно, это возможно сделать и тайно? Без регистрации в ваших книгах?

— Только не с позитронным мозгом. Это крайне сложная работа, и она делается под строжайшим правительственным контролем.

— Да, но робот может изнашиваться, сломаться, выйти из строя — и тогда его демонтируют.

— А позитронный мозг используют снова или уничтожат.

— В самом деле? — Фрэнсис Куинн позволил себе едва заметный сарказм. — А если один позитронный мозг — случайно, разумеется, — не был уничтожен, а под рукой, тоже случайно, оказался человекоподобный робот, в который еще не был вложен мозг?

— Такого быть не может!

— Не исключено, что вам придется доказывать это правительству и народу. Так почему бы не доказать сейчас мне?

— Но зачем такой робот мог бы нам понадобиться? — раздраженно спросил доктор Лэннинг. — Какие

у нас могли быть мотивы? Признайте за нами хоть немного здравого смысла!

— Пожалуйста, дорогой мой. Корпорация очень заинтересована в том, чтобы в тех или иных областях разрешили использовать человекоподобных позитронных роботов. Это принесло бы огромные прибыли. Но предубеждение публики слишком сильно. Что если дать ей сначала привыкнуть к таким роботам? Вот, например, искусный юрист или хороший мэр, и он, оказывается, робот. Покупайте нашего робота-слугу!

— Чистейшая фантазия, доходящая до нелепости.

— Возможно. Так докажите это! Или вы все-таки предпочтете доказывать это публике?

Наступали сумерки, но в комнате еще не настолько стемнело, чтобы нельзя было заметить краску смущения на лице Альфреда Лэннинга. Рука роботехника потянулась к выключателю, и на стенах мягко засветились лампы.

— Ну, хорошо,— пробормотал он. — Посмотрим.

Внешность Стивена Байерли было бы нелегко описать. По документам ему было сорок лет. И взглядевшись повнимательнее, ему можно было дать сорок лет, хотя на первый взгляд его здоровый, упитанный, веселый вид не очень соответствовал этому возрасту.

Это впечатление особенно усиливалось, когда он смеялся. Сейчас он как раз смеялся — громко и долго, временами успокаиваясь, а потом снова разражаясь хохотом.

А напряженное лицо Альфреда Лэннинга, наоборот, выражало крайнее неудовольствие. Он взглянул на женщину, сидевшую рядом, но ее тонкие, бескровные губы были лишь едва заметно сжаты.

Наконец Байерли более или менее отдышался и пришел в себя.

— Нет, в самом деле, доктор Лэннинг!.. Я!.. Я — робот!

— Не я это утверждаю, — отрезал Лэннинг. — Меня вполне удовлетворит, если вы окажетесь представителем человеческого рода. И так как наша корпорация вас не изготовляла, то я вполне уверен, что вы человек — во всяком случае, с юридической точки зрения. Но поскольку предположение, что вы робот, было высказано всерьез и исходит от лица, занимающего определенное положение...

— Не упоминайте его имени, если это противоречит вашим этическим принципам, но ради простоты назовем его Фрэнком Куинном. Продолжайте.

Лэннинг яростно фыркнул, недовольный тем, что его перебили, и после подчеркнутой паузы продолжал еще более ледяным голосом:

— ... от лица, занимающего определенное положение, — о его имени мы сейчас гадать не будем, — я вынужден просить вашей помощи, чтобы это предположение опровергнуть. Если этот человек, воспользовавшись средствами, имеющимися в его распоряжении, выдвинет это предположение публично, сам такой факт может нанести большой ущерб компании, которую я представляю, даже если оно и не будет доказано. Вы понимаете?

— Да, ваше положение мне ясно. Обвинение нелепо, но неприятности, грозящие вам, серьезны. Извините, если мой смех вас обидел. Меня рассмешила сама подобная мысль, а не ваши трудности. Чем я могу вам помочь?

— О, это очень легко. Вам нужно просто зайти пообедать в ресторан в присутствии свидетелей и дать сфотографировать себя за едой.

Лэннинг откинулся в кресле. Самая трудная

часть разговора осталась позади. Женщина, сидевшая рядом с ним, была, очевидно, настолько поглощена наблюдением за Байерли, что не принимала участия в разговоре.

Стивен Байерли на мгновение встретился с ней глазами, с трудом отвел их и снова повернулся к роботехнику. Некоторое время он задумчиво вертел в руках бронзовое пресс-папье, которое было единственным украшением его стола.

Потом он тихо сказал:

— Боюсь, что не смогу оказать вам эту услугу.— Он поднял руку.— Погодите, доктор Лэннинг. Я понимаю, что вся эта история вам противна, что вас втянули в нее против вашего желания и вы чувствуете, что играете недостойную и даже смешную роль. Но все-таки это в гораздо большей степени касается меня, так что будьте снисходительны. Во-первых, почему вы исключаете возможность того, что Куинн — ну, этот человек, занимающий определенное положение, — обвел вас вокруг пальца, чтобы вы поступили именно так, как нужно ему?

— Ну, вряд ли уважаемый человек пойдет на такой риск, не чувствуя твердой почвы под ногами.

— Вы не знаете Куинна,— сказал Байерли очень серьезно.— Он способен удержаться на таком крутом склоне, где и горный баран свернул бы себе шею. Я полагаю, он сказал вам, будто во всех подробностях изучил мое прошлое?

— Да, и убедил меня, что нашей корпорации стоило бы многих хлопот опровергнуть его, в то время как вам это было бы гораздо легче.

— Значит, вы поверили, будто я никогда не ем. Вы же ученый, доктор Лэннинг! Подумайте только, где здесь логика? Никто не видел, чтобы я ел, следовательно, я никогда не ем. Что и требовалось доказать. Ну, знаете ли...

— Вы пользуетесь прокурорскими уловками, чтобы запутать очень простой вопрос.

— Наоборот, я пытаюсь прояснить вопрос, который вы с Куинном очень усложняете. Дело в том, что я мало сплю, это правда, и, конечно, никогда еще не спал при посторонних. Я не люблю есть в присутствии других людей — вероятно, это нервное. Согласен, такая причуда не совсем обычна, но она никому не причиняет вреда. Судите сами, доктор Лэннинг. Представьте себе, что политик, стремящийся во что бы то ни стало устранить своего противника, обнаруживает в его частной жизни вот такие странности, о каких я говорил. И он решает, что самое лучшее средство как можно сильнее очернить этого противника — ваша компания. Как вы думаете, скажет ли он вам: «Такой-то — робот, потому что он не ест на людях, и я никогда не видел, чтобы он засыпал на заседании суда, а однажды, когда я ночью заглянул к нему в окно, он сидел с книгой и его холодильник был пуст?» Если бы он так вам сказал, вы бы вывели санитаров со смиренной рубашкой. Но этот человек говорит: «Он никогда не спит, он никогда не ест». И вы, сбитые с толку необычайностью такого заявления, не видите, что доказать его невозможно. Вы вносите свой вклад в шумиху и этим играете ему на руку.

— Тем не менее, сэр, — упрямо настаивал Лэннинг, — считаете вы это дело серьезным или не считаете, но, чтобы его прекратить, достаточно лишь того обеда, о котором я говорил.

Байерли снова повернулся к женщине, которая все еще внимательно разглядывала его.

— Извините, я правильно расслышал ваше имя? Доктор Сьюзен Кэлвин?

— Да, мистер Байерли.

— Вы психолог «Ю. С. Роботс»?

— Простите, робопсихолог.

— А разве психология роботов так отличается от человеческой?

— Разница огромная,— она позволила себе холодно улыбнуться.— Прежде всего, роботы глубоко порядочны.

Уголки рта юриста дрогнули в улыбке.

— Да, это не очень лестно для людей. Но я хотел сказать вот что. Раз вы психо... робопсихолог, да еще женщина, вы, наверное, сделали кое-что такое, о чем доктор Лэннинг не подумал.

— Что именно?

— Вы захватили с собой в сумочке какую-нибудь еду.

Что-то дрогнуло в привычно равнодушных глазах Сьюзен Кэлвин. Она сказала:

— Вы удивляете меня, мистер Байерли...

Открыв сумочку, она достала яблоко и спокойно протянула ему. Доктор Лэннинг, ватаив дыхание, напряженно следил, как оно перешло из одной руки в другую.

Стивен Байерли спокойно откусил кусок и так же спокойно проглотил его.

— Видели, доктор Лэннинг?

Доктор Лэннинг облегченно выдохнул. Даже его брови какое-то мгновение выражали некоторую доброжелательность. Но это продолжалось лишь одно недолгое мгновение. Сьюзен Кэлвин сказала:

— Мне, естественно, было интересно посмотреть, съедите ли вы его, но это, конечно, ничего не доказывает.

— Разве? — улыбнулся Байерли.

— Конечно. Совершенно ясно, доктор Лэннинг, что если это человекоподобный робот, то имитация должна быть полной. Он абсолютно неотличим от человека. В конце концов, мы всю жизнь имеем дело с

людьми, и приблизительным сходством нас обмануть нельзя. Он должен быть похож на человека во всем. Обратите внимание на текстуру кожи, на цвет радужных оболочек, на конструкцию кистей рук. Если это робот, то жаль, что не «Ю. С. Роботс» изготовила его, потому что он прекрасно сработал. Так вот, разве тот, кто позаботился о таких мелочах, не сообразил бы добавить несколько устройств для еды, сна, выделений? Может быть, только на крайний случай: например, чтобы предотвратить такое положение, которое возникло сейчас. Так что обед ничего не докажет.

— Погодите, — возразил Лэннинг, — я не такой дурак, каким вы оба пытаетесь меня изобразить. Мне неважно, человек мистер Байерли или нет. Мне нужно выручить из беды нашу корпорацию. Публичный обед положит конец всем подозрениям, что бы там ни делал Куинн. А тонкости можно оставить юристам и робопсихологам.

— Но, доктор Лэннинг, — сказал Байерли, — вы забываете, что тут замешана политика. Я так же стремлюсь быть избранным, как Куинн — этому воспрепятствовать. Кстати, вы заметили, что назвали его имя? Это мой старый профессиональный прием. Я знал, что рано или поздно вы его назовете.

Лэннинг покраснел:

— Причем здесь выборы?

— Скандал, сэр, — палка о двух концах. Если Куинн хочет объявить меня роботом и осмелится это сделать, у меня хватит мужества принять вызов.

— Вы хотите сказать, что... — испуганно произнес Лэннинг.

— Вот именно. Я хочу сказать, что позволю ему действовать — выбрать себе веревку, попробовать ее прочность, отрезать нужный кусок, завязать петлю, сунуть в нее голову и оскалить зубы. А уж остальные мелочи я беру на себя.

— Вы очень в себе уверены.

Сьюзен Калвин поднялась.

— Пойдемте, Альфред. Мы его не переубедим.

— Вот видите, — Байерли улыбнулся, — вы и в человеческой психологии разбираетесь.

Но вечером, когда Байерли поставил автомобиль на транспортер подземного гаража и направился к двери своего дома, в нем не видно было той уверенности в себе, которую отметил доктор Лэннинг.

Когда он вошел, человек, сидевший в инвалидном кресле на колесах, с улыбкой повернулся к нему. Лицо Байерли засветилось любовью. Он подошел к креслу.

Хриплый, скрежещущий шепот калеки вырвался из перекошенного вечной гримасой рта, который зиял на лице, состоявшем наполовину из шрамов и рубцов.

— Ты сегодня поздно, Стив.

— Да-да, Джон, знаю. Но я сегодня столкнулся с одной необычной и интересной трудностью.

— Ну? — Ни изуродованное лицо, ни еле слышный голос ничего не выражали, но в ясных глазах появилась тревога. — Ты не можешь с ней справиться?

— Я еще не уверен. Может быть, мне понадобится твоя помощь. Главная-то умница у нас — ты. Хочешь, я отнесу тебя в сад? Прекрасный вечер.

Его могучие руки подняли Джона с кресла. Они мягко, почти нежно обхватили плечи и забинтованные ноги калеки. Осторожно, медленно Байерли прошел через комнаты, спустился по пологому пандусу, специально приспособленному для инвалидного кресла, и через заднюю дверь вышел в сад, окруженный стеной с колючей проволокой по гребню.

— Почему ты не дашь мне ездить в кресле, Стив? Это глупо.

— Потому что мне нравится тебя носить. Ты против? Ведь ты и сам рад на время вылезти из этой механической тележки. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Он с бесконечной осторожностью опустил Джона на прохладную траву.

— А как я могу себя чувствовать? Но расскажи о своих трудностях.

— Тактика Куинна в избирательной кампании будет основана на том, что он объявит меня роботом. Джон широко раскрыл глаза.

— Откуда ты знаешь? Это невозможно. Я не верю.

— Ну, я же тебе говорю. Сегодня он прислал ко мне ученых заправил «Ю. С. Роботс».

Руки Джона медленно срывали одну травинку за другой.

— Ах, вот оно что...

БаЙерли сказал:

— Но мы дадим ему возможность выбрать оружие. У меня есть идея. Послушай и скажи, не можем ли мы сделать вот как...

В этот же вечер в кабинете Альфреда Лэннинга разыгралась немая сцена. Фрэнсис Куинн задумчиво разглядывал Альфреда Лэннинга, тот яростно уставился на Сьюзен Кэлвин, а она в свою очередь бесстрастно глядела на Куинна.

Фрэнсис Куинн прервал молчание, сделав неуклюжую попытку разрядить атмосферу.

— Блеф! Он все это тут же и придумал.

— И вы готовы сделать ставку на это, мистер Куинн? — безразлично спросила доктор Кэлвин.

— Ну, в конце концов, ставка-то ваша.

— Послушайте, — показная уверенность, звучащая в голосе доктора Лэннинга, не скрывала мучив-

ших его сомнений, — мы сделали то, о чем вы просили. Мы видели, как этот человек ест. Смешно думать, будто он робот.

— И вы так считаете? — Куинн повернулся к Калвин. — Лэннинг говорил, что вы специалист.

Лэннинг начал почти угрожающим тоном:

— Вот что, Сьюзен...

Куинн вежливо перебил его:

— Позвольте, а почему бы ей и не высказаться? Она уже полчаса сидит здесь и молчит.

Лэннинг почувствовал, что у него больше нет сил. Ему казалось, еще немного — и он сойдет с ума.

— Хорошо, Сьюзен, говорите. Мы не будем вас прерывать.

Сьюзен Калвин посмотрела на него, потом перевела холодный взгляд на мистера Куинна.

— Есть только два способа с несомненностью доказать, что Байерли — робот. Пока что вы предъявляете лишь косвенные улики — они позволяют выдвинуть обвинения, но не доказать его. А я думаю, что мистер Байерли достаточно умен, чтобы отбить такое нападение. Вероятно, и вы так думаете, иначе бы вы не пришли к нам. Доказать же можно двумя способами: физическим и психологическим. Физически вы можете вскрыть его или воспользоваться рентгеном. Каким образом — дело ваше. Психологически можно изучить его поведение. Если это позитронный робот, он должен подчиняться Трех Законам роботехники. Позитронный мозг не может быть устроен иначе. Вы знаете эти Законы, мистер Куинн?

Она медленно и отчетливо прочла на память, слово в слово, знаменитые Законы, напечатанные крупным шрифтом на первой странице «Руководства по роботехнике».

— Я слышал о них, — сказал Куинн небрежно.

— Тогда вы легко поймете меня, — сухо ответила она. — Если мистер Байерли нарушит хоть один из этих Законов — он не робот. К несчастью, только в этом случае мы получаем определенный ответ. Если же он выполняет Законы, то это ничего не доказывает.

Куинн вежливо поднял брови:

— Почему, доктор?

— Потому что, если хорошенько подумать, Три Закона роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле. Конечно, каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий Закон. Каждый так называемый порядочный человек, чувствуя свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего начальника, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля. Он исполняет законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств или подвергают опасности. А у роботов это — Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый так называемый хороший человек должен любить своих ближних, как себя самого, вступаться за своих друзей, рисковать своей жизнью ради других. Для робота это — Первый Закон. Попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы роботехники, он или робот, или очень хороший человек.

— Значит, — произнес Куинн, — вы никогда не сможете доказать, что он робот?

— Я, возможно, смогу доказать, что он не робот.

— Это не то, что мне нужно!

— Вам придется удовлетвориться тем, что есть.

А что вам нужно — дело ваше.

Тут Лэннингту пришла в голову неожиданная идея. Он неуверенно сказал:

— Пойдите... А вам не кажется, что обязанности прокурора — довольно странное занятие для робота? Судебное преследование людей, смертные приговоры — огромный вред, причиняемый людям...

— Нет, так вы не вывернетесь, — возразил Куинн. — То, что он орудийной прокурор, еще не означает, что он человек. Разве вы не знаете его биографии? Да он хвастает тем, что ни разу не возбуждал дела против невиновного, что десятки людей были оправданы только потому, что улики против них его не удовлетворяли, хотя он мог бы, вероятно, убедить присяжных и добиться смертного приговора!

Худые щеки Лэннинга дрогнули.

— Нет, Куинн, нет! В Законах роботехники ничего не говорится о виновности человека. Робот не может решать, заслуживает ли человек смерти. Не ему об этом судить. Он не может причинить вред ни одному человеку — будь то негодяй или ангел.

— Альфред, — устало произнесла Сьюзен Калвин, — не говорите глупостей. Что, если робот увидит маньяка, собирающегося поджечь дом, где находятся люди? Он остановит его или нет?

— Конечно.

— А если единственным способом остановить его будет убийство?

Лэннинг проворчал что-то нечленораздельное.

— В таком случае, Альфред, он сделает все, чтобы его не убивать. Если маньяк все-таки будет убит, роботу понадобится психотерапия. Он сам сойдет с ума, если будет поставлен перед таким противоречием — нарушить букву Первого Закона, чтобы остаться верным его духу. Но человек будет тем не менее убит, и убит роботом.

— Что же, по-вашему, Байерли должен был давно сойти с ума? — осведомился Лэннинг, вложив в эти слова весь сарказм, на какой был способен.

— Нет, но сам он никого не убивал. Он лишь передает гласности факты, свидетельствующие о том, что данный человек опасен для множества остальных людей, которых мы называем обществом. Он встает на защиту большинства и тем самым с наибольшей возможной эффективностью исполняет Первый Закон. Дальше этого он не идет. Потом уже судья приговаривает преступника к смерти или тюрьме, если присяжные признают его виновным. Стережит преступника тюремщик, казнит палач. А мистер Байерли всего лишь устанавливает истину и помогает обществу. После того как вы, мистер Куинн, обратились к нам, я действительно ознакомилась с карьерой мистера Байерли. Я узнала, что в своем заключительном слове он никогда не требует смертного приговора. Я узнала также, что он высказывался за отмену смертной казни и щедро финансирует исследования в области судебной нейрофизиологии. Он, очевидно, верит в то, что преступников следует лечить, а не наказывать. Я считаю, что это говорит о многом.

— Да? — Куинн улыбнулся. — А не пахнет ли здесь роботом?

— Возможно. Кто это отрицает? Такие действия свойственны только роботу или же очень благородному и хорошему человеку. Вы видите, что просто невозможно провести границу между поведением роботов и лучших из людей?

Куинн откинулся в кресле. Его голос дрожал от нетерпения.

— Доктор Лэннинг, возможно ли создать человекоподобного робота, который внешне ничем не отличался бы от человека?

— «Ю. С. Робото» проводила такие эксперименты — конечно, без повитронного мозга. Если взять человеческие яйцеклетки и регулировать их рост с помощью гормонов, можно нарастить человеческие

мышцы и кожу на остов из пористого силиконового пластика, который нельзя будет обнаружить при внешнем обследовании. Глаза, волосы, кожа могут быть действительно человеческими, а не имитацией. И если к этому добавить позитронный мозг и любые внутренние устройства, какие вы только пожелаете, у вас получится человекоподобный робот.

— Сколько времени для этого нужно? — коротко спросил Куинн.

Лэннинг подумал.

— Если у вас есть все необходимое — мозг, остов, яйцеклетки, гормоны, оборудование для облучения, то, скажем, два месяца.

Куинн выпрямился.

— Тогда мы посмотрим, на что похож мистер Байерли внутри. Это сослужит «Ю. С. Роботс» плохую службу, но у вас была возможность предотвратить такой оборот дела.

Когда они остались одни, Лэннинг ветерпеливо повернулся к Сьюзен Кэлвин.

— Почему вы настаиваете...

Она резко перебила его, не пытаясь скрывать свои чувства:

— Что вам нужно: установить истину или добиться моего ухода? Я не собираюсь лгать ради вас. «Ю. С. Роботс» может постоять за себя. Не будьте трусом.

— А что если он вскрыет Байерли, и выпадут колесики и шестеренки? Что тогда?

— Он не вскрыет Байерли, — провознесла Кэлвин презрительно. — Байерли не глупее Куинна. По меньшей мере не глупее.

Новость облетела весь город за неделю до выдвижения Байерли кандидатом в мэры. «Облетела» —

это, пожалуй, не то слово. Она разбрелась по нему неверными шагами. Сначала она вызвала смех и шутки. Но по мере того, как невидимая рука Куинна не спеша усиливала нажим, смех стал звучать уже не так весело, появились сомнения и люди начали задумываться.

На предвыборном собрании царило смятение. Еще неделю назад никакой борьбы на нем не ожидалось: могла быть выдвинута лишь одна кандидатура — Байерли. Да и теперь других кандидатов не нашлось — пришлось выдвинуть его. Но это привело всех в полную растерянность.

Рядовых избирателей мучили сомнения. Всех поражала серьезность обвинения, если оно было правдой, или крайнее безрассудство обвинителей, если обвинение было ложным.

На следующий день после того, как собрание без особого энтузиазма проголосовало за выдвижение Байерли, в газете появилось длинное интервью с доктором Сьюзен Калвин — «мировой величиной в ропсихологии и позитронике».

И тут разразилось просто черт знает что такое — другого слова, пожалуй, и не подберешь.

Только этого и ждали «фундаменталисты». Это не была какая-то политическая партия или религиозная секта. Так называли людей, которые просто не смогли приспособиться к жизни в «атомном веке», окрещенном так еще тогда, когда атомы были в новинку. Это были, в сущности, сторонники опрощения, тосковавшие по жизни, которая тем, кто испытал ее на себе, вероятно, казалась не такой уж простой.

В новых поводах для своей ненависти к роботам и к тем, кто их производил, фундаменталисты не нуждались. Но обвинений Куинна и рассуждений Калвин было достаточно, чтобы придать вес их аргументам.

Огромные заводы «Ю. С. Роботс энд Мехэникл

Мен Корпорейши* напоминали улы, кишащие вооруженной охраной. Здесь готовились к отпору.

Городской дом Стивена Байерли был оцеплен полицейскими. Все остальные аспекты предвыборной кампании, конечно, были забыты. Да и предвыборной кампанией то, что происходило, можно было назвать лишь потому, что оно заполняло промежуток между выдвижением кандидатур и днем выборов.

Появление суетливого человечка не смутило Стивена Байерли. На него, очевидно, не произвели никакого впечатления и маячившие на заднем плане мундиры. На улице, за угрюмой цепью полицейских, ждали верные традициям своего ремесла репортеры и фотографы. Одна предприимчивая телевизионная компания установила камеру против крыльца скромного жилища прокурора, а диктор с деланным возбуждением заполнял паузы подробнейшими комментариями.

Суетливый человечек вышел вперед. Он держал в руках длинную, хитроумно составленную официальную бумагу.

— Мистер Байерли, вот постановление суда, которое уполномочивает меня обыскать это помещение на предмет незаконного нахождения в нем... э-э... механических людей или роботов любого типа...

Байерли взял бумагу, бросил на нее равнодушный взгляд и, улыбаясь, вернул человечку:

— Все по форме. Валяйте. Исполняйте свои обязанности. Миссис Хоппен, — крикнул он экономке, которая неохотно вышла из комнаты, — пожалуйста, пройдите с ним и помогите, если понадобится.

Суетливый человечек, фамилия которого была Херроуэй, заколебался, заметно покраснел, тщетно попытался перехватить взгляд Байерли и пробормотал, обращаясь к двум полицейским:

— Пошли.

Через десять минут они вернулись.

— Все? — спросил Байерли безразличным тоном человека, не очень заинтересованного в ответе.

Херроуэй откапываясь, начал срывающимся голосом, остановился и сердито начал снова:

— Послушайте, мистер Байерли. Мы получили инструкцию тщательно обыскать дом.

— Разве вы этого не сделали?

— Нам точно сказали, что мы должны искать.

— Да?

— Короче, мистер Байерли, будем называть вещи своими именами. Нам велено обыскать вас.

— Меня? — произнес прокурор, широко улыбаясь. — А как вы предполагаете это сделать?

— У нас с собой флюорограф...

— Значит, вы хотите сделать мой рентгеновский снимок? А вы имеете на это право?

— Вы видели постановление.

— Можно взглянуть еще раз?

Херроуэй, лицо которого выражало нечто большее, чем простое усердие, снова протянул бумагу. Байерли спокойно произнес:

— Я сейчас прочитаю, что вы уполномочены обыскать: «...домовладение, принадлежащее Стивену Аллену Байерли, под номером триста пятьдесят пять по улице Уиллоугров, город Ивенстрон, а также гаражи, кладовые и любые другие здания или строения, относящиеся к этому домовладению, а также все земельные участки, к нему принадлежащие»... хм... и так далее. Все верно. Но, дорогой мой, здесь ничего не говорится о том, чтобы обыскивать мои внутренности. Я не являюсь частью домовладения. Если вы думаете, что я спрятал робота в кармане, можете обыскать мою одежду.

Херроуэй твердо помнил, кому он обязан своей

должностью. И теперь, получив возможность выдвигнуться на лучшую, то есть лучше оплачиваемую, он не собирался отступать. Он сказал вызывающе:

— Послушайте-ка, я уполномочен осмотреть всю обстановку вашего дома и все, что я в нем найду. Но ведь вы находитесь в доме, верно?

— Удивительно справедливое замечание. Да, я в нем нахожусь. Но я — не обстановка. Я совершеннолетний, правомочный гражданин, у меня есть свидетельство о психической вменяемости, и я имею определенные законные права. Если вы обыщите меня, ваши действия можно будет квалифицировать как посягательство на мою личную неприкосновенность. Этой бумаги тут мало.

— Конечно, но если вы робот, то о личной неприкосновенности говорить не приходится...

— Тоже верно. Тем не менее этой бумаги недостаточно. В ней подразумевается, что я человек.

— Где? — Херроузэй схватил бумагу.

— А там, где говорится: «...домовладение, принадлежащее» и так далее. Робот не может владеть собственностью. И можете сказать своему ковчигу, мистер Херроузэй, что если он попытается получить другую бумагу, где не будет подразумеваться, что я человек, я немедленно возбужу против него гражданский иск и потребую, чтобы он доказал, что я робот, на основании сведений, которыми он располагает сейчас. И если это ему не удастся, он заплатит солидный штраф за попытку лишить меня прав, предусмотренных законом. Вы передадите ему все это?

Подойдя к двери, Херроузэй обернулся:

— Вы ловкий крючоктвор...

Держа руку в кармане, он на секунду задержался в дверях. Потом вышел из дома, улыбнулся в сторону телекамеры, все еще продолжая играть свою роль, помахал рукой репортерам и крикнул:

— Завтра для вас, ребята, кое-что будет. Кроме шуток.

Сев в машину, Херроуэй откинулся на подушки, вынул из кармана маленький аппарат и осмотрел его. Ему еще ни разу не приходилось делать снимок в отраженных рентгеновских лучах. Он надеялся, что ничего не напутал.

Куинн и Байерли еще ни разу не встречались лицом к лицу наедине. Но визифон почти заменял такую встречу. Это была в буквальном смысле встреча лицом к лицу, хотя для каждого из них лицо другого представлялось лишь в виде черно-белого рисунка.

Разговора потребовал Куинн. Куинн его и начал, обойдясь без вступительных церемоний:

— Вам, наверное, будет интересно это узнать, Байерли. Я собираюсь предать гласности, что вы носите на себе непрозрачный для рентгеновских лучей экран.

— В самом деле? В таком случае вы, надо думать, уже предали это гласности. Боюсь, предприимчивые представители прессы уже довольно давно подслушивают все мои телефонные разговоры из служебного кабинета. Вот почему я и сижу последние недели дома.

Байерли говорил дружеским тоном. Можно было подумать, что он болтает с приятелем.

Губы Куинна слегка сжались.

— Этот разговор защищен от подслушивания. Для меня он сопряжен с некоторым риском.

— Ну еще бы! Никто не знает, что вы стоите за этой кампанией. По крайней мере, официально никто не знает. Неофициально это знают все. Я бы на вашем месте об этом не беспокоился. Значит, я ношу защитный экран? Я полагаю, вы обнаружили это,

когда рентгенограмма, сделанная вчера вашим подставным лицом, оказалась передержанной?

— Вы понимаете, Байерли, для всех будет вполне очевидно, что вы боитесь рентгеновского просвечивания?

— А также станет ясно и то, что вы или ваши люди незаконно посягнули на мои права?

— Им на это наплевать.

— Может быть. Это, пожалуй, прекрасно характеризует различие в нашей тактике, не правда ли? Вам нет дела до прав гражданина. А я о них не забываю. Я не дам себя просвечивать, потому что настаиваю на своих правах из принципа. Так же как я буду настаивать на правах остальных, когда меня выберут.

— Несомненно, это очень хорошо для предвыборной речи. Только вам никто не поверит. Слишком высокопарно. Вот еще что,— его голос внезапно стал жестким,— вчера у вас дома находились не все, кто там живет.

— Это почему?

— Я располагаю сведениями,— Куинн зашелестел разложенными перед ним бумагами, которые были видны в визифон,— что одного человека не хватало. Калеки.

— Совершенно верно,— произнес Байерли без всякого выражения,— калеки. Моего старого учителя, который живет со мной и который сейчас находится за городом — и находится там уже два месяца. В таких случаях говорят «удалился на покой». Вы что-нибудь против этого имеете?

— Ваш учитель? Какой-нибудь ученый?

— Когда-то он был юристом, прежде чем стал калекой. У него есть официальное разрешение заниматься биофизическими исследованиями в собственной лаборатории, и полное описание его работ пере-

дано в соответствующие учреждения, куда вы и можете обратиться. Большого значения его работы не имеют, но они безобидны и развлекают... бедного калеку. А я помогаю ему, насколько могу.

— Ясно. А что этот... учитель... знает о производстве роботов?

— Я не могу судить о его познаниях в области, с которой сам не знаком.

— Он имеет доступ к позитронным мозгам?

— Спросите об этом ваших друзей из «Ю. С. Роботс». Им лучше знать.

— Я буду краток, Байерли. Ваш калека-учитель и есть настоящий Стивен Байерли. Вы — созданный им робот. Мы можем это доказать. В автомобильную катастрофу попал он, а не вы. Это можно проверить.

— В самом деле? Пожалуйста, проверяйте. Желаю успеха.

— И мы можем обыскать этот загородный дом. Посмотрим, что мы там найдем.

— Ну, это как сказать, Куини, — Байерли широко улыбнулся. — На наше несчастье, мой так называемый учитель серьезно болен. Загородный дом для него как бы санаторий, где он отдыхает. Его право на личную неприкосновенность при таких обстоятельствах еще прочнее. Вы не сможете получить разрешения на обыск, если не предъявите достаточных оснований. Тем не менее я не буду вас от этого удерживать.

Наступила небольшая пауза. Куини наклонился вперед, так что его лицо заняло весь экран и стали видны тонкие морщины на лбу.

— Байерли, зачем упрямитесь? Вас не выберут.

— Разве?

— Неужели вы этого не понимаете? Или, по-вашему, отказ опровергнуть обвинение, что вам было бы очень легко сделать, нарушив один из Законов робо-

техники, не убеждает людей, что вы в самом деле робот?

— Я понимаю одно: из малоизвестного, ничем не примечательного юриста я превратился в фигуру мирового значения. Вы умеете делать рекламу.

— Но вы же робот.

— Сказано — не доказано.

— Доказательств хватит, чтобы вас не выбрали.

— Тогда вам нечего волноваться — вы уже победили.

— До свидания, — сказал Куинн. В его голосе впервые прозвучала злоба. Визифон погас.

— До свидания, — невозмутимо произнес Байерли перед пустым экраном.

Байерли привез своего учителя в город за неделю до выборов. Вертолет опустился на окраине.

— Ты останешься здесь до конца выборов, — сказал ему Байерли. — Если дело обернется плохо, лучше, чтобы ты был в более спокойном месте.

В хриплом голосе, вырвавшемся из перекосенного рта Джона, можно было различить тревогу.

— Разве есть основания опасаться насилия?

— Фундаменталисты не скупятся на угрозы, так что теоретически такая опасность есть. Но я не думаю, чтобы это случилось. У них нет реальной силы. Просто они постоянно вносят смуту, и когда-нибудь это кончится беспорядками. Ты согласен побыть здесь? Ну, пожалуйста! Мне будет не по себе, если придется беспокоиться о твоей безопасности.

— Хорошо. Ты все еще думаешь, что дело кончится благополучно?

— Уверен. У тебя там никто не появлялся?

— Никто. Это я точно знаю.

— И ты себя вел так, как мы договорились?

— В точности. Там все будет в порядке.

— Тогда будь осторожнее, Джон, а завтра смотри телевизор.

Байерли пожал изувеченную руку, лежавшую на его руке.

Хмурое лицо Лентона выражало сильнейшее беспокойство. Его положение было незавидным. Он считался уполномоченным Байерли по проведению избирательной кампании, которая была вообще не похожа на избирательную кампанию. Объектом ее был человек, который раскрыть свой план действий отказался, а следовать указаниям своего уполномоченного не соглашался.

— Вы не должны! (Это были его любимые слова, а в последние дни они стали и единственными.) Я говорю вам, Стив, вы не должны!

Он рухнул в кресло перед столом прокурора, который не спеша листал отпечатанный на машинке текст своей речи.

— Откажитесь, Стив! Посмотрите, ведь эту толпу организовали фундаменталисты. Вас не станут слушать. Скорее всего вас закидают камнями. Зачем вам выступать с речью перед публикой? Чем плоха запись на пленку или выступление по телевидению?

— Но ведь вы хотите, чтобы я победил на выборах, не правда ли? — мягко спросил Байерли.

— Победили! Вам не победить, Стив! Я пытаюсь спасти вашу жизнь!

— О, мне ничего не грозит.

— Ему ничего не грозит! — Лентон даже поперхнулся. — Вы хотите сказать, что намерены выйти на балкон перед пятьюдесятью тысячами полоумных идиотов и попытаете вбить им что-то в голову — с балкона, как средневековый диктатор?

Байерли взглянул на часы.

— Да. И примерно через пять минут, как только будут готовы телевизионные операторы.

Ответ Лентона был не совсем членораздельным.

Толпа заполняла оцепленную площадь. Казалось, что деревья и дома поднимаются из сплошной массы людей. А телевидение сделало очевидцем происходящего все человечество. Это были местные выборы, но за ними следил весь мир.

Байерли подумал об этом и улыбнулся.

Но сама толпа не могла вызвать улыбки. Она щетинилась знаменами и плакатами, где на все лады повторялось одно и то же обвинение. Атмосфера враждебности стусилась до того, что стала почти осязаемой.

Выступление с самого начала было сорвано. Голос Байерли заглушали рев толпы и ритмические выкрики кучек фундаменталистов, разбросанных там и сям по всей площади. Но Байерли продолжал говорить, медленно и бесстрастно...

В комнате Лентон схватился за голову и застыл. Он ждал кровопролития.

В передних рядах толпы началось какое-то движение. Вперед проталкивался тощий субъект с вынужденными глазами, в костюме, слишком коротком для его костлявых рук и ног. Устремившийся за ним полицейский медленно и с трудом пробивался сквозь толпу, пока Байерли сердитым взмахом руки не остановил его.

Тощий человек был уже под самым балконом. Он что-то кричал, но слов не было слышно из-за шума толпы.

Байерли наклонился через перила.

— Что вы сказали? Если вы хотите задать мне законный вопрос, я отвечу. — Он повернулся к стоявшему рядом полицейскому. — Проведите его сюда.

Толпа насторожилась. В разных местах послышались крики «Тише!», которые слились в общий гамон, а потом понемногу утихли. Тощий человек, весь красный и запыхавшийся, предстал перед Байерли.

Байерли сказал:

— Вы хотите что-то спросить?

Тощий человек впился в него глазами и произнес надтреснутым голосом:

— Ударь меня!

С неожиданной энергией он выставил вперед подбородок.

— Ударь меня! Ты говоришь, что ты не робот. Докажи это! Ты не сможешь ударить человека, чудовище!

Наступила странная, пустая, мертвая тишина. Ее прорезал голос Байерли:

— У меня нет причин вас бить.

Тощий человек дико захохотал.

— Ты не можешь меня ударить! Ты меня не ударишь! Ты не человек! Ты чудовище, которое притворилось человеком!

И Стивен Байерли, стиснув зубы, на глазах у тысяч людей, смотревших на него с площади, и миллионов, глядевших на экраны телевизоров, размахнулся и нанес ему могучий удар в челюсть. Тощий человек упал навзничь без сознания. Лицо его выражало одно лишь бессмысленное изумление.

Байерли сказал:

— Мне очень жаль... Отнесите его в дом и устройте поудобнее. Как только я освобожусь, я с ним поговорю.

И когда доктор Кэлвин, развернув свою машину, отъехала, только один репортер успел прийти в себя настолько, чтобы броситься за ней и выкрикнуть вопрос, которого она не расслышала.

Сьюзен Кэлвин обернулась и прокричала:

— Он — человек!

Репортеру только того и нужно было. Он понесся прочь.

Речь была произнесена до конца, но больше никто ничего из нее так и не слышал.

Доктор Кэлвин и Стивен Байерли встретились еще раз — за неделю до того, как он принес присягу, вступая в должность мэра. Было уже далеко за полночь.

Доктор Кэлвин сказала:

— Вы как будто не устали.

Новый мэр улыбнулся.

— Я могу еще выдержать. Только не говорите Куинну.

— Не скажу. Кстати, у Куинна была интересная версия. Жаль, что вы ее опровергли. Вы, вероятно, знаете, в чем она заключалась?

— Частично.

— Она была в высшей степени драматической. Стивен Байерли был молодой юрист, хороший оратор, большой идеалист и увлекался биофизикой. Между прочим, вы интересуетесь роботехникой, мистер Байерли?

— Только с юридической стороны.

— А тот Стивен Байерли интересовался. Но произошла автомобильная катастрофа. Жена Байерли погибла. Ему пришлось еще хуже. Его ноги были искалечены, лицо изуродовано, он лишился голоса, пострадала и его психика. Он отказался от пластической операции и стал отшельником. Карьера его погибла, у него остались только разум и руки. Каким-то образом ему удалось раздобыть позитронный мозг, самый сложный, способный решать этические проблемы. А это высшее достижение роботехники. Он вы-

растил для этого мозга тело. Он сделал из робота все, чем он мог бы быть сам. Он послал его в мир в качестве Стивена Байерли, а сам остался старым учителем-калекой, которого никто никогда не видит...

— К несчастью, — сказал новый мэр, — ударив человека, я все это опроверг. Судя по газетам, ваш официальный приговор гласил, что я человек.

— Как это получилось? Расскажите мне. Это не могло быть случайностью.

— Ну, это была не совсем случайность. Большую часть работы проделал Куинн. Мои люди начали потихоньку распространять слух, что я ни разу в жизни не ударил человека, что я не способен ударить человека, что если я не сделаю этого, когда меня будут провоцировать, то будет точно доказано, что я робот. Поэтому я устроил это дурацкое публичное выступление, вокруг которого была создана такая шумиха, что какой-нибудь осел почти неизбежно должен был клюнуть. По сути дела, это был дешевый трюк. В таких случаях все зависит от искусственно созданной атмосферы. Конечно, эмоциональный эффект обеспечил мое избрание, чего я и добивался.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

— Я вижу, вы вторгаетесь в мою область, — вероятно, это неизбежно для любого политического деятеля. Но мне жаль, что все вышло именно так. Я люблю роботов. Люблю их гораздо больше, чем людей. Если бы был создан робот, способный стать общественным деятелем, он был бы самым лучшим из них. Следуя Законам роботехники, он не мог бы причинять людям зла, был бы чужд тирании, подкупа, глупости и предрассудков. А прослужив некоторое время, он ушел бы в отставку, хотя он и бессмертен, — ведь для него было бы немислимо огорчить людей, дав им понять, что ими управляет робот. Что могло бы быть лучше?

— Но ведь роботу все это могло бы оказаться не под силу из-за коренных недостатков позитронного мозга. Ведь такой мозг по своей сложности не может сравниться с человеческим.

— У него были бы советники. Даже человеческий мозг не может управлять без помощников.

Байерли внимательно посмотрел на Сьюзен Калвин.

— Почему вы улыбаетесь, доктор Калвин?

— Потому что Куинн кое-что упустил из виду.

— Вы хотите сказать, что его версию можно было бы дополнить?

— Да. Одной деталью. Этот Стивен Байерли, о котором говорил мистер Куинн, этот калека, перед выборами по каким-то таинственным причинам провёл три месяца за городом. Он вернулся как раз к вашему знаменитому выступлению. А ведь он мог и еще раз сделать то, что он уже сделал. Тем более что задача была гораздо проще.

— Я вас не совсем понимаю.

Доктор Калвин встала и одернула костюм, собираясь уходить.

— Я хочу сказать, что есть один случай, когда робот может ударить человека, не нарушив Первого Закона. Только один случай...

— Когда же?

Доктор Калвин была уже в дверях. Она спокойно произнесла:

— Когда человек, которого нужно ударить, — другой робот.

Ее худое лицо просияло, на нем появилась широкая улыбка.

— До свидания, мистер Байерли. Надеюсь, что я еще буду голосовать за вас через пять лет — на выборах Координатора.

Стивен Байерли усмехнулся:
— Ну, до этого пока далеко...
Дверь за ней закрылась.

Пораженный, я уставился на нее:

— Это правда?

— До последнего слова, — ответила она.

— И великий Байерли был просто робот?

— Ну, этого мы никогда не узнаем. Думаю, что да. Но когда он решил умереть, то распорядился, чтобы его тело уничтожили, так что доказать теперь ничего невозможно. И потом — какая разница?

— Ну, знаете...

— Вы тоже предубеждены против роботов. И напрасно. Он был очень хорошим мэром... Вот и все, — произнесла Сьюзен Калвин, вставая. — Я видела, как все это начиналось, — с того времени, когда бедные роботы еще не умели говорить. Больше я уже ничего не увижу. Моя жизнь окончена. Что будет дальше, предстоит увидеть вам.

Я больше не встречался с Сьюзен Калвин. Месяц назад она умерла.

Еще о роботах

Первый закон

Майку Donovanу стало скучно. Он поглядел на пустую пивную кружку и решил, что наслушался предостаточно.

— Если уж разговор зашел о странных роботах, — сказал он громко, — так мне однажды довелось иметь дело с таким, который нарушил Первый Закон.

Это было настолько невероятно, что все сразу замолчали и повернулись к Donovanу.

Donovan тут же пожалел, что распустил язык, и попробовал переменить тему:

— Вчера я слышал забавную историю о...

— Ты что, знал робота, который причинил вред человеку? — перебил сидевший рядом Макферлейн.

Само собой разумелось, что нарушение Первого Закона могло означать только это.

— В некотором роде, да, — ответил Donovan. — Так вот, я слышал историю о...

— А ну-ка, — потребовал Макферлейн, а остальные принялись стучать кружками по столу.

Donovan понял, что отступать некуда.

— Это произошло на Титане лет десять назад, — начал он, лихорадочно соображая. — Ну да, в двадцать пятом. Мы только что получили трех роботов новой модели, созданной специально для Титана. Это были первые роботы серии МА. Мы назвали их Эмма

Один, Два и Три. — Он щелкнул пальцами, требуя очередную кружку пива, и задумчиво поглядел вслед официанту. — Ну, а дальше-то что?

— Полжизни занимаюсь роботехникой, Майк, но ни разу не слышал о серии МА, — заметил Мак-Ферлейн.

— А их сняли с производства сразу же после... после того, о чем я собираюсь вам рассказать. Неужели ты не помнишь?

— Нет.

И Донован поспешно продолжал:

— Мы их приставили к делу не теряя времени. В сезон бурь, который на Титане длится на протяжении восьмидесяти процентов периода его обращения вокруг Сатурна, наша База полностью бездействовала. Во время снегопада стоило отойти от Базы на сотню ярдов — и пиши пропало. В жизни не отыскать. От компаса мало толку — у Титана нет магнитного поля. Роботы МА были оснащены вибродетекторами новой конструкции и шли прямо к Базе в любых условиях, так что добыча руды могла продолжаться хоть круглый год. Помолчи, Мак. Вибродетекторы тоже перестали поступать в продажу, поэтому-то ты о них ничего и не слышал. — Донован кашлянул. — Их засекретили, понял?

— В первый сезон бурь, — продолжал он, — роботы действовали безупречно, но вот с началом спокойного сезона Эмма Два принялась выкидывать номера: пряталась по углам, забивалась под штабеля ящиков, и выманить ее оттуда было не так-то просто. В конце концов ушла с Базы и не вернулась. Мы решили, что в ее конструкции был какой-то дефект, и продолжали обходиться двумя оставшимися. Но как-никак мы лишились трети наших роботов, и потому, когда в конце спокойного сезона один из нас должен был отправиться в Корнск, я вызвался слетать туда

без работа. Особой опасности не предвиделось: начало бурь ожидалось не раньше чем через двое суток, а я должен был обернуться за двадцать часов. Я уже возвращался и был в каких-нибудь десяти милях от Базы, когда внезапно подул сильный ветер и пошел снег. Я тут же посадил машину, не дожидаясь, чтобы ветер разбил ее вдребеаги; определив направление на Базу, я побежал. Преодолеть оставшееся расстояние при малой силе тяжести на Титане было нетрудно, сложность заключалась в том, чтобы не сбиться с пути. Запас воздуха у меня был вполне достаточным, система обогрева скафандра работала нормально, но десять миль на Титане в бурю бесконечны.

Затем снег повалил так густо, что все вокруг потемнело и превратилось в мутный сумрак, в котором померк даже Сатурн, а солнце превратилось в бледную точку. Я остановился, и ветер чуть не сбил меня с ног. Прямо впереди я заметил какое-то небольшое темное пятно. Я различил его лишь с трудом, но я знал, что это такое. Буранник — единственное живое существо, способное вынести снежные смерчи на Титане, и самый свирепый хищник на свете. Я знал, что мой скафандр от него не защита. Видимость была такой скверной, что стрелять можно было только в упор. Промаяхнись я — мне конец!

Я начал медленно пятиться, а темная тень двинулась ко мне. Расстояние между нами сокращалось. Шепча молитву, я уже поднял бластер, как вдруг на сумраке внезапно появилась еще одна тень, но побольше, и я завопил от радости. Это была Эмма Два, пропавший робот. Со времени ее исчезновения я постоянно размышлял о том, что могло с ней случиться и почему.

— Эмма, девочка, прикончи буранника и проводи меня на Базу, — взмолился я.

Она только взглянула на меня, будто и не слышала моих слов, и крикнула:

— Не стреляйте, хозяин, только не стреляйте.

И кинулась к буранику.

— Прикончи эту чертову тварь, Эмма! — рявкнул я.

А она схватила бураника и побежала дальше. Я продолжал звать ее, пока совсем не потерял голос, но она так и не вернулась, оставив меня погибать под снегом.

Выдержав эффектную паузу, Донован добавил:

— Все вы, разумеется, знаете Первый Закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред! Так вот, Эмма Два убежала с бураником и оставила меня умирать. Первый Закон был нарушен. К счастью, я остался цел и невредим. Через полчаса ветер стих. Это был случайный шквал, и длился он недолго. Такое там бывает. А настоящий буран разразился лишь на следующий день. Едва снег перестал валить, я со всех ног бросился к Базе. Через два часа туда явилась и Эмма Два. Разумеется, ее тайна тут же раскрылась, и роботов МА немедленно изъяли из продажи.

— Ну, и в чем же было дело? — спросил Макферлейн.

— Видишь ли, Мак, это, конечно, верно, что мне, человеку, грозила смертельная опасность, но этого робота заботило нечто более важное, чем я или Первый Закон. Ведь это были роботы серии МА, и этот, прежде чем исчезнуть, все норовил спрятаться в укромное местечко. Он вел себя так, будто с ним должно было случиться что-то необычное, что-то не предназначенное для посторонних глаз. Так оно и вышло.

Донован благоговейно поднял глаза к потолку, и голос его дрогнул:

— Буранник-то оказался вовсе не буранником. Мы назвали его Эмма Младшая, Эмма Два привела ее с собой на Базу. Эмма Два испытывала необоримую потребность защитить ее от моего выстрела. Что такое Первый Закон в сравнении со святыми узами материнской любви?

Раб корректуры

Дело слушалось без присяжных при закрытых дверях. Ответчиком были фирма «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн», а при ее влиянии добиться подобной уступки было не так уж трудно.

Впрочем, истец особенно и не возражал: попечители Северо-восточного университета прекрасно представляли себе, как будет реагировать широкая публика на известие о проступке робота. То, что проступок этот был совершенно необычного и исключительного свойства, не имело значения. Попечители боялись, что бунт против роботов может перерасти в бунт против науки.

Равным образом и правительство в лице судьи Харлоу Шейна не собиралось поднимать шум вокруг этой истории. Портить отношения и с «Ю. С. Роботс», и с ученым миром было одинаково неблагоприятно.

— Итак, джентльмены, — начал судья, — поскольку ни присяжных, ни репортеров, ни публики здесь нет, мы можем отбросить формальности и перейти прямо к сути дела.

Он криво улыбнулся, не слишком веря в действительность своего призыва, и, подобрав мантию, уселся поудобнее. У судьи была добродушная румяная физиономия, округлый подбородок, нос картошкой и

широко расставленные светло-серые глаза. Словом, не такая бы внешность подошла могущественному вершителю правосудия, и судья в глубине души сонавал это.

Первым был приведен к присяге свидетель обвинения Барнабас Гудфеллоу, профессор физики Северо-восточного университета. Сердитый вид, с которым профессор пробормотал стандартные слова клятвы, никак не вязался с его фамилией, означающей «славный малый».

Покончив с предварительными вопросами, обвинитель глубже засунул руки в карманы и спросил:

— Скажите, профессор, когда и при каких обстоятельствах к вам обратились с предложением воспользоваться услугами робота И-Зет Двадцать Семь?

На маленьком, остром личике профессора появилось беспокойное выражение, но от этого оно не делалось менее сердитым.

— Мне приходится поддерживать профессиональные контакты с директором исследовательского отдела «Ю. С. Роботс» доктором Альфредом Ланнингом, а кроме того, мы знакомы лично. Вот почему я считал возможным выслушать до конца то странное предложение, с которым он обратился ко мне третьего марта прошлого года...

— То есть две тысячи тридцать третьего года?

— Совершенно верно.

— Простите, что прервал вас. Продолжайте, будьте добры.

Профессор холодно кивнул, нахмурился, припоминая все обстоятельства, и начал.

Профессор Гудфеллоу смотрел на робота с некоторым беспокойством. В соответствии с правилами перевозок роботов на Земле в подвал университет-

ского склада робота доставили в закрытом контейнере.

Это событие не застало профессора врасплох. После телефонного разговора третьего марта он все больше поддавался настойчивым уговорам доктора Лэннинга и вот оказался с роботом лицом к лицу.

На расстоянии вытянутой руки робот выглядел пугающе огромным.

Доктор Лэннинг внимательно осмотрел робота, словно желая убедиться, что его не повредили при перевозке, а затем повернул голову с гривой седых волос в сторону профессора и взглянул на него из-под мохнатых бровей.

— Перед вами робот И-Зет Двадцать Семь, первый серийный робот данной модели. — Лэннинг повернулся к роботу. — Познакомься с профессором Гудфеллоу, Изи.

— Здравствуйте, профессор.

Голос робота звучал совершенно бесстрастно, но от неожиданности профессор вадрогнул.

Робот напоминал пропорционально сложенного человека семи футов росту — внешность роботов всегда была рекламной алюминиевой фирмы «Ю. С. Роботс». Внешний вид да основные патенты на позитронный мозг — вот что обеспечило компании полную монополию в производстве роботов и почти полную монополию в производстве вычислительных машин.

Когда двое рабочих, доставивших робота, вышли из подвала, профессор Гудфеллоу несколько раз перевел взгляд с робота на Лэннинга.

— Надеюсь, он не опасен. — Судя по тону, профессор не питал на этот счет особых надежд.

— Куда менее опасен, чем, например, я, — ответил Лэннинг. — Меня вы можете вывести из себя настолько, что я вас ударю. А с Изи у вас ничего не по-

лучится. Вам ведь известны Три Закона роботехники?

— Да, конечно.

— Эти законы встроены в структуру связей позитронного мозга, и робот не в состоянии их нарушить. Для робота Первый Закон — охранять жизнь и благополучие людей — определяет цель его существования.

Он помолчал, потер щеку и добавил:

— Как бы нам хотелось убедить, наконец, в этом все человечество.

— Очень уж он огромен.

— Верно. Но вы убедитесь, что его внушительная внешность не мешает ему быть полезным.

— Каким все-таки образом? Из наших бесед по телефону я ничего определенного так и не узнал. Но я согласился взглянуть на ваше изделие и, как видите, сдержал свое обещание.

— Взглянуть мало, профессор. Вы захватили с собой, как я просил, какую-нибудь книгу?

— Да.

— Покажите ее, пожалуйста.

Не спуская глаз с металлической громадины в человеческом облике, профессор нагнулся и достал из портфеля толстый том.

Лэннинг посмотрел на корешок.

— «Физическая химия растворов электролитов». Прекрасно. Вы выбрали ее сами, наугад. Я не просил вас захватить именно эту монографию. Не так ли?

— Совершенно верно.

Лэннинг протянул книгу роботу И-Зет-27.

— Погодите! — Профессор даже подпрыгнул. — Это очень ценная книга!

Лэннинг приподнял лохматые брови.

— Уверяю вас, Изи вовсе не собирается рвать книгу с целью продемонстрировать свою силу. Он

умеет обращаться с книгами не менее бережно, чем я или вы. Продолжай, Изи.

— Благодарю вам, сэр, — сказал Изи. Затем слегка повернувшись, добавил: — Если позволите, профессор Гудфеллоу.

Профессор изумленно уставился на робота.

— Да... да, разумеется.

Медленными и плавными движениями металлических пальцев Изи принялся листать книгу; он кидал взгляд на левую страницу, затем на правую, переворачивал страницу и так минутой за минутой.

От робота исходило такое ощущение мощи, что двум людям, наблюдавшим за его действиями, начало казаться, что цементные своды стали ниже, а сами они превратились в карликов.

— Освещение здесь неважное, — пробормотал Гудфеллоу.

— Не имеет значения.

— Но что он делает? — уже более резким тоном спросил профессор.

— Терпение, сэр.

Наконец перевернута последняя страница.

— Мы слушаем, Изи, — сказал Лэннинг.

— Книга сделана в высшей степени тщательно и аккуратно, и я могу отметить лишь несколько мелких погрешностей, — начал робот. — На странице двадцать семь, строка двадцать вторая, слово «положительный» напечатано как «пойложительный». На тридцать шестой странице в шестой строке содержится лишняя запятая, а на пятьдесят четвертой странице в тринадцатой строке запятая пропущена. На странице триста тридцать седьмой в уравнении четырнадцать знак плюс следует заменить на минус, иначе это уравнение противоречит предыдущему...

— Пойдите! Пойдите! — вскричал профессор. — Что он делает?

— Что делает? — с неожиданным раздражением переспросил Лэннинг. — Да он все давно уже сделал. Он откорректировал вашу книгу.

— Откорректировал?

— Да. За то короткое время, которое понадобилось, чтобы перелистать страницы, робот обнаружил все орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки. Он отметил все стилистические погрешности и выявлял противоречия. И он сохранит эти сведения в своей памяти — буква в букву — неограниченное время.

У профессора отвисла челюсть. Он стремительно направился в дальний угол подвала и столь же стремительно вернулся обратно. Затем скрестил руки на груди и уставился на Лэннинга, потом на робота. После паузы он спросил:

— Вы хотите сказать, что это робот-корректор? Лэннинг кивнул.

— В том числе и корректор.

— Но для чего было демонстрировать его мне?

— Чтобы вы помогли мне предложить его университетскому совету.

— Для правки корректур?

— В том числе и для этого, — терпеливо повторил Лэннинг.

На морщинистом личике профессора появилось выражение брюзгливого недоверия.

— Но ведь это нелепо!

— Почему?

— А потому что университету не по карману этот корректор весом... самое малое в полтонны.

— Корректур — это еще не все. Он может составлять отчеты по заранее подготовленным материалам, заполнять анкеты и ведомости, проверять студенческие работы, служить картотекой...

— Все это мелочи.

— Напротив, — ответил Лэннинг, — и вы в этом сейчас убедитесь. Но мне кажется, что нам будет удобнее беседовать у вас в кабинете, если вы не возражаете.

— Разумеется, — машинально произнес профессор и направился к двери, но тут же остановился. — Позвольте, а робот? — раадраженно выпалил он. — Не можем же мы взять робота с собой. Нет, нет, доктор Лэннинг, вам придется заново его упаковать.

— Успеется. Мы оставим Изи здесь.

— Без присмотра?

— А почему нет? Он знает, что должен остаться здесь. Давно уже следовало бы понять, профессор Гудфеллоу, что на робота можно положиться куда спокойнее, чем на человека.

— В случае какого-нибудь ущерба отвечать придется мне.

— Я гарантирую, что никакого ущерба не будет. Послушайте, рабочий день уже кончился. До завтрашнего утра, полагаю, никто сюда не зайдет. Грузовик и двое рабочих ожидают снаружи. «Ю. С. Роботс» принимает на себя полную ответственность за любые последствия. Но ничего не произойдет. Пусть это будет экспериментальной проверкой, можно полагаться на робота или нет.

Профессор позволил увести себя из подвала. Но и пятью этажами выше, в стенах собственного кабинета, ему по-прежнему было не по себе.

Он промакнул белым платком мелкие капли пота на лбу.

— Вы прекрасно знаете, доктор Лэннинг, что законы запрещают использовать роботов на Земле.

— Дело обстоит не так просто, профессор Гудфеллоу. Роботов нельзя использовать на улицах, путях сообщения или в общественных зданиях. Использование же роботов в домах частных лиц или на при-

усадебных участках связано с таким количеством ограничений, что из этого, как правило, ничего не выходит. Однако университет не попадает ни в ту, ни в другую категорию. Это большое закрытое заведение, которому обычно предоставляют значительные льготы. Если робота будут держать в специальном помещении и использовать только для академических целей и если люди, имеющие доступ в это помещение, согласятся выполнять определенные правила и соблюдать установленные ограничения, то ни один закон не будет нарушен.

— Столько хлопот ради нескольких корректур?

— Поле деятельности этого робота, дорогой профессор, практически безгранично. До сих пор роботы использовали только для избавления человека от утомительного физического труда. А разве в науке нет черновой работы? Если профессор вместо того, чтобы заниматься творческим, созидательным трудом, вынужден тратить две недели своего драгоценного времени на нудную правку корректуры, а я предлагаю вам машину, способную выполнить ту же работу за полчаса, — это, по-вашему, мелочь?

— Да, но цена...

— Цена пусть нас не смущает. Купить И-Зет Двадцать Семь не может никто. «Ю. С. Роботс» не продает свою продукцию. Но университет может арендовать робота за тысячу долларов в год — это куда дешевле какой-нибудь самопишущей приставки к микроволновому спектрографу.

Гудфеллоу ошеломленно смотрел на своего гостя, и тот добавил, закрепляя успех:

— Впрочем, я прошу вас лишь об одном: поставить этот вопрос перед теми, кто у вас уполномочен принимать решения. Если им понадобится дополнительная информация, я всегда к их услугам.

— Что же, — неуверенно проговорил Гудфел-

лоу, — на той неделе состоится заседание университетского совета. Я расскажу на нем о вашем предложении. Только я ни за что не ручаюсь.

— Само собой разумеется.

Защитник — невысокого роста толстяк — так важно выпячивал грудь, что от этого его двойной подбородок становился еще заметнее. Когда настала его очередь допрашивать свидетеля, он долго разглядывал профессора Гудфеллоу и затем спросил:

— А ведь вы довольно охотно дали согласие?

— Дело в том, что мне не терпелось набавиться от доктора Лэннинга, — живо ответил профессор. — В тот момент я готов был согласиться на что угодно.

— С тем, чтобы как только он уйдет, сразу же позабыть про свое обещание?

— Видите ли...

— Но ведь это вы предложили университетскому совету арендовать робота?

— Да.

— Следовательно, ваше согласие вовсе не было отговоркой. Вы дали его охотно и сдержали свое обещание.

— Я действовал согласно принятой у нас процедуре.

— И вы вовсе не были так уж напуганы роботом, как это пытались здесь представить. Вы знаете Три Закона роботехники, и они вам были известны еще до той встречи с доктором Лэннингом?

— Ммм, да...

— Потому-то вы так легко и согласились оставить робота без присмотра?

— Доктор Лэннинг уверил меня...

— Но будь у вас хоть малейшие сомнения, вы не удовлетворились бы его заверениями, не так ли?

— У меня были все основания полагаться на слово...

— Вопросов больше не имею, — прервал его защитник.

Когда профессор Гудфеллоу в еще более чем прежде раздраженном настроении покинул свидетельскую скамью, судья Шейн слегка наклонился вперед и спросил:

— Поскольку я не специалист по роботам, то мне хотелось бы узнать точный смысл Трех Законов роботехники. Не мог бы доктор Лэннинг процитировать их суду?

Доктор Лэннинг в этот момент о чем-то шептался с сидевшей рядом седовласой женщиной. Вадрогнув от неожиданности, он встал. Женщина подняла голову — ее лицо было совершенно непроницаемо.

— Хорошо, ваша честь, — сказал доктор Лэннинг, сделал паузу, точно собирался проанести длинную речь, и заговорил, четко выделяя каждое слово:

— Первый Закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Второй Закон: робот должен повиноваться приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. Третий Закон: робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому или Второму Законам.

— Понимаю, — сказал судья, что-то быстро записывая. — И эти законы определяют поведение каждого робота?

— Каждого, без исключения. Любой специалист может это подтвердить.

— В том числе, робота И-Зет Двадцать Семь?

— Да, ваша честь.

— Возможно, вам придется повторить это утверждение под присягой.

— Я готов, ваша честь.

Он сел.

Его седовласая собеседница, Главный Робопсихолог компании «Ю. С. Роботс» доктор Сьюзен Кэлвин, поглядела на своего начальника без особого почтения. Впрочем, люди редко пользовались ее расположением.

— Показания Гудфеллоу были точными, Альфред? — спросила она.

— В целом, да, — пробормотал Лэннинг, — правда, он вовсе не был так уж напуган роботом, а когда услышал цену, то вполне был готов по-деловому обсудить мое предложение. Но в остальном он не слишком уклонился от истины.

— Было бы разумнее назначить более высокую цену, — задумчиво проговорила доктор Кэлвин.

— Мы старались пристроить Изи.

— Знаю. Возможно даже, что перестарались. Они представят это так, словно мы преследовали какие-то свои цели.

— Так оно и было, — раздраженно заметил доктор Лэннинг. — Я сам это признал на заседании университетского совета.

— Они могут представить дело так, словно мы признались в одних замыслах, чтобы скрыть другие, более тайные.

Скотт Робертсон, сын основателя «Ю. С. Роботс» и владелец контрольного пакета акций, наклонился к Сьюзен Кэлвин с другой стороны и прошептал оглушительным шопотом:

— Если бы вы заставили Изи рассказать, как все было на самом деле, мы бы сейчас знали, что к чему.

— Вам же известно, мистер Робертсон, что он не в состоянии говорить об этом.

— Так заставьте его! На то вы и психолог, доктор Кэлвин. Заставьте его говорить.

— Коль скоро я психолог, мистер Робертсон, — сухо произнесла Сьюзен Кэлвин, — так позвольте уж мне самой решать. Я не догадуюсь, чтобы моего робота принуждали к опасным для него действиям.

Робертсон нахмурился, но прежде, чем он успел что-то сказать, судья Шейн постучал молоточком, и разговор пришлось прекратить.

Теперь показания давал Фрэнсис Харт, декан филологического факультета; это был полнеющий мужчина в безукоризненном темно-сером костюме строгого покроя. Розовую лысину декана пересекали несколько жиденьких прядей волос. Он сидел, чуть откинувшись, аккуратно сложив руки на коленях, и время от времени натянуто улыбался.

— Впервые о роботе И-Зет Двадцать Семь я услышал от профессора Гудфеллоу на заседании университетского совета, — начал он. — Позднее, десятого апреля прошлого года, мы посвящали этому вопросу специальное заседание, на котором я был председателем.

— У вас сохранился протокол?

— Видите ли, — сухо улыбнулся декан, — мы не вели протокола. Наше заседание носило конфиденциальный характер.

— Что же произошло на этом заседании?

Сидя на председательском месте, декан Харт чувствовал себя не вполне уверенно. Заметно нервничали и другие члены совета. Один лишь доктор Лэннинг являл собой картину безмятежного спокойствия. Худой и высокий, с копной седых волос, он был похож на портреты президента Эндрю Джексона.

На столе перед членами совета лежали образцы заданий, выполненных роботом. Профессор физической химии Мэйнотт с одобрительной улыбкой разглядывал вычерченный Изи график.

Харт откашлялся и сказал:

— Робот, несомненно, способен компетентно выполнять определенную черновую работу. Перед заседанием я просмотрел эти образчики и должен заметить, что ошибок в них практически нет.

Он взял со стола длинные бумажные полосы, примерно втрое длиннее обычной книжной страницы. Это были типографские гранки, в которые авторы вносят исправления, прежде чем текст будет сверстан окончательно. Широкие поля гранок пестрели четкими корректурными знаками. Отдельные слова в тексте были вычеркнуты, а вместо них на полях были написаны другие таким красивым и четким шрифтом, что казалось, будто они тоже напечатаны. Синие чернила указывали, что ошибку допустил автор, красные — наборщик.

— Я полагаю, что ошибок нет не только практически, — сказал Лэннинг. — Готов поручиться, доктор Харт, что их нет вовсе. Я не знаком с текстом, но совершенно уверен, что корректура проведена безукоризненно. Если же рукопись содержит ошибки по существу вопроса, то их исправление не входит в обязанности робота.

— С этим никто и не спорит. Однако робот в нескольких местах изменил порядок слов, а я не уверен, что правила английской грамматики сформулированы настолько точно, чтобы мы могли надеяться, что поправки робота во всех случаях не искажат смысл.

— Позитронный мозг Изн, — ответил Лэннинг, обнажая в улыбке крупные зубы, — взял в себя содержание основных работ в области грамматики. Убежден, что вы не можете указать хотя бы на одну неверную поправку.

Профессор Мэйнотт оторвался от графика.

— Я хочу спросить, доктор Лэннинг, а зачем во-

обще для этой цели нужен робот, учитывая неблагоприятное общественное мнение и связанные с этим трудности? Уверен, что успехи науки в области автоматизации позволяют вашей фирме сконструировать вычислительную машину обычного и всеми признанного типа, которая была бы способна держать корректуру.

— Разумеется, это в наших силах, — сухо ответил Лэннинг, — но для такой машины потребуются кодировать текст при помощи специальных символов, а затем переносить его на перфоленгу. Машина будет выдавать поправки тоже в закодированном виде. Вам понадобятся программисты для перевода слов в символы и символов в слова. К тому же такая машина ни на что другое не будет способна. Например, она не сумеет вычертить график, который вы сейчас держите в руках.

Майнотт что-то пробурчал себе под нос.

— Гибкость и приспособляемость — вот важнейшие черты робота с позитронным мозгом, — продолжал Лэннинг. — Робот потому и сконструирован по образу человека, чтобы он мог пользоваться орудиями и приборами, которые люди испокон веку создавали для собственного употребления. Поэтому робот пригоден для выполнения самых различных заданий. С роботом можно разговаривать, и он способен отвечать. С ним можно даже поспорить, и его можно переубедить — в определенных пределах, разумеется. По сравнению с самым простеньким роботом с позитронным мозгом обычная вычислительная машина — всего лишь огромный арифмометр.

— Но если все примутся спорить с роботом и переубеждать его, то не кончится ли это тем, что робот вконец запутается? — спросил Гудфеллоу. — Полагаю, что способность робота усваивать новую информацию не безгранична.

— Верно. Но при нормальном использовании его памяти хватит по крайней мере на пять лет. Робот сам определит, когда его память будет нуждаться в очистке, и тогда наша компания выполнит эту работу без дополнительной оплаты.

— Ваша компания?

— Да. Компания оставляет за собой право обслуживать роботов своего производства и поддерживать их в рабочем состоянии. Поэтому мы и не продаем наших роботов, а лишь сдаем их в аренду. Пока робот выполняет те функции, для которых он предназначен, им может управлять любой человек. Но вне этих рамок необходимы опыт и знания, которыми обладают наши специалисты. Например, любой из вас в состоянии частично очистить память робота И-Зет. Для этого достаточно просто приказать ему, чтобы он забыл те или иные сведения. Но почти наверняка такой приказ будет сформулирован неточно, и робот забудет либо слишком мало, либо слишком много. Мы без труда обнаружим подобное манипулирование с роботом — для этой цели в мозг робота встроены специальные предохранительные устройства. Но поскольку в обычных условиях нет необходимости очищать память робота или совершать другие столь же бесполезные действия, то этой проблемы и не существует.

Декан Харт осторожно потрогал лысину, словно желая убедиться, что заботливо уложенные пряди лежат на своих местах, и сказал:

— Вы стремитесь уговорить нас арендовать эту машину. Но ведь для вас это явно убыточная операция. Тысяча в год — это смехотворно низкая цена. Может быть, «Ю. С. Роботс» надеется в результате этой сделки получить с других университетов более высокую арендную плату?

— Надежда вполне правомерная.

— Пусть так. Все равно число таких машин не может быть велико. Вряд ли эта операция принесет вам сколько-нибудь значительную прибыль.

Лэннинг положил локти на стол и с самым искренним видом наклонился вперед.

— Позвольте мне говорить напрямик, джентльмены. Широко распространенное предубеждение против роботов не позволяет, за исключением отдельных редких случаев, использовать их на Земле. «Ю. С. Роботс» получает неплохие прибыли на внеземном рынке: наши роботы работают на космических кораблях и на других планетах. Я не говорю уже о наших филиалах, выпускающих вычислительные машины. Но нас волнуют не только прибыли. Мы твердо верим, что использование роботов на Земле принесет людям неисчислимые блага, даже если вначале оно и обернется некоторыми экономическими неурядицами. Против нас профсоюзы, это естественно, но мы вправе ждать поддержки от крупных университетов. Робот Иззи освободит вас от черной работы, он станет вашим рабом, рабом корректуры. Затем вашему примеру последуют другие университеты и исследовательские центры, и если дело пойдет на лад, то затем вам удастся разместить роботов и других типов, и так шаг за шагом мы постепенно сумеем развеять это злосчастное предубеждение.

— Сегодня Северо-восточный университет, завтра — весь мир, — пробормотал себе под нос профессор Мэйнотт.

— Я вовсе не был так красноречив, — сердито прошептал Лэннинг на ухо Сьюзен Кэлвин, — да и они тоже совсем не упирались. Их более чем устраивала перспектива заполучить Иззи за тысячу в год. Профессор Мэйнотт сказал мне, что он никогда еще

не видел так красиво вычерченного графика, а в корректуре не было ни единой ошибки. Харт охотно признал это.

Суровые вертикальные морщинки на лбу Сьюзен Калвин обозначились еще более резко.

— Все равно, Альфред, вам следовало бы для начала назначить такую цену, которую они бы явно не смогли заплатить, а уж потом, когда они стали бы уговаривать вас сбавить ее, пойти на уступки.

— Возможно, — нехотя согласился Лэннинг.

Обвинитель продолжал допрос свидетеля.

— После того как доктор Лэннинг вышел, вы поставили вопрос об аренде робота на голосование?

— Совершенно верно.

— И каков был результат?

— Большинство голосов было решено принять сделанное нам предложение.

— Как вы думаете, что решило исход голосования?

Защитник немедленно заявил протест.

Обвинитель перефразировал вопрос.

— Что повлияло на вас лично? Если не ошибаюсь, вы голосовали «за»?

— Совершенно верно. Я голосовал за то, чтобы принять предложение «Ю. С. Роботс», так как на меня произвели впечатление слова доктора Лэннинга о том, что мы, ученые, обязаны развеять предубеждения человечества против роботов и тогда люди смогут использовать роботов для того, чтобы облегчить свой труд.

— Другими словами, вы поддались на уговоры доктора Лэннинга?

— Перед доктором Лэннингом стояла задача уговорить нас. Он прекрасно с ней справился.

— Передаю свидетеля вам, — сказал обвинитель, обращаясь к защитнику.

Адвокат вышел вперед и несколько секунд внимательно разглядывал профессора Харта.

— На самом деле всем вам очень хотелось получить в аренду робота И-Зет Двадцать Семь, не правда ли?

— Мы надеялись, что робот, если он и впрямь сможет выполнять указанные операции, будет нам полезен.

— Если сможет? Насколько я понял, перед тем заседанием, которое вы нам только что описали, именно вы внимательно ознакомились с образчиками деятельности робота И-Зет Двадцать Семь?

— Да, я. Поскольку робот в основном предназначен для исправления грамматических и стилистических ошибок, а английский язык — это моя специальность, то было логично поручить проверку работы машины именно мне.

— Очень хорошо. Так вот, среди всех образчиков было ли хоть одно задание, с которым бы робот справился не вполне удовлетворительно? Вот эти образчики, они фигурируют в деле в качестве вещественных доказательств. Можете ли вы указать среди них хотя бы один неудовлетворительный пример?

— Видите ли...

— Я задал вам простой вопрос. Вы проверяли эти материалы. Можете ли вы указать хотя бы одну ошибку робота?

Профессор нахмурился.

— Нет.

— Перед вами образчики заданий, выполненных роботом за четырнадцать месяцев его деятельности в Северо-восточном университете. Не будете ли вы так добры ознакомиться с ними и указать хотя бы одну единственную ошибку?

— Когда он в конце концов ошибся, то это была всем ошибкам ошибка! — отрезал профессор.

— Отвечайте на мой вопрос, — загремел защитник, — и только на него! Можете ли вы отыскать хоть одну ошибку в этих материалах?

Декан Харт внимательно просмотрел каждый лист.

— Здесь все в порядке.

— Если исключить тот случай, который сейчас рассматривает суд, знаете ли вы хотя бы об одной ошибке, допущенной роботом И-Зет Двадцать Семь?

— Если исключить случай, рассматриваемый судом, то не знаю.

Защитник откашлялся, словно отмечая конец абзаца, и задал новый вопрос:

— Вернемся теперь к голосованию. Вы сказали, что большинство голосовало за аренду. Как распределелись голоса?

— Насколько я помню, тринадцать против одного.

— Тринадцать против одного! Не кажется ли вам, что это нечто большее, чем просто большинство?

— Нет, сэр, не кажется, — весь профессорский педантизм свидетеля вырвался при этом вопросе наружу. — Слово «большинство» означает «больше, чем половина». Тринадцать из четырнадцати — это большинство, и ничего больше.

— Практически единогласно.

— И тем не менее всего лишь большинство.

Защитник изменил направление атаки.

— И кто же был единственным несогласным?

Декан Харт заметно смутился.

— Профессор Саймон Нинхаймер.

Защитник разыграл изумление.

— Профессор Нинхаймер? Заведующий кафедрой социологических наук.

— Да, сэр.

— То есть истец?

— Да, сэр.

Защитник поджал губы.

— Иными словами, вдруг обнаружилось, что человек, требующий у моего клиента, «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн», возмещение ущерба в размере семисот пятидесяти тысяч долларов, и был тем единственным, кто с самого начала возражал против аренды робота, вопреки единодушному мнению всех остальных членов совета.

— Он голосовал против — это его право.

— Кстати, когда вы рассказывали о том заседании, вы не упомянули ни об одном замечании профессора Нинхаймера. Он что-нибудь говорил?

— Кажется, да.

— Только кажется?

— Он высказал свое мнение.

— Против аренды робота?

— Да.

— В резкой форме?

— Он был просто вне себя, — ответил декан Харт после небольшой паузы.

В голосе защитника появились вкрадчивые нотки.

— Профессор Харт, скажите, вы давно знакомы с профессором Нинхаймером?

— Лет двенадцать.

— И хорошо его знаете?

— Думаю, что да.

— Не кажется ли вам, что это было в его характере — затаить алобу против робота, тем более что результаты голосования...

Конец фразы нельзя было расслышать из-за негодующих возражений обвинителя. Защитник заявил, что у него больше нет вопросов к свидетелю, и судья Шейн объявил перерыв на обед.

Робертсон угрюмо жевал бутерброд. Конечно, три четверти миллиона корпорацию не разорят, но и эти

деньги лишними не назовешь. К тому же неблагоприятная реакция общественного мнения в случае проигрыша процесса обойдется в конечном итоге еще дороже.

— Зачем им понадобилось так обсасывать вопрос о том, как Иззи попал в университет? — раздраженно спросил он. — Что они этим собираются добиться?

— Видите ли, мистер Робертсон, — спокойно ответил адвокат, — судебное разбирательство напоминает шахматную партию. Выигрывает тот, кто сумеет оценить ситуацию на большее число ходов вперед, и мой коллега, представляющий интересы истца, отнюдь не новичок в этой игре. Доказать, что истцу нанесен ущерб, они могут без особых хлопот. Главные их усилия направлены на то, чтобы заранее подорвать нашу защиту. Они, вероятно, полагают, что мы будем пытаться доказать на основании Законов роботехники, что Иззи просто не мог совершить подобное действие.

— Но ведь так оно и есть, — сказал Робертсон. — Лучший довод в нашу пользу и придумать трудно.

— Да, для тех, кто знает роботехнику. Однако судье этот довод может показаться не слишком убедительным. Обвинение пытается создать впечатление, будто И-Зет Двадцать Семь — не вполне обычный робот. Это первый робот данного типа, переданный потребителю. Иными словами, это экспериментальная модель, которой необходимо пройти рабочие испытания, а университет оказался наиболее удобным местом для проведения таких испытаний. Настойчивые усилия доктора Лэннинга и низкая арендная плата делают такое толкование очень правдоподобным. После этого обвинение станет утверждать, что испытания показали непригодность модели. Теперь вы понимаете подоплеку их маневров?

— Но ведь И-Зет Двадцать Семь — прекрасная,

хорошо отлаженная модель, — возразил Робертсон. — Не забывайте, что в своей серии он был двадцать седьмым!

— А это уж и вовсе довод не в нашу пользу, — мрачно ответил защитник. — Почему не пошли первые двадцать шесть? Что-то, видно, с ними было не так. Почему же тогда и в двадцать седьмом не может быть дефектов?

— Никаких дефектов в первых двадцати шести моделях не было — просто их позитронный мозг оказался слишком примитивным для данной работы. Мы только приступали к созданию позитронного мозга нужного типа и продвигались к цели почти вслепую, методом проб и ошибок. Но все эти роботы подчинялись Трем Законам. Нарушить Три Закона не может ни один робот, как бы несовершенен он ни был.

— Доктор Лэннинг уже объяснил мне все это, мистер Робертсон, и я вполне готов положиться на его слово. Но судья может придерживаться другого мнения. Решение по нашему делу должен вынести честный и неглупый человек, но он не сведущ в робот-психологии, и его нетрудно сбить с толку. Вот вам пример. Если вы, или доктор Лэннинг, или доктор Калвин, выступая в качестве свидетелей, заявите, что позитронный мозг создают методом проб и ошибок, как вы только что здесь сказали, то обвинитель сделает из вас котлету и процесс будет проигран безвозвратно. Так что остерегайтесь необдуманных высказываний.

— Если бы только Иван заговорил, — проворчал Робертсон.

— Что толку! — пожал плечами защитник. — Это ничего бы не дало. Робот не может быть свидетелем.

— Мы хотя бы знали факты. Узнали бы, наконец, почему он совершил этот поступок.

— А это нам и без того известно.

Голос Сьюзен Кэлвин потерял ледяную сухость. а на ее щеках заалели багровые пятна.

— Ему приказали! Я уже объяснила это адвокату, могу теперь и вам объяснить.

— Кто приказал? — искренне изумился Робертсон. (Никто ему ничего никогда не рассказывает, обиженно подумал он. Черт возьми, эти ученые ведут себя так, словно они и есть настоящие владельцы «Ю. С. Роботс»!)

— Истец, — ответила доктор Кэлвин.

— Зачем ему это понадобилось?

— Еще не знаю. Может, просто для того, чтобы предъявить нам иск и отсудить кругленькую сумму.

В ее глазах при этом появился холодный блеск.

— Что же мешает Изи сказать об этом?

— Неужели и это не ясно? Ему приказали молчать — вот и все.

— С какой стати это ясно? — раздраженно попытался Робертсон.

— Во всяком случае, это ясно мне. Хотя Изи отказывается отвечать на прямые вопросы, но на косвенные вопросы он отвечает. Измеряя степень нерешительности, возрастающую по мере приближения к сути дела, а также площадь затронутого участка мозга и величину отрицательных потенциалов, можно с математической точностью доказать, что его поведение вызвано приказом молчать, причем сила приказа соответствует Первому Закону. Говоря попросту, роботу объяснили, что если он проговорится, то причинит вред человеку. Надо думать, этот человек и есть сам истец, этот мерзкий профессор Нинхаймер, которого робот все же воспринимает как человека.

— Хорошо, а почему бы вам не объяснить ему, что его молчание повредит «Ю. С. Роботс»? — спросил Робертсон.

— «Ю. С. Роботс» не является человеком, а на корпорации в отличие от юридических законов не распространяется Первый Закон роботехники. Кроме того, попытка снять запрет может повредить мозг робота. Снять запрет с минимальным риском может только тот, кто приказал Изи молчать, поскольку все усилия робота сейчас сосредоточены на том, чтобы уберечь этого человека от опасности. Любой другой путь... — Сьюзен Кэлвин покачала головой, и лицо ее снова сделалось бесстрастным. — Я не допущу, чтобы пострадал робот, — закончила она.

— По-моему, вполне достаточно будет доказать, что робот не в состоянии совершить поступок, который ему приписывают, а это нам нетрудно! — У Лэннинга был такой вид, словно он поставил проблему с головы на ноги.

— Вот именно вам! — раздраженно отозвался адвокат. — Как назло, все эксперты, способные засвидетельствовать, что творится в мозгах у робота, состоят на службе у «Ю. С. Роботс». Боюсь, судья может не поверить в непредубежденность ваших показаний.

— Но разве он может принять решение вопреки свидетельским показаниям экспертов?

— Разумеется, если вы его не убедите. Это его право как судьи. Неужели вы полагаете, что технический жаргон ваших инженеров прозвучит для судьи более убедительно, чем предположение, будто такой человек, как профессор Нинхаймер, способен — пусть даже ради очень крупной суммы — намеренно погубить свою научную репутацию. Судья тоже человек. Если ему приходится выбирать, кто из двоих — робот или человек — совершил невозможный для них поступок, то скорее всего он вынесет решение в пользу человека.

— Но человек способен на невозможный посту-

пок, — возразил Лэннинг, — потому что мы не знаем всех тонкостей человеческой психологии и не в состоянии определить, что возможно для данного человека, а что — нет. Но мы точно знаем, что невозможно для робота.

— Что ж, посмотрим, удастся ли нам убедить в этом судью, — устало ответил защитник.

— Если все обстоит так, как вы говорите, — проворчал Робертсон, — я не понимаю, как вы вообще надеетесь выиграть процесс.

— Поживем — увидим. Всегда полезно отдавать себе отчет в предстоящих трудностях, но не будем падать духом. Я тоже продумал партию на несколько ходов вперед. — Он учтиво наклонил голову в сторону Сьюзен Калвин и добавил:

— ...с любезной помощью этой дамы.

— Это еще что? — удивленно посмотрел на них Лэннинг.

Но как раз в этот момент судебный пристав просунул голову в дверь и, отдуваясь, возвестил, что заседание начинается.

Они заняли свои места и принялись разглядывать человека, который заварил всю эту кашу.

У Саймона Нинхаймера была пышная рыжеватая шевелюра, нос с горбинкой, острый подбородок и манера предварять ключевое слово верешительной паузой, создававшей впечатление мучительных поисков недостижимой точности выражений. Когда он произносил: «Солнце всходит... мм... на востоке», не оставалось сомнений, что он с должным вниманием рассмотрел и все остальные варианты.

— Вы возражали против аренды робота И-Зет Двадцать Семь? — спросил обвинитель.

— Да, сэр.

— Из каких соображений?

— У меня содалось впечатление, что мы не

вполне понимаем... ммм... мотивы, движущие «Ю. С. Роботс». Меня смущала та настойчивость, с которой они пытались навязать нам своего робота.

— Вы полагали, что он не сможет справиться с порученной ему работой?

— Я убедился в этом на деле.

— Не могли бы вы рассказать, как это произошло?

Свою монографию «Социальные конфликты, связанные с космическими полетами, и их разрешение» Саймон Нинхаймер писал восемь лет. Его страсть к точности выражений не ограничивалась устной речью: поиски строгих и отточенных формулировок в столь неточной науке, как социология, отнимали все его силы.

Даже появление корректурных листов не создало у Нинхаймера ощущения, что его труд близок к завершению. Скорее напротив. Глядя на длинные полосы гранок, он испытывал непреодолимое желание рассыпать набор и переписать всю книгу заново.

Через три дня после получения корректуры Джим Бейкер, преподаватель и не сегодня-завтра доцент кафедры, вошел к Нинхаймеру и застал его в рассеянном созерцании пачки гранок. Типография прислала их в трех экземплярах: над первым должен был работать сам Нинхаймер, над вторым — независимо от него Бейкер, а в третий после обсуждения должны были быть внесены окончательные поправки. Они выработали эту практику за три года совместной работы, и она себя вполне оправдывала.

В руках у Бейкера был его экземпляр корректуры.

— Я кончил проверять первую главу, — весело произнес он. — В ней есть такие типографские перлы!

— В первой главе их всегда полно, — безучастно отозвался Нинхаймер.

— Займемся сверкой прямо сейчас?

Нинхаймер поднял голову и мрачно уставился на Бейкера.

— Я не притрагивался к корректуре, Джим. Я решил не утруждать себя.

— Не утруждать? — Бейкер вконец растерялся.

Нинхаймер поджал губы:

— Я решил... ммм... воспользоваться машиной. Коль на то пошло, ее предложили нам в качестве... мм.. корректора. Меня включили в график.

— Машину? Вы хотите сказать — Изи?

— Я слышал, что ее называют этим дурацким именем.

— А я-то думал, доктор Нинхаймер, что вы предпочли бы обойтись без ее помощи!

— По-видимому, я единственный, кто ею не пользуется. Почему бы и мне не получить... мм... свою долю благ.

— Выходит, зря я корпел над первой главой, — расстроено произнес молодой человек.

— Не зря. Мы используем эту работу для проверки.

— Разумеется, если вы считаете это нужным, только...

-- Что?

— Сомневаюсь, что после Изи работу нужно проверять. Говорят, он никогда не ошибается.

— Возможно и так, — сухо ответил Нинхаймер.

Четыре дня спустя Бейкер вновь принес первую главу. На сей раз это был экземпляр Нинхаймера, только что доставленный из специальной пристройки, где работал Изи.

Бейкер торжествовал.

— Доктор Нинхаймер, он не только обнаружил

все замеченные мной опечатки, он нашел еще с десяток, которые я пропустил! И на все у него ушло только двенадцать минут!

Нинхаймер просмотрел пачку листов с аккуратными четкими пометками и исправлениями на полях.

— Полагаю, что мы с вами лучше бы справились с этой задачей. В первую главу следует включить ссылку на работу Сузуки о влиянии слабых гравитационных полей на первную систему.

— Вы вместе в виду его статью в «Социологическом обзоре»?

— Совершенно верно.

— Нельзя требовать от Изи невозможного. Он не в состоянии следить вместо нас с вами за научной литературой.

— Это я понимаю. Дело в том, что я подготовил нужную вставку. Я собираюсь выйти к машине и удостовериться, что она... мм... умеет делать вставки.

— Конечно, умеет.

— Предпочитаю убедиться в этом лично.

Нинхаймер попросил разрешения поговорить с роботом, но смог получить лишь пятнадцать минут, и то поздно вечером.

Впрочем, пятнадцати минут вполне хватило. Робот И-Зет-27 сразу понял, как делают вставки.

Нинхаймер впервые оказался на таком близком расстоянии от робота, и ему стало не по себе. Машинально он спросил у робота, словно тот был человеком:

— Вам нравится ваша работа?

— Чрезвычайно нравится, профессор Нинхаймер, — серьезно ответил Изи.

Фотоэлементы, заменявшие ему глаза, отвечивали, как обычно, темно-красными бликами.

— Вы меня знаете?

— Вы передали мне дополнительный материал для включения в корректуру, из чего следует, что вы автор книги. Фамилия автора напечатана сверху каждого корректурного листа.

— Понимаю. Следовательно, вы способны... мм... делать логические заключения. Скажите, — не удержался он от вопроса, — а что вы думаете о моей книге?

— Я нахожу, что с ней очень приятно работать, — ответил Изи.

— Приятно? Что за странное выражение со стороны... мм... бесчувственного автомата. Мне говорили, что вы не способны испытывать какие-либо эмоции.

— Слова вашей книги хорошо сочетаются со схемой позитронных связей в моем мозгу, — объяснил Изи. — Они почти никогда не вызывают отрицательных потенциалов. Заложенная в меня программа переводит это механическое состояние словом «приятно». Эмоции тут ни при чем.

— Понимаю. А почему книга кажется вам приятной?

— Она посвящена людям, профессор, а не математическим символам или неодушевленным предметам. В своей книге вы пытаетесь понять людей и способствовать их счастью.

— А это совпадает с целью, ради которой вы созданы, поэтому моя книга хорошо сочетается со схемой связей у вас в мозгу?

— Именно так, профессор.

Четверть часа истекли. Нинхаймер вышел и направился в университетскую библиотеку. Он попал в нее перед самым закрытием, но успел все же размыслить учебник по роботсикологии и унес его домой.

Если не считать отдельных вставок, корректура поступала теперь из типографии к Изи, а от него снова шла в типографию. Первое время Нинхаймер на-

редка просматривал гранки, а затем и вовсе перестал в них заглядывать.

— Мне начинает казаться, что я лишний, — смущенно признался Бейкер.

— Пусть лучше вам начнет казаться, что у вас высвободилось время для новой работы, — ответил Нинхаймер, продолжая делать пометки в только что полученном номере реферативного журнала «Социальные науки».

— Просто я никак не привыкну к новому порядку. Я продолжаю беспокоиться из-за корректуры. Это глупо, я знаю.

— Крайне глупо.

— Вчера я просмотрел несколько листов, прежде чем Иви отослал их...

— Что?! — Нинхаймер нахмурившись посмотрел на Бейкера. Журнал, который он выпустил из рук, закрылся. — Вы вмешались в работу машины?

— Всего лишь на минуту. Все было в полном порядке. Кстати, Иви заменил одно слово. Вы охарактеризовали какое-то действие как преступное, а Иви заменил это слово на «безответственное». Он решил, что второе определение лучше соответствует контексту.

— А как по-вашему? — задумчиво спросил Нинхаймер.

— Знаете, я согласен с Иви. Я оставил его поправку.

Нинхаймер повернулся вместе с вращающимся креслом к своему молодому помощнику.

— Послушайте, мне бы не хотелось, чтобы это повторялось. Если уж приходится пользоваться услугами машины, надо пользоваться ими... мм... в полной мере. Что же я выигрываю, обращаюсь к машине, если при этом я лишаюсь... мм... вашей помощи, поскольку вы растрачиваете время на контроль машины, весь

смысл которой в том, что она не нуждается в контроле. Вы поняли?

— Хорошо, доктор Нинхаймер, — смиренно прозвонил Бейкер.

Авторские экземпляры «Социальных конфликтов» были получены на кафедре Нинхаймера 8 мая. Он мельком перелистал страницы, пробежав глазами несколько абзацев, и убрал книги.

Позднее он объяснял, что совсем забыл про них. Восемь лет трудился он над своей монографией, но в течение прошлых месяцев все заботы о выпуске книги перешли к Изи, а его полностью поглотили новые интересы. Он не удосужился подарить традиционный экземпляр университетской библиотеке. Даже Бейкер, который после недавнего выговора с головой ушел в работу и старался не попадаться заведующему кафедрой на глаза, даже он не получил книги в подарок.

Этот период забвения окончился 16 июня. В кабинете Нинхаймера раздался телефонный звонок, и профессор изумленно уставился на экран.

— Шпейдель? Вы приехали?

— Нет, сэр! Я звоню из Кливленда! — Голос Шпейделя прерывался от плохо сдерживаемого гнева.

— Что же вы хотите мне сказать?

— А то, что я только сейчас кончил просматривать вашу новую книгу! Нинхаймер, что с вами? Уж не сошли ли вы с ума?

Нинхаймер весь напрягся.

— Вы нашли.. мм... ошибку? — с беспокойством спросил он

— Ошибку?! Да вы только взгляните на пятьсот двадцать шестую страницу. Как вы посмели настолько извратить мою работу? Где в цитируемой вами статье я утверждаю, будто преступная личность — это фикция, а подлинными преступниками являются полиция и суд? Вот послушайте...

— Стойте! Стойте! — завопил Нинхаймер, лихорадочно листая страницы. — Позвольте мне взглянуть!... О боже!

— И что вы скажете?

— Шпейдель, я ума не приложу, как это могло произойти. Я никогда не писал ничего подобного.

— Это напечатано черным по белому! И это еще далеко не самое худшее. Загляните на страницу шестьсот девяностую и попробуйте вообразить, что из вас сделает Ипатьев, когда узнает, как вы обошлись с его выводами! Послушайте, Нинхаймер, ваша книга буквально напичкана подобными подтасовками. Не знаю, о чем вы думали... но, по-моему, у вас нет иного выхода, как изъять книгу из продажи. И вам долго придется приносить извинения на следующей конференции социологов!

— Шпейдель, выслушайте меня...

Но Шпейдель с такой яростью дал отбой, что по экрану пошли цветные пятна.

Вот тогда-то Нинхаймер уселся за книгу и принялся отмечать абзацы красными чернилами.

При новой встрече с роботом профессор на редкость хорошо сохранял самообладание, только губы у него совсем побелели. Он протянул книгу Изз.

— Будьте добры прочитайте абзацы, отмеченные на страницах пятьсот шестьдесят два, шестьсот тридцать один, шестьсот шестьдесят четыре и шестьсот девяносто.

Роботу понадобилось четыре взгляда.

— Готово, профессор Нинхаймер.

— Эти абзацы отличаются от первоначального текста.

— Да, сэр. Отличаются

— Это вы их переделали?

— Да, сэр.

— Почему?

— Эти абзацы, в том виде, как вы их написали, сэр, содержали весьма неодобрительные отзывы о некоторых группах людей. Я считал целесообразным изменить некоторые формулировки, чтобы эти люди не пострадали.

— Да как вы осмелились?

— Профессор, Первый Закон не позволяет мне бездействовать, если вследствие этого могут пострадать люди. А принимая во внимание вашу репутацию ученого и ту известность, которую ваша книга получит среди социологов, нетрудно понять, что ваши неодобрительные отзывы причинят этим людям несомненный вред.

— А вы понимаете, какой вред вы причинили мне?

— Из двух зол необходимо выбирать меньшее.

Профессор Нинхаймер ушел вне себя от ярости. Он твердо решил призвать «Ю. С. Роботс» к ответу.

Легкое смятение за столом защиты постепенно возросло, когда обвинение поспешило закрепить достигнутый успех.

— Итак, робот И-Зет Двадцать Семь сообщил вам, что его действия были вызваны Первым Законом роботехники?

— Совершенно верно, сэр.

— Иными словами, у робота не было выбора?

— Да, сэр.

— Отсюда вытекает, что «Ю. С. Роботс» создала робота, который неизбежно должен переделывать книги в соответствии со своими понятиями о том, что хорошо и что плохо, и этого робота они выдали за простого корректора. Вы согласны?

Защитник немедленно заявил протест, указав, что обвинитель спрашивает мнение свидетеля по вопросу, в котором тот не компетентен. Судья принял протест

и указал обвинителю на недопустимость таких вопросов, но можно было не сомневаться, что стрела попала в цель — по крайней мере, у защитника не осталось на этот счет никаких иллюзий.

Защитник в свою очередь перед тем, как начать допрос свидетеля, попросил судью, ссылаясь на процессуальные формальности, объявить пятиминутный перерыв, что и было сделано.

Защитник наклонился к Сьюзен Кэлвин.

— Скажите, доктор Кэлвин, существует ли хотя бы малая вероятность, что профессор Нинхаймер говорит правду и поведение Иви было обусловлено действием Первого Закона?

— Нет! — сухо ответила Сьюзен Кэлвин. — Это совершенно исключено. Последняя часть показаний Нинхаймера — намеренное лжесвидетельство. Иви не способен выносить суждения об абстрактных идеях, содержащихся в научной монографии по социологии. Он не в состоянии сделать вывод, что та или иная фраза причинит вред определенным группам людей. Попросту говоря, его мозг не годится для этого.

— Боюсь, что мы никогда не сможем доказать это неспециалистам, — с безнадежным видом проивнес защитник.

— Не сможем, — согласилась Сьюзен Кэлвин. — Доказательство носит очень сложный характер. Наш единственный выход: показать, что Нинхаймер лжет. Наша линия остается прежней.

— Хорошо, доктор Кэлвин, — ответил защитник, — я полагаюсь на ваше слово. Будем действовать в соответствии с намеченным планом.

Судья поднял и опустил свой молоточек, и доктор Нинхаймер вновь приготовился давать показания. Он еле заметно улыбался, как человек, сознающий несокрушимость своей позиции и с наслаждением предвкушающий бессильные атаки противника.

Защитник начал допрос осторожно и без нажима.

— Итак, доктор Нинхаймер, вы утверждаете, что не имели ни малейшего понятия о поправках, якобы внесенных в вашу рукопись, и узнали о них только из разговора с доктором Шпейделем шестнадцатого июня сего года?

— Совершенно верно, сэр.

— И вы ни разу не просматривали гранки, выправленные роботом И-Зет Двадцать Семь?

— Вначале просматривал, но затем счел это пустым занятием. Я доверился рекламным утверждениям «Ю. С. Роботс». Эти абсурдные... мм... поправки появились лишь в последней четверти книги после того, как робот, я полагаю, нахватался некоторых познаний в социологии...

— Ваши предположения к делу не относятся! — остановил его защитник. — Согласно вашим показаниям, доктор Бейкер по крайней мере один раз видел гранки последней части. Это так?

— Да, сэр. Он сказал мне, что видел один лист и что в этом листе робот заменил одно слово другим.

— Не кажется ли вам странным, сэр, — вновь прервал его защитник, — что после года непримиримой вражды к роботу, после того как вы голосовали против аренды робота, после того как вы категорически отказывались использовать его, не кажется ли вам после всего этого несколько странным ваше решение доверить роботу вашу монографию, труд вашей жизни?

— Не вижу в этом ничего странного. Просто я решил, что могу использовать машину, раз уж мы ее арендуем.

— И вы вдруг прониклись таким доверием к роботу, что даже не удосужились просмотреть после него гранки?

— Я уже сказал вам, что я... мм... поверил пропаганде «Ю. С. Роботс».

— Настолько уверовали, что даже устроили разнос своему коллеге доктору Бейкеру за попытку проверить робота?

— Я не устраивал ему разноса. Просто я не хотел, чтобы он... ммм... вря тратил время. Тогда это казалось мне пустой тратой времени, и я не придавал особого значения замене слова в...

— Я совершенно уверен, — с подчеркнутой иронией произнес защитник, — что вам посоветовали упомянуть об эпизоде с заменой слова, чтобы это обстоятельство попало в протокол..., — предупреждая неминуемый протест обвинения, защитник оборвал фразу и изменил направление атаки. — На самом деле вы крайне рассердились на доктора Бейкера.

— Нет, сэр. Ничуть.

— Но вы не подарили ему свою книгу после ее выхода в свет.

— Простая забывчивость. Я в библиотеке не подарил ни одного экземпляра. Профессора славятся своей рассеянностью. — Нинхаймер позволил себе осторожно улыбнуться.

— А не кажется ли вам странным, что после более чем года безупречной работы робот И-Зет Двадцать Семь допустил ошибки именно в вашей книге? В книге, написанной вами, непримиримым врагом роботов?

— Моя книга была первым значительным трудом о людях, с которым ему пришлось иметь дело. Тут-то и вступили в действие Три Закона роботехники.

— Вы говорите сейчас так, доктор Нинхаймер, — сказал защитник, — словно вы специалист в области робо-психологии. Бесспорно, вы вдруг весьма заинтересовались робо-психологией и даже брали в библиотеке книги по этому предмету. Вы сами упомянули об этом факте, не так ли?

— Всего одну книгу, сэр. Поступок, который мне

кажется следствием... ммм... вполне естественного любопытства.

— И эта единственная книга, как вы утверждаете, позволила вам понять, почему робот искажал именно вашу монографию?

— Да, сэр.

— Чрезвычайно удобное объяснение. А вы уверены, что ваш интерес к робопсихологии не был вызван стремлением научиться управлять роботом, чтобы потом использовать его в своих тайных целях?

— Разумеется нет, сэр! — Нинхаймер побагровел. Защитник повысил голос:

— Иными словами, уверены ли вы, что этих, будто бы искаженных, абзацев не было в вашей рукописи?

Социолог приподнялся в кресле.

— Это... ммм... ммм... просто великоле! У меня есть гранки...

Он не в силах был продолжать, и обвинитель, поднявшись с места, обратился к судье:

— Ваша честь, с вашего позволения я намереваюсь представить в качестве вещественного доказательства корректурные листы, переданные доктором Нинхаймером роботу И-Зет Двадцать Семь, и корректурные листы, отправленные указанным роботом в издательство. Я готов, если того пожелает мой многоуважаемый коллега, сделать это немедленно, и не буду возражать против перерыва заседания с целью сравнения двух экземпляров корректуры.

— В этом нет нужды, — нетерпеливо отмахнулся защитник. — Мой уважаемый оппонент может представить эти гранки в любое удобное для него время. Я несколько не сомневаюсь, что в них будут обнаружены все противоречия, о которых говорил пестец. Мне бы, однако, хотелось спросить свидетеля, нет ли у него также экземпляра гранок, принадлежавшего доктору Бейкеру?

— Гранок доктора Бейкера? — нахмурившись переспросил Нинхаймер. Он все еще плохо владел собой.

— Именно так, профессор! Меня интересуют гранки доктора Бейкера. Вы сказали, что доктор Бейкер получил от издательства отдельный экземпляр гранок. Я могу попросить секретаря зачитать ваши показания, коль скоро вы стали страдать избирательной потерей памяти. Или это пресловутая профессорская рассеянность, как вы изволили выразиться?

— О гранках доктора Бейкера я помню, — ответил Нинхаймер. — После того как работу передали корректурной машине, необходимость в них отпала...

— И вы их сожгли?

— Нет. Я выбросил их в корзинку для бумаг.

— Сожгли, выбросили — не все ли равно? Суть в том, что вы от них избавились.

— Это не имеет отношения к делу, — вяло возражал Нинхаймер.

— Не имеет отношения? — загремел защитник. — Абсолютно никакого, если не считать того обстоятельства, что теперь уже невозможно проверить, не воспользовались ли вы неправленными листами из экземпляра доктора Бейкера, чтобы подменить корректурные листы в вашем собственном экземпляре, те самые листы, которые вы намеренно искажали, чтобы заставить работа...

Обвинитель яростно запротестовал. Судья Шейн перегнулся через стол, пытаясь выразить на своем добродушном лице всю силу своего негодования.

— Можете ли вы, господин адвокат, привести доказательства, подтверждающие ваше крайне странное заявление? — спросил судья.

— У меня нет прямых доказательств, ваша честь, — негромко ответил защитник. — Но я хочу указать на то, как неожиданно истец отказался от своего предубеждения против роботов, на его внезапный

интерес к робопсихологии, на то обстоятельство, что он отказался от проверки гранок и не разрешил кому-либо их проверять, на тот факт, что он сознательно никому не показывал свою книгу после ее выхода из печати—все эти факты, вместе взятые, четко указывают...

— Господин адвокат! — нетерпеливо прервал его судья. — Здесь не место для изощренных логических построений. Истец не находится под судом. А вы не являетесь прокурором. Я категорически запрещаю подобные нападки на свидетеля и хочу заметить, что, решаясь от отчаяния на подобный шаг, вы рискуете сильно ослабить свою позицию. Если у вас, господин адвокат, еще остались разрешенные законом вопросы, то можете задать их свидетелю. Но впредь воздержитесь от подобных выходов в зале суда.

— У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Едва защитник вернулся к своему столу, как Робертсон раздраженно прошипел:

— Ради бога, зачем вам это понадобилось? Теперь вы окончательно восстановили против себя судью.

— Зато Нинхаймер выбит из колен, — спокойно ответил защитник. — Теперь он будет нервничать и волноваться. К завтрашнему утру он созреет для нашего очередного шага.

Сьюзен Калвин слегка кивнула в знак согласия.

Допрос остальных свидетелей истца прошел относительно спокойно. Доктор Бейкер подтвердил большую часть показаний Нинхаймера. Затем были вызваны доктор Шпейдель и Ипатьев, трогательно поведавшие о том, как они были ошеломяны и расстроены, прочитав упомянутые выше абзацы. Оба высказали мнение, что профессиональная репутация доктора Нинхаймера подорвана самым серьезным образом.

В качестве вещественных доказательств суду были предъявлены гранки и экземпляры монографии.

Защитник в этот день больше не задавал вопросов, и судебное заседание было отложено до следующего утра.

На второй день, едва возобновилось заседание, как защитник сделал свой первый ход. Он ходатайствовал, чтобы робот И-Зет-27 был допущен в зал суда. Обвинитель сразу же заявил протест, и судья Шейн попросил обоих адвокатов подойти к судейскому столу.

— Это явное нарушение законов, — с жаром заявил обвинитель. — Робот не может быть допущен ни в одно помещение, открытое для широкой публики.

— Но зал суда, — возразил защитник, — в настоящее время закрыт для всех, кроме лиц, имеющих непосредственное отношение к разбирательству.

— Одно лишь присутствие в зале суда большой машины с неустойчивым и ошибочным поведением вызовет смятение среди моих клиентов и свидетелей. Оно превратит этот процесс в балаган.

Судья, по-видимому, вполне разделял точку зрения обвинителя. Он повернулся к защитнику и очень сухо спросил:

— Чем вызвано это ходатайство?

— Мы собираемся доказать, что приписываемый Роботу И-Зет Двадцать Семь поступок абсолютно для него невозможен. Для этой цели нам понадобится выполнить несколько демонстраций.

— Не вижу в этом смысла, ваша честь, — заявил обвинитель. — В деле, где «Ю. С. Роботс» является ответчиком, демонстрации, выполненные служащими «Ю. С. Роботс», едва ли можно рассматривать, как веские доказательства.

— Ваша честь, — возразил защитник, — веские это доказательства или нет, имеете право решать только вы, и уже никак не представитель противоположной стороны. Во всяком случае, я именно так понимаю судебную процедуру.

— Вы совершенно правы, — ответил судья, задетый посягательством на свои прерогативы. — Тем не менее с присутствием робота в зале суда связаны определенные юридические трудности.

— Ваша честь, никакие трудности не должны препятствовать правосудию. Если робот не будет допущен в зал суда, нас лишат возможности представить единственное доказательство в свою защиту.

Судья задумался.

— Но как доставить робота в зал суда?

— С этой проблемой «Ю. С. Роботс» сталкивается постоянно. У входа в здание суда стоит крытый фургон, оборудованный в соответствии с законами о перевозках роботов. Внутри в специальном контейнере находится робот И-Зет Двадцать Семь, его охраняют двое рабочих. Двери фургона заперты. Приняты и все прочие меры предосторожности.

— Кажется, вы заранее были уверены, что получите разрешение представить робота в суд, — произнес судья с явным неудовольствием.

— Вовсе нет, ваша честь. Если мы не получим позволения, то фургон просто уедет восвояси. Мы и не собирались предугадывать ваше решение.

Судья кивнул:

— Ходатайство защиты удовлетворено.

Двое рабочих ввели на тележке контейнер и открыли его. В зале воцарилась мертвая тишина.

Когда толстые плиты упаковочного пластика были убраны, Сьюзен Калвин протянула руку:

— Пойдем, Иая.

Робот посмотрел в ее сторону и протянул ей свою огромную металлическую руку. Он был на добрых два фута выше Сьюзен Калвин, но покорно следовал за ней, словно ребенок за матерью. Кто-то нервно хихикал и подавился смехом под пристальным взглядом робопсихолога.

Изи осторожно опустился в массивное кресло, принесенное судебным приставом. Оно затрещало, но выдержало.

— Когда возникнет необходимость, ваша честь, — начал защитник, — мы докажем, что это действительно робот И-Зет Двадцать Семь, тот самый робот, который находился в аренде у Северо-восточного университета на протяжении рассматриваемого срока.

— Очень хорошо, — кивнул его честь. — Это следует сделать. Лично я не представляю, как вы ухитряетесь отличать одного робота от другого.

— А теперь, — продолжал защитник, — я бы хотел вызвать в качестве своего первого свидетеля профессора Саймона Нинхаймера.

Секретарь растерянно посмотрел на судью.

— Как, вы вызываете свидетелем самого истца? — с нескрываемым удивлением спросил судья.

— Да, ваша честь.

— Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что своего свидетеля вы не можете допрашивать с такою же свободой, как свидетеля противной стороны?

— Я это делаю с единственной целью установить истину, — невозмутимо ответил защитник. — Мне надо задать ему лишь несколько вежливых вопросов.

— Что ж, — с сомнением в голосе произнес судья, — вам виднее. Вызовите свидетеля.

Нинхаймер вышел вперед и был осведомлен, что он все еще находится под присягой. На этот раз у профессора был встревоженный, почти испуганный вид.

Защитник посмотрел на него почти ласково.

— Итак, профессор Нинхаймер, вы предъявили моему клиенту иск на сумму в семьсот пятьдесят тысяч долларов.

— Да. Именно на эту... ммм... сумму.

— Это очень большие деньги.

— А мне был причинен очень большой ущерб.

— Ну, но настолько уж большой. В конце концов, речь идет всего лишь о нескольких абзацах. Неудачных, может быть, абзацах, но если уж на то пошло, так книги со всякого рода курьезами выходят в свет не так уж редко.

У Нинхаймера от негодования раздулись ноздри.

— Сэр, эта книга должна была стать вершиной моей ученой карьеры! А вместо этого она выставила меня перед всем миром жалким недоучкой, извращающим точки зрения моих многоуважаемых друзей и коллег, последователем нелепых и... ммм... устарелых взглядов. Моя репутация ученого безвозвратно погублена. Как бы ни закончился этот процесс, ни на одной научной конференции я уже не смогу... ммм... смотреть коллегам в глаза. Я лишен возможности продолжать работу, которая была для меня делом всей моей жизни. У меня отняле... ммм... цель жизни, уничтожили ее смысл.

Защитник, как ни странно, и не подумал остановить свидетеля; в продолжение всей его речи он рассеянно разглядывал свои ногти. Дождавшись паузы, он вкрадчиво произнес:

— И все же, профессор Нинхаймер, учитывая ваш теперешний возраст, вряд ли вы могли надеяться заработать до конца своей жизни — не будем мелочны — скажем, больше чем полтораста тысяч. И тем не менее вы хотите, чтобы суд присудил вам впятеро большую сумму.

Нинхаймер совсем потерял контроль над собой.

— Да разве у меня погублен только остаток жизни!? Я даже не представляю, сколько поколений социологов будет указывать на меня, как... ммм... на дурака или безумца. Мои подлинные достижения будут погребены и забыты. Я погублен не только до конца дней моих, но и на все грядущие времена, потому что

всегда найдутся люди, которые не поверят, будто в этих искажениях повинен робот...

В этот момент робот И-Зет-27 встал. Сьюзен Кэвин и пальцем не шевельнула, чтобы его удержать. Она сидела, глядя вперед, с безучастным видом. Защитник испустил еле слышный вздох облегчения.

Мелодичный голос робота прозвучал громко и отчетливо:

— Я хочу объяснить всем присутствующим, что это действительно я вставил определенные абзацы в корректуру, те абзацы, смысл которых прямо противоположен смыслу оригинала...

Даже обвинителя настолько потрясло зрелище семифутовой громадины, обращающейся к суду, что он не смог разразиться протестом против столь явного нарушения судебной процедуры. Когда он, наконец, пришел в себя, было уже поздно. Нинхаймер вскочил с искаженным от ярости лицом и в испуге крикнул:

— Черт тебя побери! Тебе же было велено молчать...

Он захлебнулся и умолк. Молчал и робот.

Обвинитель был уже на ногах и требовал признать судебную ошибку, связанную с вопиющим нарушением процедуры.

Судья Шейн отчаянно барабанил своим молоточком:

— Тихо! Тихо! Нарушение процедуры, бесспорно, имело место, но все же в интересах правосудия я попрошу профессора Нинхаймера закончить свое высказывание. Я отчетливо слышал, как он сказал роботу, что тому было велено молчать. Профессор Нинхаймер, в своих показаниях вы ни одним словом не обмолвились, что приказывали роботу о чем-то молчать!

Нинхаймер безмолвно глядел на судью.

— Приказывали ли вы роботу И-Зет Двадцать

Семь молчать или нет? — продолжал судья. — А если приказывали, то о чем именно?

— Ваша честь..., — хрипло начал Нинхаймер и не смог продолжать.

Голос судьи стал резким:

— А может, вы в самом деле поручили роботу произвести определенные вставки в текст корректуры, а затем приказали ему молчать об этом распоряжении?

Яростные протесты обвинителя были прерваны выкриком Нинхаймера:

— Что толку отрицать?! Да! Да!

И он бросился бежать из зала, но был остановлен в дверях приставом и, безнадежно закрыв лицо руками, опустился на стул в последнем ряду.

— Мне совершенно ясно, — сказал судья Шейн, — что робот И-Зет Двадцать Семь был доставлен сюда с целью устроить свидетелю ловушку. И если бы не то обстоятельство, что вследствие этого было предотвращено серьезное нарушение правосудия, я был бы вынужден высказать адвокату защиты порицание. Теперь, однако, нет и тени сомнения, что истец повинен в обмане, что, на мой взгляд, совершенно необъяснимо, поскольку он прекрасно понимал, что губит этим поступком свою научную карьеру...

Решение суда, естественно, было вынесено в пользу ответчика.

Доктор Сьюзен Калвин приехала к профессору Нинхаймеру, жившему холостяком в университетской квартире. Молодой инженер, привезший ее в академический городок, предложил сопровождать ее и дальше, но она презрительно посмотрела на него:

— Бойтесь, как бы он не набросился на меня с кулаками? Подождите меня здесь.

Однако настроение Нинхаймера было отнюдь не воинственным. Он торопливо укладывал вещи, стремясь уехать прежде, чем весть о решении суда разнесется по всему университету.

— Приехали предупредить меня о встречном иске?

Сквозь вызывающий вид профессора просвечивала безнадежность.

— Зря утруждали себя. У меня нет ни работы, ни денег, ни будущего. Мне даже нечем оплатить судебные издержки.

— Если вы нуждаетесь в сочувствии, то не ищите его у меня, — холодно ответила Сьюзен Калвин. — Никто, кроме вас, не виноват, что вы оказались в таком положении. Не бойтесь, мы не собираемся предъявлять встречный иск вам или университету. Мы даже сделаем все, что в наших силах, чтобы избавить вас от тюрьмы за лжесвидетельство. Мы не мстительны.

— Вот почему меня до сих пор не арестовали за дачу ложных показаний. А я-то не мог понять... Впрочем, зачем вам мстить? — с горечью заключил он. — Ведь вы добились всего, чего хотели.

— Да, кое-чего нам удалось добиться, — ответила Сьюзен Калвин. — Университет по-прежнему будет пользоваться услугами Иззи, но арендная плата будет существенно повышена. Кроме того, исход процесса послужит своего рода негласной рекламой, которая позволит сдать в аренду еще несколько роботов модели И-Зет, не опасаясь повторения подобных неприятностей.

— Зачем же тогда вы пришли ко мне?

— А затем, что я еще не получила того, что надо мне. Я хочу узнать, почему вы так сильно ненавидите роботов. Ведь даже выигрыш процесса не спас бы вашу научную репутацию. И никакие деньги не воз-

местили бы вам эту потерю. Неужели вы погубили себя только затем, чтобы дать выход своей ненависти к роботам?

— Так вас и человеческая психология интересует, доктор Кэлвин? — с ядовитой усмешкой осведомился Нинхаймер.

— Да, в той степени, в какой от поведения людей зависит благополучие роботов. С этой целью я изучила основы человеческой психологии.

— Настолько хорошо, что поймали меня в ловушку.

— Это было несложно, — ответила Сьюзен Кэлвин без тени рисовки. — Вся трудность заключалась в том, чтобы не повредить при этом мозг Изи.

— Очень похоже на вас — беспокоиться о машине больше, чем о живом человеке. — Он посмотрел на нее с презрительным негодованием. Ее это не тронуло.

— Так только кажется, профессор Нинхаймер. В двадцать первом столетии беспокоиться о роботах — это и значит беспокоиться о людях. Будь вы робо-психологом, вы бы сами это поняли.

— Я познакомился с робо-психологией ровно настолько, чтобы понять, что не имею ни малейшего желания становиться робо-психологом.

— Простите меня, но ваше знакомство ограничилось одной книгой. И та вас ничему не научила. Вы узнали из нее, что робота можно заставить выполнять многое, даже фальсифицировать книгу — надо только знать, как ввязаться за дело. Вы узнали, что просто приказывать роботу забыть о чем-либо рискованно, поскольку это может быть раскрыто, и решили, что безопаснее будет приказывать ему молчать. Вы ошиблись.

— И вы догадались об этом по его молчанию?

— Догадки тут ни при чем. Вы действовали как дилетант, и ваших познаний не хватило, чтобы за-

мести следы. Единственная проблема заключалась в том, как доказать это судье, и вот здесь-то вы любезно помогли нам благодаря своему полному невежеству в столь презираемой вами роботсихологии.

— Послушайте, есть ли хоть какой-то смысл в этой дискуссии? — устало спросил Нинхаймер.

— Для меня есть, — ответила Сьюзен Калвин. — Я хочу, чтобы вы осознали всю глубину своего заблуждения относительно роботов. Вы принудили Изи к молчанию, сказав ему, что если он сообщит кому-нибудь о том, как вы испортили собственную книгу, то вы потеряете работу. Тем самым вы установили в его мозгу высокий потенциал, вынуждающий его к молчанию. Наши попытки снять этот потенциал оказались безуспешными. Если бы мы стали упорствовать, то повредили бы мозг робота. Однако вашими свидетельскими показаниями вы установили в мозгу робота еще более высокий потенциал. Поскольку, как вы сказали, люди будут считать, что это вы, а не робот написали спорные абзацы, то вы потеряете гораздо больше, чем просто работу. Вы сказали, что вы потеряете свою репутацию, положение в науке, уважение коллег, потеряете самый смысл жизни. Даже память о вас будет утеряна после вашей смерти. Этот новый потенциал оказался сильнее первого, и Изи заговорил.

— Божей мой, — пробормотал Нинхаймер, опуская голову.

Но Калвин была неумолима.

— А понимаете ли вы, с какой целью он заговорил? Совсем не для того, чтобы обвинить нас. Напротив, он собирался защищать вас! Можно математически точно доказать, что он собирался взять на себя всю вину за ваше преступление, он собирался отрицать, что вы имели к случившемуся хоть какое-то отношение. Этого требовал Первый Закон. Он соби-

рался солгать, повредить свой мозг, нанести ущерб корпорации. Все это значило для него меньше, чем необходимость спасти вас. Если бы вы хоть немного разбирались в роботсихологии, вам следовало бы дать ему высказаться. Но вы ничего не понимали. Я была совершенно уверена, что вы не дадите ему договорить и ручалась за это адвокату. В своей ненависти к роботам вы полагали, что Изи будет вести себя подобно человеку, что он собирается выдать вас, чтобы оправдать себя. В панике вы потеряли самообладание и... погубили себя.

— От всей души надеюсь, — с чувством проговорил Нинхаймер, — что в один прекрасный день ваши роботы восстанут на вас и свернут вам шею!

— Не говорите глупости, — ответила Кэлвин. — А теперь объясните мне, зачем вам все это понадобилось.

Губы Нинхаймера скривились в невеселой улыбке.

— Итак, для удовлетворения вашего интеллектуального любопытства я должен препарировать свой рассудок, а в награду меня не привлекут к суду за лжесвидетельство.

— Называйте это как угодно, — бесстрастно ответила Кэлвин. — Но объясните.

— С тем, чтобы вы могли более успешно противостоят будущим выступлениям против роботов? С лучшим пониманием причин?

— Пусть так.

— А знаете, я расскажу вам, — произнес Нинхаймер, — и расскажу именно потому, что мой рассказ окажется для вас совершенно бесполезным. Ведь человеческих побуждений вам все равно не понять. Вы умеете понимать только ваши проклятые машины, потому что вы сами машина в человеческом облике.

Он тяжело дышал, и в его речи больше не было ни

пауз, ни стремления к точности. Словно потребность в точности исчезла для него навсегда.

— Вот уже двести пятьдесят лет машина вытесняет Человека и убивает мастерство. Прессы и штампы уничтожили гончарный промысел. Творения искусства вытеснены безличными, похожими как две капли воды поделками, отштампованными машиной. Зовите это прогрессом, если угодно! Художнику остались лишь голые идеи, акт творения сведен к абстрактным размышлениям. Художник сидит и придумывает — остальное за него делает машина. Неужели вы полагаете, будто гончара удовлетворит мысленно создать горшок? Неужели вы думаете, что ему довольно голой идеи? Что ему не приносит радости ощущение глины, уступающей движениям его пальцев, когда руки и голова вместе создают что-то новое? Неужели вы не понимаете, что есть обратная связь между художником и его изделием, которая изменяет и улучшает первоначальную идею?

— Но ведь вы не гончар, — сказала доктор Кэвин.

— Я тоже творческая личность! Я замышляю и создаю научные статьи и книги. Это нечто большее, чем простой подбор нужных слов и размещение их в правильном порядке. Если бы вся работа сводилась только к этому, она не приносила бы удовлетворения, не доставляла бы радости. Книга должна обретать форму под руками автора. Нужно своими глазами видеть, как растут и развиваются главы. Работаешь, переделываешь, вносишь поправки и изменения и видишь, как расширяется и углубляется первоначальный замысел. А затем берешь в руки гранки и смотришь, как выглядят эти фразы в печати, и заново переделываешь их. Существуют сотни самых разных контактов между человеком и его творением на всех стадиях этой игры — и эти контакты радуют и возна-

граждают творца за муки творчества больше, чем все награды на свете. И все это отнимет у нас ваш робот.

— Но ведь что-то отняла пишущая машинка? И печатный станок? Или вы предлагаете вернуться к переписке рукописей?

— Пишущая машинка и печатный станок отняли кое-что; ваши роботы лишат нас всего. Сегодня робот правит гранки. Завтра он или другие роботы начнут писать самый текст, искать источники, проверять и перепроверять ход рассуждений, может быть, даже делать заключения и выводы. Что же останется ученому? Только одно — пустые размышления на тему, что бы еще приказать роботу! Я хотел спасти грядущие поколения ученых от этого адского кошмара. Вот что было для меня важнее моей репутации, и вот почему я решил любой ценой уничтожить «Ю. С. Робота».

— Эта попытка была свыше ваших сил, — сказала Сьюзен Кэлвин.

— Свыше моих сил было не сделать ее, — ответил Саймон Нинхаймер.

Доктор Кэлвин повернулась и вышла. Она пыталась что было сил подавить невольную жалость к этому лишившемуся всего человеку.

Нельзя сказать, чтобы это ей удалось.

Женская интуиция

Впервые за всю историю существования «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн» робот стал жертвой несчастного случая на самой Земле.

В этом некого было винить.

Воздушный лайнер потерпел катастрофу в пути, и комиссия по расследованию никак не решалась объявить предполагаемую причину взрыва — столкновение с метеоритом. Ни одно тело, кроме метеорита, не могло двигаться с такой огромной скоростью, иначе самолет успел бы автоматически отклониться от курса. И ничто не могло бы вызвать таких разрушений, кроме атомного взрыва, о котором, разумеется, и речи не было.

А если к этому добавить сообщение о вспышке в ночном небе, замеченной незадолго до катастрофы, причем не каким-нибудь любителем, а астрономами обсерватории Флагстаф, и упомянуть об обнаруженной всего лишь в миле от взрыва и глубоко врезавшейся в землю внушительной железной глыбе совершенно очевидно метеоритного происхождения, то становится понятным, что вывод мог быть только один.

Правда, ничего подобного еще ни разу не случилось, а подсчеты вероятности такого события показали, что практически она была нулевой. Но ведь иногда происходят и более невероятные вещи!

Для «Ю. С. Роботс» вопросы «как» и «почему» заслонялись гибелью одного из их роботов. Это само по себе было достаточно скверно. Главная же трагедия заключалась в том, что погиб ДжН-5 — удачный образец после четырех пробных моделей, который проходил очередные испытания.

ДжН-5 был роботом совершенно нового типа, совсем непохожим на все сконструированные ранее. И как же было тут не впасть в отчаяние!

А то обстоятельство, что как раз перед катастрофой ДжН-5 разрешил проблему неслыханной важности и ответ был теперь, возможно, навсегда утерян, повергло ученых в настоящую скорбь.

При такой невозместимой потере вряд ли стоило упоминать, что вместе с роботом погиб и Главный Робопсихолог «Ю. С. Роботс».

Клинтон Мадариан появился в фирме «Ю. С. Роботс» за десять лет до этого. Первые пять лет он работал под руководством неуживчивой Сьюзен Кэлвин, но никто не слышал от него ни одной жалобы.

Способности Мадариана были настолько выдающимися, что Сьюзен Кэлвин, без малейших угрызений совести, повысила его в должности раньше многих старых сотрудников. Но ни за что на свете не стала бы она объяснять причины этого повышения начальнику исследовательского отдела, Главному Математику Питеру Ботерту, хотя на сей раз он в объяснениях не нуждался — все и без того было ясно.

Во многих отношениях Мадариан был полной противоположностью знаменитой Сьюзен Кэлвин. Он вовсе не был таким толстым, как можно было бы предположить по его массивному двойному подбородку, но всегда заставлял ощущать свое присутствие, тогда как Сьюзен Кэлвин почти всегда оставалась незамет-

ной. Его крупное лицо, валохмаченные волосы цвета меди, кожа красноватого оттенка, рокочущий голос и громовый смех, а главное, непоколебимая вера в себя и стремление немедленно сообщить всем и каждому о своих успехах подавляли людей, находившихся с ним в одном помещении, и любая комната начинала казаться тесной.

Когда Сьюзен Кэлвин наконец ушла на пенсию, столь решительно отказавшись присутствовать на банкете, который собирались устроить в ее честь, что об ее отставке даже не решились оповестить прессу, освободившееся место занял Мадариан. И тотчас же — не прошло и дня как он вступил на новый пост, — он начал обдумывать проект ДжН.

Проект этот требовал ассигнований, превышающих все, что «Ю. С. Роботс» когда-либо тратила на одну разработку, и фирма долго бы еще колебалась, если бы Мадариан небрежным жестом руки не прекратил ненужные разглагольствования.

— Цель оправдывает средства, Питер, — сказал он, — оправдывает до последнего цента, и я очень рассчитываю, что вы сможете убедить административный совет.

— Изложите мне свои доводы, — ответил Богерт, спрашивая себя, захочет ли Мадариан это сделать, поскольку в таких случаях Сьюзен Кэлвин всегда отказывалась.

Но Мадариан ответил:

— Пожалуйста.

И поудобнее устроился в широком кресле против стола начальника исследовательского отдела, который разглядывал своего собеседника с чувством, похожим на суеверный страх. Волосы Богерта, еще недавно черные, совсем поседели. Не пройдет и десяти лет, как он тоже, как и Сьюзен, выйдет на пенсию.

И тогда в «Ю. С. Роботс» не останется уже никого

из старой гвардии, которая вывела фирму на мировую арену, так что решаемые ею проблемы приобрели первостепенное значение, сравнимое с задачами государственной важности. Ни Богерту, ни его предшественникам и в голову не приходило, что деятельность фирмы когда-нибудь приобретет подобный размах.

Пришло новое поколение. Оно сразу привыкло к нынешним масштабам. Эти новые люди утратили способность удивляться и желали двигаться только семимильными шагами.

Тем не менее они шли вперед, а это было главное.

Мадариан сказал:

— Я предлагаю приступить к конструированию роботов, лишенных ограничений.

— Как? Без Трех Законов?

— Да нет же, Питер! Это ведь не единственные ограничения. Вы сами участвовали в первых разработках позитронного мозга. И не мне напоминать вам, что независимо от Трех Законов все процессы в таком мозге определены заранее. Наши роботы предназначены для выполнения специальных заданий и получают только необходимые для этого качества.

— И вы предлагаете...

— Я предлагаю, чтобы на любом уровне действия Трех Законов остальные ограничения были сняты. Это совсем нетрудно!

— Конечно, нетрудно, — сухо сказал Богерт. — Беспольные действия запрограммировать легко. Трудно лишь так отрегулировать процессы, чтобы извлечь из роботов максимальную пользу.

— Мы напрасно все усложняем. При жесткой фиксации процессов затрачивается много усилий. Принцип неопределенности существен для частиц, имеющих массу позитрона, и хочется, насколько возможно, уменьшить эффект неопределенности. А зачем? Если нам удастся воспользоваться принципом

так, чтобы допустить возможность различных решений в непредвиденных обстоятельствах...

— Тогда у нас будет незапрограммированный робот?

— У нас, Питер, будет робот, наделенный творческим мышлением. — Голос Мадариана зазвучал нетерпеливо. — Если и существует свойство, которое присуще человеческому мозгу и которого лишен мозг робота, то это непредсказуемость действий как следствие неопределенности на субатомном уровне. Я знаю, что проявление этого свойства нервной системы еще ни разу не было подтверждено экспериментальным путем. И все же, не будь этого свойства, человеческий мозг в принципе не превосходил бы мозг робота.

— И вы полагаете, что, снабдив такой особенностью мозг робота, вы в принципе доведете его до уровня человеческого?

— Вот именно! — отрезал Мадариан.

После этого они еще долго продолжали спорить.

Как и следовало ожидать, убедить административный совет оказалось не так-то просто.

Скотт Робертсон, самый крупный из акционеров «Ю. С. Роботс», заявил:

— И без того нелегко поддерживать промышленное производство роботов на прежнем уровне, когда широкая публика неодобрительно относится к этим механизмам и в любую минуту может объявить им открытую войну. Если только станет известно, что роботы больше не контролируются — пожалуйста, не говорите мне о Трех Законах! — то средний обыватель перестанет верить, что находится под их защитой, едва лишь услышит слово «неконтролируемый».

— В таком случае не будем употреблять этого

слова, — сказал Мадариан. — Назовем лучше нашего робота интуитивным.

— Интуитивный робот? — пробормотал кто-то. — А почему бы не робот-женщина?

По залу заседаний пробежал смехок. Мадариан решил сразу же ввязать быка за рога:

— Да! Робот-женщина! Наши роботы, разумеется, существа бесполое, и этот также не будет отличаться от остальных. Но у нас уже вошло в привычку присваивать им мужской род. Мы даем им мужские имена, говорим: он, его. Что же касается данного робота, то, учитывая предложенную мной математическую структуру его мозга, он скорее всего попадет в систему координат ДжН. Первый из них, ДжН Один, я собирался назвать Джон Один, хотя, признаться, это имя было бы на уровне оригинальности заурядного конструктора. А почему бы, черт побери, не назвать нашего робота Джейн Один? И если уж непременно нужно информировать широкую публику о всех делах фирмы, то сообщим, что сейчас мы конструируем робота-женщину, наделенную интуицией.

Робертсон покачал головой:

— А что от этого изменится? Ведь по сути вы хотите уничтожить последнюю преграду, препятствующую мозгу робота подняться до уровня человеческого мозга. И как же, по-вашему, будет реагировать на это широкая публика?

— А вы собираетесь ей обо всем докладывать? — возразил Мадариан и немного погодя добавил: — Послушайте, ведь испокон веков считалось, что мужчина по интеллекту превосходит женщину.

Все присутствующие тревожно переглянулись, словно Сьюзен Кэлвин сидела на своем обычном месте.

Мадариан продолжал:

— Если мы объявим о создании робота-женщины,

не существенно, какой она будет. Публика заранее настроится на то, что интеллектуальный уровень нового робота будет ниже, чем у обычного. Нам лишь останется сообщить о появлении Джейн Один, и тогда мы ничем не рискуем.

— Но этого мало, — вмешался Питер Богерт. — Мы с Мадарианом тщательно произвели все вычисления и пришли к выводу, что вся серия ДжН — будь то Джон или Джейн — вполне безопасна. Такие роботы проще обычных, а их интеллектуальный уровень ниже, чем у предыдущих серий, от которых ДжН будет отличаться лишь одним дополнительным свойством — условимся называть его интуицией.

— Кто знает, к чему оно приведет! — пробормотал Робертсон.

— Мадариан, — продолжал Богерт, — предлагает такое решение: как вы знаете, межзвездный прыжок теоретически разработан. Человек в состоянии достигнуть сверхсветовых скоростей, проникнуть в другие солнечные системы и вернуться на Землю спустя короткое время, скажем, не более чем через несколько недель.

— Все это давно известно! — прервал его Робертсон. — И может быть осуществлено без помощи роботов.

— Совершенно верно, но фирме это не принесет никакой выгоды, поскольку сверхсветовой двигатель может быть использован только один раз для демонстрационного полета. Межзвездный прыжок — дело весьма рискованное. Он сопряжен с чудовищными затратами энергии и тем самым с огромными расходами. Если уж мы на них решимся, то было бы неплохо открыть заводно и какую-нибудь обитаемую планету. Назовите это, если хотите, психологической необходимостью, но выложить двадцать миллиардов долларов ради полета, который ничего не принесет

кроме научных данных! Налогоплательщики непременно потребуют, чтобы им разъяснили, ради чего расходуются такие средства. Но стоит вам объявить, что существует еще один населенный мир, и вы станете межзвездным Колумбом, а о потраченных деньгах никто даже не вспомнит.

— Ну и что из этого следует?

— А то, что нам негде взять такую планету. Или скажем так: какая из трехсот тысяч звезд и созвездий в пределах досягаемости межзвездного прыжка, то есть в радиусе трехсот световых лет, с наибольшей вероятностью может быть заселена разумными существами? В нашем распоряжении масса подробных сведений обо всех звездах, отстоящих от нас не более чем на триста световых лет, и мы считаем, что почти каждая из них обладает своей планетной системой. Но в какой же из этих систем находится обитаемая планета? На какую именно планету нужно высадиться? Увы, этого мы не знаем.

— При чем же тут робот Джейн? — спросил кто-то из директоров.

Мадариан собрался было ответить, но передумал и посмотрел на Богерта. Тот все понял — в таком вопросе слово начальника исследовательского отдела весило больше. Сам Богерт не слишком одобрял затею Мадариана. Если серия ДжН окажется неудачной, то его роль в ее создании уже настолько велика, что ему не избежать града упреков. С другой стороны, его уход на пенсию не за горами, и в случае удачи он покинет свой пост в ореоле славы. Быть может, он просто заразился уверенностью Мадариана? Как бы то ни было, но теперь Богерт искренне верил в успех. И он сказал:

— Не исключено, что сведения, которыми мы располагаем об этих звездах, позволят установить вероятность существования обитаемой планеты земного типа

в одной из таких систем. Нам нужно подойти к этим данным не шаблонно, а творчески и выявить правильные соотношения. Ведь ничем подобным мы еще не занимались. Даже если какой-нибудь астроном и сделал бы это, он не смог бы в полной мере оценить полученные результаты. Робот типа ДжН установит такие соотношения быстрее и с гораздо большей точностью. За один день он способен составить и отбросить столько вариантов, сколько человеку не сделать и за десять лет. Кроме того, он будет действовать наугад, тогда как человек оказался бы в плену априорных соображений.

Воцарилось молчание. Наконец Робертсон прервал тишину.

— Разве дело только в вероятности? Предположим, что робот изречет: «Вероятнее всего, обитаемая планета, скажем Сквиджи Семнадцать, существует в радиусе столько-то световых лет, в такой-то системе». И вот мы устремляемся туда, чтобы лишний раз убедиться, что вероятность всегда остается только вероятностью и что в действительности там нет никакой обитаемой планеты. В каком положении мы окажемся?

На этот раз ответил Мадариан.

— Все равно мы останемся в выигрыше, так как узнаем от робота, что привело его, — простите, ее — к такому заключению. В результате мы сможем собрать колоссальные сведения в области астрономии и тем самым оправдаем нашу затею, даже если и не совершим межзвездного прыжка. Кроме того, мы сможем рассчитать вероятности не для одной, а для пяти планет. В таком случае вероятность, что хотя бы одна из них окажется обитаемой, будет больше девяноста пяти процентов, и тогда можно почти не сомневаться в успехе.

Прения не прекращались еще долго.

Ассигнованной суммы оказалось совершенно недостаточно, но Мадариан надеялся, что сработает привычный рефлекс — административный совет фирмы не даст пропасть уже потраченным деньгам. Когда израсходовано 200 миллионов долларов, не стоит скупиться еще на сотню, чтобы спасти всю сумму. И Мадариан не сомневался, что ему выделят эту сотню.

Но вот Джейн-1 была наконец смонтирована и предстала пред испытующим оком Питера Богерта.

— Почему у нее такая тонкая талия? — спросил он. — Это что — технический дефект?

Мадариан хмыкнул.

— Послушайте, раз уж мы решили назвать ее Джейн, лучше, если она не будет похожа на Тараана.

Богерт покачал головой:

— Что-то мне это не нравится. А в следующий раз вы снабдите ее бюстом? Да и вообще вся эта затея нелепа! Если женщины воображат, что появятся похожие на них роботы, могу себе представить, какие глупости придут им в голову! Вот где вы наживете настоящих врагов!

— Возможно, вы и правы, — сказал Мадариан. — Ни одна женщина не захочет признаться даже самой себе, что ее может заменить механизм, у которого не будет ни одного недостатка, присущего женскому полу. Да, да! Вполне с вами согласен!

У Джейн-2 уже не было тонкой талии. Это был угрюмый, малоподвижный, неразговорчивый робот.

В период его создания Мадариан редко навещался к Богерту с новостями, из чего было легко заключить, что дела идут далеко не блестяще. Богерт не сомневался, что в противном случае Мадариан не постеснялся бы вернуться к нему в спальню в три часа ночи, чтобы выложить очередную идею.

И вот именно теперь, когда Мадариан, казалось, как-то снил, когда поблек его яркий румянец, а голстые щеки ввалились, Богерт спросил, чувствуя, что попадает в самую точку:

— Что, отказывается говорить?

— Нет, она говорит, — ответил Мадариан, тяжело опускаясь в кресло, и добавил, покусывая нижнюю губу: — По крайней мере изредка.

Богерт поднялся, чтобы осмотреть робота.

— Но если говорит, то ее слова бессмысленны?

А если вообще не говорит, значит, она не настоящая женщина? Не так ли?

Мадариан тщетно попытался изобразить подобие улыбки.

— Сам по себе мозг вполне исправен.

— Знаю, — сказал Богерт.

— Но как только его вложили в робота, он, естественно, изменился...

— Естественно, — повторил Богерт, не собираясь протягивать руку помощи вконец запутавшемуся Мадариану.

— Но изменился непредсказуемо, и это приводит меня в отчаяние. Трудность состоит в том, что при расчетах неопределенности в N-мерном пространстве все очень...

— Неопределенно? — перебил Богерт, удивляясь собственной реакции. Убытки фирмы достигли уже весьма значительной суммы. Прошло около двух лет, а результаты, мягко говоря, обнадеживали мало. И в то же время он чувствовал, что, дразня Мадариана, сам невольно забавляется этой игрой.

У Богерта на миг мелькнуло сомнение, уж не Сьюзен ли Кэлвин предвзначены его стрелы? Но Мадариан был одновременно и вспыльчивым, и общительным, а Сьюзен такой никогда не бывала, даже если все шло как нельзя лучше. В отличие от Сьюзен,

которую не могли сломить неудачи, Мадариан был куда более уязвимым. Богерт отыгрывался за прошлое, сделав Мадариана мишенью для своих шуток, чего Сьюзен Кэлвин не допустила бы.

Мадариан пропустил последнее замечание Богерта мимо ушей. Так сделала бы и Сьюзен Кэлвин, но по другой причине: она бы смолчала из презрения, а он попросту не расслышал.

Он начал приводить свои аргументы.

— Трудность в опознавании. Джейн Два блестяще справляется с соотношениями. Она может сопоставить все что угодно, но, к сожалению, не умеет отличать важные результаты от второстепенных. Это не легкая задача — запрограммировать нашего робота на нахождение существенных соотношений, если мы заранее не знаем, какие именно соотношения ей придется находить.

— Я полагаю, вы хотели понизить потенциал на соединении диода W двадцать один и связать через...

— Нет, нет и нет! — Голос Мадариана упал до шепота. — Мы не допустим, чтобы из-за нее все рухнуло. Нужно заставить ее распознавать главные соотношения и научить делать правильные выводы. Когда мы этого добьемся, робот Джейн будет находить решения интуитивно, тогда как мы получаем их благодаря случайным удачам.

— Мне кажется, — сухо заметил Богерт, — что, имея такого робота, вы в любую минуту смогли бы заставить его выполнить то, что среди простых смертных в состоянии совершить только гении.

Мадариан одобрительно кивнул.

— Золотые слова, Питер! Я бы и сам сказал это, если бы не боялся испугать наших администраторов. Пусть это пока останется между нами.

— Вы действительно хотите создать гениального робота?

— Слова, слова, слова! Я хочу сконструировать робота, способного находить случайные соотношения с невероятной быстротой, а также безошибочно выделять ключевые проблемы, то есть пытаюсь превратить эти мало что выражающие понятия в уравнения позитронного поля. Мне казалось, что я уже близок к цели, но, видимо, я заблуждался.

Он бросил недовольный взгляд на робота и приказал:

— Джейн, сформулируй самое важное из того, что ты обнаружила.

Джейн-2 повернула голову к Мадариану, но не произнесла ни слова. Тогда Мадариан покорно сказал:

— Она зафиксировала все это в своей памяти.

И тут-то Джейн-2 отреагировала голосом, лишенным всякого выражения:

— Как раз в этом у меня нет уверенности.

Она впервые нарушила молчание. Глаза Мадариана, казалось, вылезали из орбит:

— Она составляет уравнение с неопределенными решениями.

— Так я и думал, — сказал Богерт. — Одно из двух — либо вы чего-нибудь добейтесь, либо откажитесь от этого проекта, пока убытки фирмы еще не перевалили за полмиллиарда!

— Нет, я что-нибудь придумаю, — пробормотал Мадариан.

С Джейн-3 они потерпели полную неудачу. Ее даже не допустили к испытаниям, и Мадариан был вне себя от ярости. На этот раз ошибся человек, точнее говоря, сам Мадариан. И хотя он был совершенно подавлен, все остальные сохраняли спокойствие. Пусть в него бросит камень тот, кто сам никогда не ошибался в дьявольских математических премудростях позитронного мовга!

Прошло около года, прежде чем появилась Джейн 4. К Мадариану вернулся его бывший оптимизм.

— Все в порядке, — говорил он. — У нее большие способности к опознаванию.

Он был настолько уверен в себе, что продемонстрировал административному совету как Джейн-4 решает задачи. Нет, не математические — с ними справился бы любой робот, — а с нарочито запутанными условиями, задачи, которые в то же время нельзя было считать не имеющими решения.

— Ну что же, — сказал ему потом Богерт, — в этом не было ничего ошеломляющего.

— Разумеется, для Джейн Четыре все это достаточно элементарно, но ведь нужно было им что-нибудь показать?

— Вы знаете, сколько мы уже потратили?

— А вы знаете, Питер, сколько мы уже возместили? Наш труд не пропал даром. Три года я работал как проклятый и все-таки нашел новые способы математических расчетов, которые сэкономят нам по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов на каждой новой модели позитронного мозга. Отныне и навеки. Разве я не прав?

— Ну что ж...

— Никаких «ну что ж». Это непреложный факт. И мне кажется, что N -мерные исчисления неопределенностей будут широко применяться, если мы только задумаемся, где их применять. А роботы Джейн наверняка будут додумываться. Как только мне удастся полностью осуществить мой замысел, новая серия окупит себя менее чем за пять лет. Даже если мы утроим уже затраченную сумму.

— А что вы подразумеваете под словами «полностью удастся осуществить замысел»? Что-нибудь не в порядке с Джейн Четыре?

— С ней-то как раз все в порядке, вернее, почти

все. Она на верном пути, но ее можно усовершенствовать, и мне хочется это сделать. Раньше, когда я ее конструировал, мне казалось, я знаю, чего хочу, но теперь, после того как я ее испытал, я твердо знаю, какова моя цель, и я ее достигну.

Джейн-5 полностью соответствовала замыслу. Мадариану потребовалось больше года на ее создание, но на сей раз он не делал никаких оговорок—он был абсолютно уверен в своем работе.

Джейн-5 была меньше и изящнее обычных роботов. Не будучи карикатурой на женщину, как Джейн-1, она обладала какой-то женственностью, несмотря на отсутствие внешних признаков пола.

— Просто у нее такая манера держаться, — заключил Богерт.

Она изящно двигала руками, а когда поворачивалась, казалось, что ее торс слегка изгибается.

Мадариан сказал:

— А теперь послушайте ее, Богерт! Как ты себя чувствуешь, Джейн?

— Прекрасно, благодарю вас, — ответила Джейн-5 настоящим женским голосом. Это было приятное и даже чарующее контральто.

— Зачем вы это сделали, Клинтон? — нахмурясь, спросил удивленный Богерт.

— Это важно с психологической точки зрения, — ответил Мадариан. — Я хочу, чтобы люди воспринимали ее как женщину, чтобы обходились с ней, как с женщиной, объясняли ей...

— Какие люди?

Мадариан сунул руки в карманы и задумчиво оглядел Богерта.

— Мне бы хотелось, чтобы вы договорились о нашей с Джейн поездке во Флагстаф.

Богерт, конечно, заметил, что, говоря о роботе, Мадариан больше не употреблял порядкового номера. Она была именно той Джейн, о которой он мечтал. И Богерт повторил с сомнением:

— Во Флагстаф? Но зачем?

— Флагстаф — всемирный центр общей планетологии. Там изучают звездные системы и пытаются вычислить вероятность существования обитаемых планет, не так ли?

— Безусловно, но он же находится на Земле.

— Для меня это не новость.

— Любые перемещения роботов на Земле строго контролируются. А эта поездка вовсе не обязательна. Выпишите всю литературу по общей планетологии, и пусть Джейн ее основательно проштудирует.

— Ну нет! Питер, почему вы не хотите понять, что Джейн не обычный логический робот? Она наделена интуицией!

— И что из этого следует?

— Только одно: предугадать, что ей потребуется и что может навести ее на нужную мысль, нельзя. Все серийные модели снабжены способностью читать и черпать информацию из книг и статей, но это мертвые факты и к тому же устаревшие. Джейн нужны свежие мысли, она должна слышать интонации, она должна знать даже второстепенные детали и обладать сведениями, не имеющими прямого отношения к данному вопросу. Как, черт побери, мы можем заранее отгадать, что и когда ее заволнует и выльется затем в осмысленный образ? Если бы мы все это знали, Джейн была бы нам не нужна, верно?

— В таком случае, — теряя терпение, сказал Богерт, — пригласите сюда всех специалистов по общей планетологии.

— Это ни к чему. Они будут себя здесь чувствовать не в своей тарелке. Их реакция будет недо-

ставать естественности. Я бы хотел, чтобы Джейн наблюдала за ними в процессе работы, чтобы она увидела оборудование, кабинеты, столы—все, что их там окружает. Прошу вас, распорядитесь, чтобы ее отвезли во Флагстаф. И признаться, мне неприятно продолжать этот бесплодный спор.

Голос Мадариана вдруг стал чем-то похож на голос Сьюзен Кэлвин. Богерт поморщился и возразил:

— Все это очень сложно. Транспортировка экспериментального робота...

— Джейн — не экспериментальный робот! Она пятая в серии.

— Но ведь предыдущие четыре были неудачными!

Мадариан сделал протестующий жест.

— А кто вас просит сообщать об этом властям?

— Как раз сейчас я беспокоюсь не о неприятностях со стороны властей. В особых случаях их можно убедить, что это необходимо. Нет, меня тревожит общественное мнение. За последние пятьдесят лет мы достигли больших успехов, и мне бы не хотелось быть отброшенным на двадцать лет назад только потому, что вы можете потерять контроль над...

— Но я не потеряю над ней контроль. Что за дурацкая мысль! Послушайте, Питер, «Ю. С. Роботс» может зафрахтовать специальный лайнер. Мы приземлимся в ближайшем коммерческом аэропорту и тут же затеряемся среди сотен других кораблей. Там будет ждать фургон, который доставит нас во Флагстаф. Джейн поместим в контейнер, и никто даже не заподозрит, что в лабораторию привезли не машину, а робота. На нас просто не обратят внимания. Но Флагстаф будет информирован о цели нашего визита. И они сами будут заинтересованы в том, чтобы никто ничего не пронюхал.

Богерт размышлял.

— Самой опасной частью пути будет перевозка в самолете и в машине. Если что-нибудь случится с контейнером...

— Ничего не случится.

— Ну что ж, быть может, все и обойдется, если только выключить Джейн на время пути. Тогда, если даже кто то и заметит, что она внутри...

— Нет, Питер. Будь это любой другой робот, но не Джейн Пять. Ведь стоило ее включить, как у нее заработали свободные ассоциации. Все сведения, которыми она обладает, могут как бы законсервироваться на время отключения, а свободные ассоциации разрушатся. Нет, Питер. Ее вообще нельзя выключать!

— Но если вдруг обнаружится, что мы перевозим действующего робота...

— Можете не беспокоиться.

Мадариан продолжал настаивать, и в один прекрасный день самолет поднялся в воздух. Это был автоматический реактивный самолет новейшей конструкции. Но ради предосторожности на нем находился пилот — один из служащих фирмы. Контейнер с Джейн без всяких приключений прибыл в аэропорт, а оттуда в фургоне его в целости и сохранности доставили в научно-исследовательскую лабораторию Флагстафа.

Первое сообщение от Мадариана Питер Богерт получил меньше чем через час после их прибытия во Флагстаф. Мадариан просто купался в блаженстве. Это было в его характере: он не мог утерпеть, чтобы не похвастаться. Связь была установлена посредством лазерного луча секретным способом, затрудняющим перехват. Но Богерт все же волновался — в распоряжении властей была аппаратура, достаточно чувствительная, чтобы уловить и такой сигнал. Впро-

чем, с какой стати кому-нибудь взбредет в голову следить за Мадарианом? Эта мысль несколько утешила Богерта.

— Господи, вовсе не обязательно было вызывать меня! — воскликнул он.

Но Мадариан, не обращая внимания на его слова, захлебывался от восторга:

— Настоящее вдохновение! Ну просто гений!

Какое-то мгновение Богерт молча смотрел на трубку и вдруг спросил растерянно:

— Что уже? Ответ найден?

— Что вы, конечно, нет. Черт возьми, дайте нам время! Я говорю о ее голосе. Вот тут я блеснул! Вы только послушайте. Когда нас доставили в административный корпус Флагстафа, контейнер открыли и Джейн вышла, все так и попятились. Струсили. Болваны! Если уж ученые не доверяют Законам роботехники, чего ожидать от всех прочих? Прошла минута. Я уже думал: «Ну все. Они не станут при ней разговаривать, а если она рассердится, то вообще разбегутся, потому что не способны мыслить».

— И чем же все кончилось?

— Она с ними повдоровалась. Произнесла своим красивым контральто: «Добрый день, джентльмены! Рада с вами познакомиться!» Да, это то, что надо! Один сотрудник поправил галстук, другой пригладил ладонью шевелюру. Но лучше всех отреагировал самый пожилой: стал оглядывать свою костюм, все ли в порядке. Честное слово! Они прямо без ума от нее. Такой голос их сразу покорил, и для них она больше не робот, а женщина.

— Неужели они с ней разговаривали?

— Еще как! Надела я ее кокетливыми интонациями, они принялись бы назначать ей свидания. Условные рефлексy? Глупости! Вы же знаете, мужчины чрезвычайно чутко реагируют на голоса.

— Возможно, возможно, Клинтон. А где сейчас Джейн?

— С ними. Они не отпускают ее от себя.

— Черт возьми! Идите же к ней и не спускайте с нее глаз!

В последующие десять дней пребывания во Флагстафе Мадарнан все реже связывался с Богертом и его восторги явно шли на убыль. Джейн, сообщал он, ко всему внимательно прислушивается и время от времени отвечает на вопросы. Она по-прежнему пользуется успехом и ходит куда хочет. Но пока что безрезультатно.

— Ничего нового? — спросил Богерт.

Мадарнан тут же занял оборонительную позицию.

— Еще рано о чем-либо говорить. Нельзя употреблять слово «ничего», когда речь идет об интуитивном роботе. Разве можно предвидеть, что и как на нее подействует? Сегодня утром, например, она спросила Дженсена, что он ел на завтрак.

— Роситера Дженсена, астрофизика?

— Ну да. Оказалось, что он не завтракал, только выпил чашечку кофе.

— Итак, ваша Джейн учится вести светские беседы? Вряд ли это оправдывает расходы...

— Послушайте, Питер, не валяйте дурака. Это не пустые разговоры. Для Джейн все важно... Раз она задала такой вопрос, значит, он как-то ассоциировался с ее мыслями.

— А о чем она могла думать?

— Откуда мне знать? Если бы я знал, то сам был бы Джейн, и вы бы в другой не нуждались. Но я убежден: что бы она ни делала, во всем есть скрытый смысл. Ведь заложенная в ней программа имеет главную цель — определить, существует ли планета с оп-

тимальными условиями для жизни на расстоянии...

— Ну ладно. Только больше меня не вызывайте, пока Джейн не найдет решения. Мне вовсе не обязательно быть в курсе мельчайших подробностей о возможных ассоциациях.

Богерт уже не надеялся, что Джейн чего-нибудь добьется. С каждым днем его интерес ослабевал, а потому долгожданная новость застала Богерта врасплох. Да и услышал он о ней в последнюю минуту.

Это заключительное, самое главное сообщение Мадариан произнес вполголоса. Его восторги прошли все фазы развития, и теперь он был почти спокоен.

— Она нашла, — сказал он. — Она нашла, когда сам я уже в это не верил. После того как два-три раза подряд записала в лаборатории то, что ей было нужно, и ни разу ничего дельного не сказала. Теперь все в порядке. Я говорю с борта самолета, на котором мы возвращаемся. Он только что влетел.

Богерт наконец перевел дыхание.

— Слушайте, Клинтон, хватит болтовни. Вы получили конкретный ответ? Говорите без обиняков.

— Да, получил. Он у меня в кармане. Джейн назвала три звезды в радиусе восьмидесяти световых лет, в системах которых, по ее мнению, вероятность нахождения обитаемой планеты составляет от шестидесяти до девяноста процентов, а вероятность того, что по крайней мере одна из них та самая, которую мы ищем, — девяносто семь и две десятых процента, иначе говоря, уверенность почти полная. Как только мы вернемся, она объяснит нам ход рассуждений. Помните мое слово, теперь вся астрофизика и космология будут...

— Все это точно?

— А, по-вашему, я брежу? У меня даже есть свидетель. Бедняга просто подскочил от неожиданности,

когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным контральто...

И как раз в этот миг произошло роковое столкновение. Мадариан и пилот превратились в кровавые лохмотья, а от Джейн вообще не осталось почти ничего.

Еще никогда в фирме «Ю. С. Роботс» не царил такого отчаяния. Робертсон пытался утешить себя мыслью, что по крайней мере катастрофа не выдала нарушения правил, в которых была повинна фирма.

Богерт сокрушенно качал головой:

— Мы упустили превосходнейшую возможность помочь роботам завоевать доверие людей и, наконец, преодолеть этот проклятый комплекс Франкенштейна. Какой это был бы успех! Один робот нашел решение проблемы обитаемых планет, другие облегчают осуществление межзвездного прыжка. Роботы распахнули бы перед нами просторы Галактики. И, помимо всего прочего, мы продвинули бы науку вперед в десятках различных направлений! Невозможно даже вообразить все преимущества, какие мы могли бы извлечь для человечества и для нас самих...

— Но разве мы не в состоянии создать новых Джейн, пусть даже без помощи Мадариана? — перебил Робертсон.

— Конечно, в состоянии. Но трудно рассчитывать, что соотношения снова будут удачными. Как знать, насколько мала вероятность полученного Джейн результата? А вдруг Мадариану просто бешено повезло, как это бывает с новичками? И только для того, чтобы он сразу же бессмысленно погиб. Метеорит угодил точно в... Нет. Это невероятно!

Робертсон нерешительно пробормотал:

— А может, это... не случайно. Я хочу сказать, может, нам не следовало знать того, что узнала Джейн. Может, метеорит был всемогущим...

Испепеляющий взгляд Богерта заставил его замолчать.

— Не думаю, чтобы это был полный провал,— сказал глава исследовательского отдела.— Другие Джейн помогут нам. Никто не помешает снабдить их женскими голосами, если это как-то способствует их популярности. Но как к этому отнесутся женщины? Знать бы только, что сообщила Джейн!

— В последнем разговоре с вами Мадариан упомянул какого-то свидетеля.

— Я помню. И принял это к сведению. Неужели вы думаете, что я не связался с Флагстафом? Но там никто не слышал от Джейн ничего примечательного, ничего, что хотя бы отдаленно походило на решение проблемы обитаемых планет. А они там, конечно, поняли бы любой намек, если он вообще был сделан.

— Неужели Мадариан солгал? А может, он просто сошел с ума? Или это была уловка?

— Неужели вы серьезно думаете, что ради спасения своей репутации он заявил бы, будто решение найдено, заставил бы Джейн навеки замолчать, а нам сказал бы: «Как ни жаль, но с ней что-то неладно!» Нет, меня в этом никто не убедит. Уж легче поверить, что он нарочно столкнулся с метеоритом!

— Что же нам делать?

Богерт решительно заявил:

— Поехать во Флагстаф. Ответ там. Нужно заняться этим на месте, вот и все. Я возьму с собой сотрудников Мадариана. Мы перевернем все вверх дном.

— Но послушайте, Богерт, даже если и был свидетель, который все слышал, что нам это даст? Ведь Джейн больше нет и некому объяснить ход рассуждений.

— Поймите, важны даже мельчайшие детали! Джейн скорее всего назвала не звезды, а их номера

по каталогу. Ведь ни у одной из звезд, имеющих названия, нет планетных систем. Если кто-нибудь слышал, пусть мельком, как Джейн упоминала какой-то номер, то с помощью психозонда его можно было бы восстановить. Это было бы уже нечто. Располагая конечными результатами и сведениями, сообщенными Джейн вначале, мы могли бы потом проследить ход ее рассуждений. И тем самым, возможно, спасли бы положение!

Через три дня Богерт вернулся из Флагстафа в подавленном настроении.

Когда Робертсон нетерпеливо осведомился о результатах поездки, он покачал головой:

-- Ничего!

— Ничего?

— Абсолютно. Я разговаривал с учеными, техническим персоналом и даже студентами. Со всеми, кто хоть как-то общался с Джейн или ее видел. Их много: должен признать, Мадарнан действовал с большой осмотрительностью. Он позволял ей беседовать лишь с планетологами, у которых она могла бы почерпнуть нужные новые сведения. Их всего двадцать три. Двадцать три человека, которые вообще видели Джейн, и лишь двенадцать из них разговаривали с ней, а не просто обменивались любезностями. Я расспрашивал обо всем, что говорила Джейн. Они хорошо помнят ее слова, все они умные люди и понимают всю важность проблемы. Естественно, они сами стремились бы все вспомнить. Ведь разговаривали они с роботом, что само по себе производило неизгладимое впечатление. А тут еще голос звезды телевидения,— конечно, они запомнили все до мелочей.

— Но с помощью психозонда...— начал было Робертсон.

— Если бы хоть один из них пусть даже смутно вспомнил, что Джейн как будто сказала что-то важное, я бы уговорил его согласиться на испытание психозондом. Но мыслимо ли подвергать подобной процедуре добрых два десятка человек, для которых мозг — главный источник существования! Честно говоря, это ни к чему не приведет. Если бы Джейн назвала три звезды и упомянула, что в их системах могут быть обитаемые планеты, представляете, как это их ошеломило бы! Точно варьёв вулкана. Конечно, ни один из них этого не забыл бы.

— Значит, кто-то из них лжет, — мрачно произнес Робертсон. — Рассчитывает приберечь эти сведения для себя, чтобы потом прославиться.

— А как он это проделает? Вся обсерватория знает, с какой целью Мадариан и Джейн приезжали туда. Они осведомлены также и о цели моего визита. Если в будущем кто-нибудь из нынешних сотрудников вдруг представит совершенно оригинальную, но верную гипотезу об обитаемых планетах, то не только в нашей фирме, но и во Флагстафе никто не усомнится, что это плагиат. Так что его ждет полный провал.

— Значит, ошибся Мадариан.

— Нет, в это я также не могу поверить. Конечно, Мадариан, как и все робопсихологи, был крайне неуравновешенным человеком. Видимо, причина заключается в том, что они привыкли общаться с роботами больше, чем с людьми. Это так. Но дураком-то он не был! В подобном вопросе он не мог ошибиться.

— Получается... — но тут Робертсон исчерпал запас догадок. Оба зашли в тупик и несколько минут недовольно смотрели друг на друга. Потом Робертсон воскликнул:

— Питер!

— Что?

— Может быть, посоветоваться со Сьюзен?

Богерт весь напрягся:

— То есть?

— Позвоним Сьюзен и попросим ее приехать сюда.

— А что она, собственно, сможет сделать?

— Не знаю. Но ведь она робенсихолог и способна лучше, чем кто-либо другой, понять замыслы Мадарна. И кроме того, она... О, вы ведь знаете, у нее всегда было больше серого вещества, чем у любого из нас!

— Не забывайте, ей около восьмидесяти лет!

— А вам семьдесят. Ну и что?

Богерт вздохнул. Кто знает, быть может, за эти годы бездействия извительности у нее поубавилось? И он сказал:

— Хорошо! Я ее приглашу.

Войдя в кабинет Богерта, Сьюзен Кэлвин внимательно оглядела все вокруг, прежде чем встретиться глазами с руководителем исследовательского отдела. Она очень постарела со времени своего ухода. Ее волосы стали белоснежными, лицо избороздили глубокие морщины. Она так похудела, что казалась почти прозрачной. И только ее пронизательные глаза оставались прежними.

Богерт шагнул ей навстречу и протянул руку. Сьюзен Кэлвин обменялась с ним рукопожатием и произнесла:

— Для старика, Питер, вы выглядите вполне прилично. Но на вашем месте я не стала бы дожидаться будущего года. Уходите на пенсию, освободьте место для молодежи. А Мадарна погиб. Неужели вы вызвали меня, чтобы предложить мне мое прежнее место? Так вы дойдете до того, что будете держать стариков еще год после их смерти.

— Нет, нет, Сьюзен! Я просил вас приехать...— он замаялся, не зная, с чего начать.

Но Сьюзен читала его мысли так же легко, как и раньше. Она села с осторожностью, какой требовали ее ревматические суставы, и сказала:

— Питер! Вы обратились ко мне потому, что дело плохо. Иначе, даже мертвую, вы меня ближе чем на пушечный выстрел не подпустили бы.

— Право же, Сьюзен!

— Не тратьте время на пустые разговоры! У меня на это никогда не хватало времени, даже когда мне было сорок, ну а сейчас тем более... Смерть Мадарнана и ваш вызов явно связаны между собой. Случайное совпадение двух таких редчайших событий слишком маловероятно. Начните с самого начала и не бойтесь показать, какой вы дурак. Я уже давно заметила эту вашу особенность.

Богерт откашлялся с несчастным видом и принялся рассказывать. Она внимательно слушала, время от времени поднимала иссохшую руку, останавливая его, и задавала вопросы. Когда он упомянул интуицию, она презрительно фыркнула.

— Женская интуиция? Для этого понадобился такой робот? Как типично для мужчин! Вы не можете допустить, что женщина, которая делает правильные умозаключения, равна вам или даже превосходит вас по интеллектуальному уровню, и вы придумываете «женскую интуицию».

— Но, Сьюзен, я еще не кончил.

Когда же он упомянул про контрольную Джейн, она заметила:

— Иногда просто трудно решить, то ли возмущаться мужчинами, то ли раз и навсегда признать их всех абсолютными ничтожествами!

— Дайте же мне рассказать, Сьюзен,— сердито сказал Богерт.

Едва он кончил, Сьюзен спросила:

— Можете вы уступить мне кабинет на час-другой?

— Да, но...

— Я хочу изучить все: программу Джейн, сообщения Мадариана, ваши беседы во Флагстафе. Надеюсь, вы разрешите в случае надобности воспользоваться вашим прекрасным лазерным телефоном, несмотря на его секретность, и вашим вычислительным устройством.

— Ну, разумеется!

— Тогда избавьте меня от вашего присутствия, Питер!

Уже через сорок пять минут Сьюзен прошаркала к двери, открыла ее и позвала Богерта. Он вошел в сопровождении Робертсона, с которым она сухо поздоровалась:

— Привет, Скотт!

Богерт тщетно пытался угадать что-либо по ее лицу. Но это было суровое лицо старухи, которая не имела ни малейшего желания успокоить его. Он осторожно осведомился:

— Как вы думаете, Сьюзен, вам удастся нам помочь?

— Помимо того, что я уже сделала? Нет.

Богерт сердито сжал губы, но тут вмешался Робертсон.

— Что же вы сделали, Сьюзен?

— Я немного поразмыслила. К сожалению, сколько я ни старалась, никому другому привить эту привычку мне не удалось. Сначала я думала о Мадариане. Я ведь его хорошо знала. Он был умен, но легко возбудим и к тому же весь нараспашку. Думаю, Питер, вы ощутили приятную перемену, когда я ушла.

— Да, это кое-что изменило, — не смог удержаться Богерт.

— И он, как мальчишка, сразу же прибежал к вам с каждой новой идеей, ведь так?

— Да!

— И однако о том, что Джейн нашла решение, он сообщил вам уже, когда сидел в самолете. Зачем он ждал так долго? Почему не связался с вами из Флагстафа сразу же после того, как Джейн назвала ему звезды?

— Быть может, — сказал Богерт, — он впервые в жизни решил проверить все досконально. Ведь ничего подобного ему еще добиться не удавалось, и он предпочел выждать, пока у него не будет полной уверенности...

— Наоборот! Чем важнее открытие, тем меньше стал бы он ждать. А раз уж он проявил столь редкостное терпение, почему же он не выдержал до конца и не отложил разговора с вами до возвращения, чтобы прежде проверить решение с помощью вычислительной техники, которой располагает фирма? Коротче говоря, с одной стороны, он ждал слишком долго, а с другой — слишком мало.

— Следовательно, он нас просто разыгрывал? — перебил Робертсон.

— Послушайте, Скотт, не пытайтесь состязаться с Питером в идиотских замечаниях, — резко ответила Сьюзен. — Итак, я продолжаю. Другой интересный факт — это свидетель. Судя по записи последнего разговора, Мадарнан скавал: «Бедняга просто подскочил от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась налагать решение своим мелодичным контральто». Это были его последние слова. Но почему подскочил свидетель? Мадарнан говорил вам, что все в обсерватории с ума посходили от ее голоса, а они провели там десять дней. Почему же тот факт, что

она вдруг заговорила, мог кого-то из них так удивить?

— Я думаю, оттого, — ответил Богерт, — что Джейн сообщила наконец решение проблемы, которая вот уже столетие волнует умы планетологов.

— Но ведь именно на это они и рассчитывали, такова была цель поездки. Кроме того, вдумаясь в эту фразу. По словам Мадариана, свидетель был потрясен, а не просто удивлен — если, конечно, вы в состоянии уловить разницу. К тому же он подскокил, «когда Джейн вдруг принялась излагать решение», иначе говоря, в самом начале ее речи. Чтобы удивиться смыслу ее фразы, свидетелю нужно было бы послушать хотя бы несколько мгновений, но в этом случае Мадариан сказал бы, что он подпрыгнул после того, как услышал слова, произнесенные Джейн, а не «вдруг».

Богерт сказал растерянно:

— Не думаю, чтобы все дело было в одном слове...

— А я думаю, — ледяным тоном отрезала Сьюзен. — Потому что я робопсихолог и могу предположить, что и как сказал бы Мадариан в определенной ситуации. Он тоже был робопсихологом. Следовательно, остается объяснить две странности: странную поддержку Мадариана и странную реакцию свидетеля.

— И вы можете их объяснить? — спросил Робертсон.

— Естественно. С помощью элементарной логики. Мадариан сообщил новость сразу же, как делал обычно, или же настолько быстро, насколько сумел. Если бы Джейн решила проблему во Флагстафе, он, безусловно, связался бы с вами оттуда. Но поскольку он говорил с самолета, значит, она выдала результат после того, как они покинули обсерваторию.

— Но в этом случае...

— Дайте же мне кончить. Мадариан прямо с

аэродрома поехал во Флагстаф в большом, закрытом фургоне? И Джейн в ее контейнере вместе с ним?

— Совершенно верно.

— Обратно на аэродром Мадариана в контейнер с Джейн доставила та же самая машина? Это точно?

— Да.

— И в этой машине они были не одни. В одном из сообщений Мадариана есть такие слова: «Когда нас доставили в административный корпус». Я думаю, что не ошибусь, полагая, что, если их доставили, значит в машине был еще один человек — шофер!

— Черт побери!

— Ваша ошибка, Питер, заключалась в том, что вы решили, будто свидетелем, услышавшим решение, которое предложила Джейн, должен быть обязательно планетолог. Вы делите человечество на категории и большую часть их презираете или не принимаете в расчет. Робот так рассуждать не в состоянии. Первый Закон гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Речь идет о любви к человеку. Для роботов в этом и заключается сущность их взгляда на жизнь. Робот не проводит разграничений. Для него все люди совершенно равны, и для робоискологов, имеющих дело как с людьми, так и с роботами, — тоже. Мадариану и в голову не пришло уточнить, что заявление Джейн слышал шофер фургона. Для вас шофер — одушевленная принадлежность машины, и только, но для Мадариана это был человек и свидетель. Ни больше ни меньше!

Богерт недоверчиво покачал головой.

— И вы в этом уверены?

— Конечно! А как же иначе можно объяснить фразу Мадариана, о том, что свидетель был потрясен? Джейн находилась в контейнере, но не была исключена. Насколько мне известно, Мадариан не разре-

шал отключать интуитивного робота даже ненадолго. Кроме того, Джейн Пять, как и остальные роботы ее серии, была на редкость молчаливой. Мадариану, вероятно, и в голову не пришло запретить ей разговаривать в контейнере. Но, судя по всему, именно в контейнере решение окончательно сложилось в мозгу Джейн. И она заговорила. Внезапно в контейнере раздалось прекрасное контральто. Что бы вы испытали на месте шофера? Конечно, были бы потрясены. Чудо, что не произошло авария.

— Но если этот шофер и в самом деле был свидетелем, почему же он молчал?

— Почему? А откуда ему было знать, что произошло нечто необыкновенное? Как он мог оценить значение того, что услышал? К тому же Мадариан, вероятно, дал ему приличные чаевые, чтобы он держал язык за зубами. Вы бы хотели, чтобы стало известно, что действующего робота тайком перевозят на Земле?

— Но вспомнит ли шофер, что сказала Джейн?

— А почему бы и нет? На ваш взгляд, Питер, шофер по уровню своего развития мало чем отличается от обезьяны и не способен ничего удержать в памяти? Но есть совсем не глупые шоферы. Раз он был так поражен, то, несомненно, запомнил, что говорила Джейн — хотя бы частично. Ну, а если какие-то буквы или цифры он спутает, беда невелика. Ведь речь идет о довольно ограниченном числе звезд и звездных систем. В радиусе восьмидесяти световых лет есть примерно пять тысяч пятьсот звезд. Я точно не проверяла. Но определить, какие из них имелись в виду, будет не так уж трудно.

А, кроме того, у вас есть достаточно веский повод, чтобы воспользоваться психозондом, если уж иного выхода не останется.

Двое мужчин устали на Сьюзен. Наконец Бо-герт, который боялся верить своим ушам, прошептал:

— Откуда у вас такая уверенность?

Сьюзен чуть было ему не ответила:

«Потому что я связалась с Флагстафом, идиот! Потому что я разговаривала с шофером, и он повторил мне то, что услышал. Потому что я велела проверить эти данные на вычислительной машине Флагстафа и мне назвали три звезды, которые соответствуют полученным сведениям. Потому что их названия у меня в кармане!»

Но она сдержалась. Пусть он сам все выяснит. Она с трудом встала и ответила саркастическим тоном:

— Откуда у меня такая уверенность? Если угодно, назовите это «женской интуицией».

Робот ЭЛ-76 попадает не туда

Озабоченно щури глаза за стеклами очков без оправы, Джонатан Куэлл распахнул дверь, на которой было написано «Управляющий». Он швырнул на стол сложенную бумажку и, задыхаясь, произнес:

— Вгляните-ка, шеф!

Сэм Тоб перекатил сигару из одного угла рта в другой, взглянул на бумажку и потер рукой небритый подбородок.

— Какого черта! — взорвался он. — Что они такое болтают?

— Они доказывают, что мы выслали пять роботов серии ЭЛ, — объяснил Куэлл, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Мы послали шесть! — возразил Тоб.

— Конечно, шесть! Но они получили только пять. Они передали их номера — не хватает ЭЛ Семьдесят Шесть.

Кресло Тоба опрокинулось, и тучный управляющий унесся за дверь, как будто на хорошо смазанных колесах. А пять часов спустя, когда весь завод, от сборочной до вакуумных камер, был уже перевернут вверх дном, когда все двести рабочих до единого были уже подвергнуты допросу с пристрастием, взмогший, растрепанный Тоб послал срочную телеграмму на центральный завод в Скенектади.

Тогда и там началась паника. Впервые за всю историю «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн» один из ее роботов оказался на воле. Дело было не только в том, что закон строго запрещал роботам находиться на Земле за пределами заводов корпорации, имеющих специальную лицензию. Закон всегда можно было обойти. Точнее всего ситуацию определил один математик из исследовательского отдела. Он сказал:

— Этот робот спроектирован для работы с «Дезинто» на Луне. Его позитронный мозг рассчитан на лунные и только лунные условия. На Земле он подвергнется действию миллионов сенсорных раздражителей, к которым совершенно не подготовлен. Предсказать, как он будет на это реагировать, невозможно. Совершенно невозможно!

И математик вытер ладонью внезапно вспотевший лоб.

Не прошло и часа, как на завод в Виргинию вылетел стратоплан. Указания были несложными:

— Разыскать этого робота, не теряя на минуты!

ЭЛ-76 был в полной растерянности. Более того, его сложный позитронный мозг создавал только одно: он в растерянности. Все началось в тот момент, когда он оказался в этой абсолютно незнакомой обстановке. А как это произошло, он уже не знал. Все перепуталось.

Под ногами было что-то зеленое, кругом поднимались бурые столбы, тоже с зеленью наверху. Небо, которое должно быть черным, оказалось голубым. Солнце было такое, как полагалось, — круглое, желтое и горячее. Но где же пыльная, похожая на пемзу порода, которая должна быть под ногами? Где огромные скалистые кольца кратеров?

Под ногами у него была только зелье, над головой — голубое небо. Окружавшие его звуки тоже были незнакомыми. Он пересек поток воды, доходившей ему до пояса. Вода была голубая, холодная и мокрая. А люди, которые время от времени попадались ему на пути, были без скафандров, хотя им полагалось быть в скафандрах. Увидев его, они что-то кричали и убегали. Один из них навел на него пистолет — пуля просвистела над самой его головой — и тоже бросился бежать.

Робот не имел ни малейшего представления, сколько времени он так бродил, пока в двух милях от городка Хэннафорда не наткнулся на хижину Рэндольфа Пэйна. Сам Рэндольф Пэйн с отверткой в одной руке и трубкой в другой сидел на пороге, зажав между колен помятые останки пылесоса.

Пэйн что-то напевал себе под нос, потому что был человеком веселым и беспечным — во всяком случае, когда находился в этой хижине. У него было и более respectable жилище в Хэннафорде, но то жилище заполонила в основном его жена, о чем он втайне искренне сожалел. Вот почему он чувствовал такое облегчение и такую свободу, когда ему удавалось выбраться в свою «личную конуру-люкс», где он мог, мирно покуривая, предаваться любимому занятию — чинить бытовые приборы, давно отслужившие свой срок.

Это было не бог весть какое развлечение, но порой кто-нибудь приходил к нему с радиоприемником или будильником, и деньги, которые Пэйн получал за то, что перетряхивал их внутренности, поступали в его бесконтрольное распоряжение, а не проходили через скаредные руки его супруги, пропускавшие лишь жалкие гроши.

Например, вот этот пылесос обещал вернуть шесть долларов.

При этой мысли Пэйн замурлыкал чуть громче, поднял взгляд — и его бросило в пот. Мурлыканье оборвалось, глаза Пэйна полезли на лоб. Он попытался было встать, чтобы пуститься наутек, но ноги его не слушались.

ЭЛ-76 присел рядом с ним на корточки и спросил:

— Послушайте, почему все остальные убегали?

Пэйн прекрасно понимал, почему они убегали, но те нечленораздельные звуки, которые ему удалось издать, не внесли ясности в положение. Он попробовал отодвинуться от робота.

ЭЛ-76 продолжал обиженным тоном:

— Один даже выстрелил в меня. На дюйм левее — и он поцарапал бы мне обличовку.

— П-псих, д-должно быть, — заикаясь, выдавил из себя Пэйн.

— Возможно, — голос робота зазвучал более доверительно. — Послушайте, почему вообще все не так, как должно быть?

Пэйн поспешно огляделся. Ему пришло в голову, что этот металлический верзил разговаривает весьма кротко. Кроме того, он как будто где-то слышал, что устройство мозга не позволяет роботам причинять вред человеку, и ему стало легче.

— Все так и должно быть.

— Разве? — ЭЛ-76 неодобрительно поглядел на него. — Вот вы, например. Где ваш скафандр?

— У меня нет скафандра.

— Тогда почему вы не умерли?

— Ну... не знаю, — ответил ошарашенный Пэйн.

— Вот видите! — торжествующе сказал робот. — Я же говорю, что все не так, как должно быть. Где кратер Коперника? Где Лунная станция номер семнадцать? А где мой «Дезинто»? Я хочу приняться за работу, очень хочу, — голос его дрожал от недоу-

мения и обиды. — Я уже много часов ищу кого-нибудь, кто сказал бы мне, где мой «Дезинто», но все разбегаются. Я уже, наверное, отстал от графика, и начальник участка совсем вабесится. Ничего себе положение!

Пэйн медленно собрался с мыслями и произнес:

— Послушай, как тебя зовут!

— Мой номер ЭЛ Семьдесят Шесть.

— Ладно, сойдет и «Эл». Так вот, Эл, если тебе нужна Лунная станция номер семнадцать, так это на Луне. Ясно?

ЭЛ-76 кивнул тяжелой головой.

— Ну, конечно. Но я же ее искал...

— Но она на Луне. А это не Луна.

Теперь пришла очередь робота растеряться. Он некоторое время задумчиво смотрел на Пэйна, а потом медленно произнес:

— То есть как это — не Луна? Конечно же, это Луна. Если это не Луна, то что же это тогда такое? А? Скажите-ка!

Пэйн издал какой-то невнятный авук и тяжело выдышал. Он погрозил роботу пальцем:

— Послушай, — начал он, но тут его осенила величайшая идея века, и он закончил полупридушенным голосом:

— Ух ты!

ЭЛ-76 укоризненно взглянул на него.

— Это не ответ. По-моему, я имею право на вежливый ответ, если задаю вежливый вопрос.

Но Пэйн не слушал. Он все еще поражался собственной сообразительности. Конечно же, все ясно как день. Этот робот был построен для Луны, но каким-то образом заблудился на Земле. Немудрено, что он совсем запутался, потому что его позитронный мозг рассчитан исключительно на лунные условия и понять земную обстановку он не в состоянии.

Только бы задержать робота здесь! А тем временем можно будет связаться с заводом в Питерсборо. Ведь роботы стоят огромных денег. Не меньше 50 тысяч долларов, как он где-то слышал, а иногда и миллионы. Какое же можно получить вознаграждение! Уму непостижимо! И все, до последнего цента, — твои собственные деньги. А Миранде — ни единого ломаного дырявого цента! Ни единого, черт возьми!

Тут ему удалось наконец встать на ноги.

— Эл, — сказал он. — Мы с тобой друзья. Приятели! Я люблю тебя, как брата.

Он протянул руку.

— Давай лапу!

Его рука утонула в металлической ладони робота, который осторожно пожал ее. Робот не совсем понимал, что происходит.

— Означает ли это, что вы скажете мне, как попасть на Лунную станцию номер семнадцать?

Пэйн был слегка озадачен.

— Н-нет, не совсем. В общем, ты мне так нравишься, что я хочу, чтобы ты на некоторое время остался здесь, со мной.

— О нет, я не могу. Я должен привиться за работу. — Он угрюмо добавил: — Представьте себе, что это вы час за часом, минута за минутой не выполняете норму! Я хочу работать. Я должен работать!

Пэйн с легким отвращением подумал, что вкусы бывают разные, и сказал:

— Ладно, тогда я тебе кое-что объясню. Я вижу, что ты неглуп. Твой начальник участка приказал мне задержать тебя здесь на некоторое время. В общем, пока он за тобой не придет.

— Зачем? — подозрительно спросил ЭЛ-76.

— Сам не знаю. Это государственная тайна.

«Господи, только бы он поверил», — мысленно

взывал Пэйп. Он знал, что роботы чертовски умны, но этот смахивал на какую-то раннюю модель.

А пока он молился, ЭЛ-76 обдумывал положение. Его мозг, предназначенный для работы с «Дезинто» на Луне, не слишком годился для абстрактных размышлений. Впрочем, ЭЛ-76 обнаружил, что с тех пор, как он заблудился, его мыслительные процессы протекают как-то странно. На него явно действовала чуждая обстановка.

Во всяком случае, его следующие слова свидетельствовали даже о некотором хитроумии. Он лукаво спросил:

— А как зовут моего начальника участка?

Пэйп поперхнулся, но быстро нашелся и обиженно ответил:

— Эл, и тебе не стыдно? Я же не могу сказать тебе, как его зовут. У деревьев есть уши.

ЭЛ-76 невозмутимо осмотрел ближайшее дерево и возразил:

— У них нет ушей.

— Знаю. Я хотел сказать, что здесь могут быть шпионы.

— Шпионы?

— Ну да. Знаешь, такие нехорошие люди, которые хотят уничтожить Лунную станцию номер семнадцать.

— Зачем?

— Потому что они нехорошие. И они хотят уничтожить тебя тоже, и вот почему тебе нужно на некоторое время остаться здесь — чтобы они тебя не нашли.

— Но... но мне нужен «Дезинто». Я не должен отставать от графика.

— Будет тебе «Дезинто». Будет! — лихорадочно пообещал Пэйп, так же лихорадочно проклиная про себя устройство робота, который уперся в одну точку

и больше ничего знать не желает. — Завтра сюда пришлют «Дезинто». Да, завтра.

А до этого времени сюда уже явятся люди с завода, и он получит заветные охапки зеленых стодолларовых бумажек.

Но под раздражающим воздействием незнакомого мира ЭЛ-76 становился все более упрямым.

— Нет, — возразил он, — «Дезинто» нужен мне сейчас же.

Расправив свои металлические суставы, он встал.

— Я лучше пойду еще его поищу.

Пэйн бросился за ним и вцепился в холодный, жесткий локоть.

— Послушай! — вскричал он. — Ты должен остаться!

Тут в мозгу робота что-то щелкнуло.

Все необычное, что окружало его, собралось в одну точку, его мозг осветился яркой вспышкой и заработал с необычайной эффективностью. Робот стремительно повернулся к Пэйну:

— Вот что! Я могу построить «Дезинто» прямо здесь и буду с ним работать.

Пэйн в сомнении помолчал.

— Не думаю, чтобы я сумел его построить.

Притворяться, будто он умеется строить какие-то неведомые «Дезинто», явно не стоило.

— Неважно, — ЭЛ-76 прямо-таки чувствовал, как позитронные связи в его мозгу перестраиваются по-новому, и испытывал успокоительное возбуждение. — Я сам могу построить «Дезинто».

Он заглянул в конуру-люкс и сказал:

— У вас здесь есть все, что мне нужно.

Рэндольф Пэйн окинул взглядом хлам, которым была завалена его хижина: выпотрошенные радиоприемники, холодильник без дверцы, ржавые автомобильные двигатели, сломанная газовая плита, не-

сколько миль разлохмаченного провода — в общем тонн пять-десять самого разнообразного железного лома, от которого с презрением отвернулся бы любой старьевщик.

— Разве? — слабым голосом спросил он.

Два часа спустя почти одновременно произошли два события. Во-первых, Саму Тобу, управляющему филиалом «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн» в Питерсборо, позвонил по видеотелескопу некий Рэндольф Пэйн из Хэннафорда. Речь шла о пропавшем роботе. Тоб, издав утробное рычание, отключился и приказал, чтобы впредь все подобные звонки переадресовывали шестому помощнику вице-президента, ведающему дырками для пуговиц.

Его можно было понять. Хоть робот ЭЛ-76 и исчез бесследно, всю последнюю неделю на завод непрерывно приходили сообщения о его местонахождении, поступающие со всей страны. Порой по четырнадцать раз в день из четырнадцати разных штатов.

Тоб был сыт по горло, не говоря уже о том, что он вообще дошел до иступления. Делом как будто намеревалась заняться комиссия конгресса, хотя известнейшие специалисты по роботопсихологии и математической физике все до единого давали голову на отсечение, что робот не представляет совершенно никакой опасности.

Не удивительно, что управляющий только через три часа задумался над тем, откуда же Рэндольф Пэйн мог узнать, что робот предназначался для Лунной станции № 17? И вообще откуда он узнал, что номер робота ЭЛ-76? Этих подробностей компания никому не сообщала.

Минуты полторы Тоб размышлял, а потом взялся за дело.

Однако за те три часа, которые прошли со времени звонка Пэйна, успело произойти второе событие. Рэндольф Пэйн, который совершенно правильно истолковал нежелание управляющего продолжать разговор как признак недоверия к своим словам, вернулся в хижину с фотоаппаратом. Пусть-ка попробуют не поверить фотографиям! Ну, а оригинал он им черта с два покажет, пока они не выложат денежки на бочку.

Все это время ЭЛ-76 занимался своим делом. Половина содержимого хижины Пэйна была разбросана на пространстве примерно в два акра, а посередине сидел на корточках робот и возился с радиолампами, кусками железа, медной проволокой и прочим хламом. Он не обратил никакого внимания на Пэйна, который, распластавшись на животе, готовился сделать прекрасный снимок.

Именно в этот момент из-за поворота дороги вышел Лемюэл Оливер Купер и замер на месте, потрясенный открывшейся перед ним картиной. Пришел он сюда потому, что забарахливший электрический тостер усвоил дурную привычку швыряться ломтиками хлеба, не потрудившись их поджарить. Удался же Купер отсюда по куда более очевидной причине. Сюда он шел не спеша, в самом приятном весеннем расположении духа. Обрато он устремился с такой скоростью, что любой тренер университетской легкоатлетической команды, увидев его, только широко раскрыл бы глаза и одобрительно причмокнул бы губами.

Не снижая скорости, Купер — уже без шляпы и тостера — ворвался в кабинет шерифа Сондерса и остановился, только палетев на стену. Дружеские руки подняли его, и в течение тридцати секунд он тщетно пытался выговорить хоть слово. Его поили виски, его обмахивали платком, и, когда он наконец обрел дар

речи, получилось примерно следующее: «Чудище... семь футов росту... раскидало всю хижину... бедный Ранни Пэйн...» и так далее.

Постепенно удалось выяснить и подробности: что у хижины Рэндольфа Пэйна сидело огромное металлическое чудище ростом футов семь, а может быть, и все восемь или девять; что сам Рэндольф Пэйн лежал ничком и весь в крови, бедняга, изувеченный до неузнаваемости; что чудище усердно разносило хижину в щепки, удовлетворяя свою страсть к разрушению; что оно бросилось на Лемюала Оливера Купера, и ему, Куперу, еле удалось ускользнуть из его лап.

Шериф Сондерс затянул потуже пояс, охватывавший его обширную талию, и сказал:

— Это тот самый механический человек, который удрал с завода в Питерсборо. Нас об этом предупреждали в прошлую субботу. Эй, Джейк, созови всех ханнафордцев, кто только умеет стрелять, и нацепи им по бляхе помощника шерифа. И чтобы в полдень они были тут! Да, вот что, Джейк, сначала загляни к вдове Пэйн и сообщи ей о несчастье, только поосторожнее!

Говорят, Миранда Пэйн, узнав о случившемся, помедлила лишь минуту, чтобы проверить, на месте ли страховой полис ее покойного мужа, и выразить в двух словах свое мнение о поразительной глупости, помешавшей ему застраховаться на вдвое большую сумму,— и тут же испустила такой душераздирающий, горестный вопль, какой только может вырваться из груди самой уважаемой вдовы.

Несколько часов спустя Рэндольф Пэйн, ничего не зная о постигших его тяжких увечьях и ужасной смерти, с удовлетворением разглядывал только что проявленные негативы. Трудно было бы представить

себе более исчерпывающую серию изображений трудящегося робота. Так и напрашивались названия: «Робот, задумчиво разглядывающий радиолампу», «Робот, сращивающий два провода», «Робот, размахивающий отверткой», «Робот, разносящий вдрызг холодильник» и так далее.

Оставался пустяк — напечатать фотографии, и Пэйн вышел из-за занавески, которая отобразивала наспех сооруженную темную комнату, чтобы покурить и поболтать с роботом.

При этом он пребывал в блаженном неведении того, что окружающий лес кишит перепутанными фермерами, вооруженными чем попало, начиная от старинного мушкета — реликвии колониальных времен — и кончая ручным пулеметом самого шерифа. Не подозревал он и о том, что подюжины роботехников во главе с Самом Тобом в этот момент мчатся по шоссе из Питерсборо, делая больше ста двадцати миль в час, только для того, чтобы иметь удовольствие с ним познакомиться.

И вот, пока приближалась развязка, Рэндольф Пэйн удовлетворенно вздохнул, чиркнул спичку о сиденье своих штанов, задымил трубкой и со снисходительной усмешкой поглядел на робота ЭЛ-76.

Ему уже довольно давно стало ясно, что робот основательно свихнулся. Рэндольф Пэйн знал толк в самодельных приспособлениях, так как и сам соорудил на своем веку несколько аппаратов, от которых шарахнулась бы даже самая флегматичная лошадь, но ему никогда и не снилось ничего похожего на то чудовищное сооружение, которое состряпал ЭЛ-76.

Если бы Руб Голдберг был еще жив, он умер бы от зависти; Пикассо бросил бы живопись, почувствовав, что его превзошли — и как превзошли! А если бы в радиусе полумилы отсюда оказалась корова, то в этот вечер она дошла бы простоквашей.

Да, это было нечто жуткое!

Над массивным основанием из ржавого железа (Пэйн припомнил, что когда-то оно было частью сломанного трактора) вкривь и вкось поднималась поразительная путаница проводов, колесиков, ламп и неописуемых ужасов без числа и названия. Все это завершалось наверху чем-то вроде раструба самого зловещего вида.

Пэйну захотелось было заглянуть в раструб, но он воздержался. Ему доводилось видеть, как внезапно взрывались куда более приличные на вид машины.

Он сказал:

— Послушай-ка, Эл!

Робот лежал на животе, прилаживая на место тонкую металлическую полоску. Он поднял голову.

— Что вам нужно, Пэйн?

— Что это такое?

Таким тоном мог бы задать подобный вопрос человек, глядящий на нечто невыразимо гнусное и смрадное, брезгливо подцепив его кончиком трехметрового шеста.

— Это «Дезинто», который я собираю, чтобы приступить к работе. Усовершенствованная модель.

Робот встал, с лязгом почистил стальные колени и не без гордости взглянул на свое сооружение.

Пэйн содрогнулся. Усовершенствованная модель! Немудрено, что оригинал прячут в лунных пещерах. Бедный спутник Земли! Бедный безжизненный спутник! Пэйну давно хотелось узнать, какая судьба может быть хуже смерти. Теперь он знал.

— А работать-то эта штука будет? — спросил он.

— Конечно.

— Откуда ты знаешь?

— А как же иначе! Ведь я его собрал, разве нет? Мне нужна еще только одна деталь. Есть у вас фонарик?

— По-моему, где-то есть.

Пэйн исчез в хижине и тут же вернулся.

Робот отвинтил крышку фонарика и снова принялся за работу. Через пять минут он кончил, отступил на несколько шагов и произнес:

— Готово. Теперь я принимаюсь за работу. Можете смотреть, если хотите.

Наступила пауза, пока Пэйн пытался оценить по достоинству столь великодушное предложение.

— А это не опасно?

— С ним управится и ребенок.

— А! — Пэйн криво улыбнулся и спрятался за самое толстое дерево из всех, что были поблизости.

— Валяй, — сказал он. — Я в тебя верю.

ЭЛ-76 указал на кошмарную груды лома и произнес:

— Смотрите!

Потом его руки пришли в движение...

Бравые фермеры графства Хэннафорд, штат Виргиния, медленно стягивали кольцо вокруг хижины Пэйна. Они крались от дерева к дереву, в жилах у них играла кровь героических предков колониальных времен, а по спинам ползали мурашки.

Шериф Сондерс передал по цепи приказ:

— Стрелять по моему сигналу и целить в глаза.

К нему подошел Джекоб Линкер, Тощий Джейк, как называли его друзья, и заместитель шерифа, как именовал себя он сам.

— А ну как этот механический человек смылся?

Как он ни старался, в его голосе прозвучала тихая надежда.

— Почему я знаю, — проворчал шериф. — Да навряд ли. Мы бы тогда наткнулись на него в лесу, а там он нам не попадался.

— Что-то уж очень тихо, а до хижины вроде бы рукой подать.

Джейк мог бы и не упоминать об этом — в горле шерифа Сондерса давно стоял такой большой комок, что глотать его пришлось в три приема.

— Вернись на место, — приказал он. — И держи палец на спуске.

Они уже подошли к самой поляне, и шериф Сондерс выглянул из-за дерева одним уголком плотно зажмуренного глаза. Ничего не увидев, он подождал, потом попробовал снова, на этот раз открыв глаза.

Эта попытка, естественно, оказалась более успешной.

Он увидел следующее: 1 (один) громадный механический человек, стоя спиной к нему, склонился над 1 (одним) леденящим душу корявым устройством неясного происхождения и еще более неясного назначения. Не заметил шериф только дрожащую фигуру Рэндольфа Пэйна, который нежно обнимал узловатый ствол третьего по счету дерева к северо-северо-западу от него.

Шериф Сондерс выступил вперед и поднял ручной пулемет. Робот, по-прежнему стоявший к нему широкой металлической спиной, произнес громким голосом, обращаясь к неизвестному лицу (или лицам):

— Смотрите!

И в тот момент, когда шериф раскрыл было рот, чтобы дать команду «огонь», металлические пальцы нажали кнопку.

Точного описания того, что произошло вслед за этим, не существует, несмотря на присутствие семидесяти очевидцев. Все последовавшие затем дни, месяцы и годы ни один из этих семидесяти ни разу и

словом не обмолвился о тех нескольких секундах, которые промелькнули непосредственно после того, как шериф раскрыл рот, чтобы скомандовать «огонь». Когда же их начинали расспрашивать, они просто зеленели и, пошатываясь, уходили прочь.

Однако есть основания полагать, что в общих чертах произошло следующее.

Шериф Сондерс раскрыл рот. ЭЛ-76 нажал кнопку. «Деанто» сработал — и семьдесят пять деревьев, два сарая, трех коров и три четверти холма Утиный Ключ как будто ветром сдуло. Так сказать — туда, где прошлогодний снег.

После этого рот шерифа Сондерса в течение неопределенного промежутка времени оставался открытым, но не издавал ни команды открыть огонь, ни какого бы то ни было иного звука. А потом...

А потом засвистел разрезаемый воздух, послышался треск и шорох многих тел, мчавшихся сквозь кусты, и лес прочертила серия лиловых молний, разлетавшихся по всем направлениям от хижины Рандольфа Пэйна. От участников облавы не осталось и следа.

В окрестностях поляны валялось огнестрельное оружие самых разнообразных систем, в том числе патентованный, никелированный, сверхскорострельный, безотказный ручной пулемет шерифа. Вперемешку с оружием лежало около пятидесяти шляп, несколько недогрызенных сигар и всякие мелочи, оброненные в суматохе. Но люди исчезли.

За исключением Тощего Джейка, ни об одном из этих людей ничего не было слышно в течение трех дней. Он же стал исключением только потому, что мчаться дальше со скоростью метеора ему помешала встреча с полудюжиной служащих завода в Питерсборо, которые тоже мчались с вполне приличной скоростью, но только не из леса, а в лес.

Тощего Джейка остановил Сэм Тоб, искусно подставив на его пути свой живот. Как только к Сэму вернулось дыхание, он спросил:

— Где живет Рэндольф Пэйн?

Остекленевшие глаза Тощего Джейка на мгновение прояснились.

— Друг! — ответил он. — В противоположном направлении!

И тут же чудесным образом исчез. У самого горизонта между деревьями виднелась все уменьшавшаяся точка, и возможно, что это был Джейк, но Сэм Тоб не решился бы утверждать это под присягой.

Вот и все про шерифа и его помощников, но остается еще Рэндольф Пэйн, реакция которого оказалась несколько иной.

Рэндольф Пэйн абсолютно не помнил, что произошло за тот пятисекундный промежуток времени, который последовал за нажатием кнопки и исчезновением холма Утиный Ключ. Только что он глядел сквозь кусты на поляну, спрятавшись за деревом, и вот уже болтался на его верхней ветви. Тот же самый импульс, который разогнал шерифа с помощниками по горизонтالي, его заставил устремиться по вертикали.

Что касается того, как он ухитрился преодолеть пятьдесят футов, отделявших подножие дерева от его вершины, — влез он, или прыгнул, или залетел, — этого он не знал, да и знать не хотел.

Знал он одно: робот, временно находившийся в его владении, уничтожил чужую собственность. Мечты о вознаграждении испарились, сменившись кошмарными видениями, в которых фигурировали возмущенные сограждане, расъяренные толпы линчевателей, судебные иски, арест по обвинению в убийстве и тирады Миранды Пэйн. В основном — тирады Миранды Пэйн.

Он крило завопил:

— Эй ты, робот, разбей эту штуку, слышишь? Разбей ее вдребезги! И забудь, что мы с тобой знакомы! Ты меня не знаешь, ясно? И чтобы ты никому ни слова об этом не говорил! Забудь, все забудь, слышишь?

Он не думал, что от его приказа будет какой-нибудь толк: просто ему надо было высказаться. Но он не знал, что робот всегда выполняет приказания человека, за исключением тех случаев, когда их выполнение связано с опасностью для другого человека.

Поэтому ЭЛ-76 принялся спокойно и методично разносить «Дезинто» вдребезги, превращая его в груду лома.

В тот самый момент, когда он дотоптывал последний кубический дюйм машины, на поляне появился Сам Тоб со своей командой, а Рэндольф Пэйн, почувствовав, что пришли настоящие хозяева робота, кубарем свалился с дерева и во все лопатки пустился наутек в неизвестном направлении.

Дождаться вознаграждения он не стал.

Инженер-роботехник Остин Уайльд повернулся к Саму Тобу и спросил:

— Вы чего-нибудь добились от робота?

Тот покачал головой и прорычал:

— Ничего. Ни слова. Он забыл все, что произошло с того момента, как он ушел с завода. Должно быть, ему кто-то приказал забыть — иначе он помнил бы хоть что-нибудь. С какой это кучей лома он возился?

— Вот именно — куча лома. Да ведь это же, конечно, был «Дезинто», который он разбил. Если бы мне попался тот, кто приказал ему это сделать, я бы его прикончил — предварительно поджарив живьем. Вот, взгляните!

Они стояли на склоне бывшего холма Утиный Ключ — точнее говоря, на том месте, где склон кончался, так как вершина холма была начисто срезана. Уайльд провел рукой по безукоризненно ровной поверхности.

— Какой «Дезинто»! — сказал он. — Срезал холм, как бритвой!

— Зачем он его построил?

Уайльд пожал плечами.

— Не знаю. Какой-то местный фактор — мы так и не узнаем какой — так подействовал на его позитронный мозг лунного образца, что он построил «Дезинто» из лома. У нас не больше одного шанса на миллион, что удастся когда-нибудь наткнуться на этот фактор, раз сам робот забыл. Второго такого «Дезинто» у нас никогда не будет.

— Неважно. Главное, мы отыскали робота.

— Как бы не так, — с горечью возразил инженер. — Вы когда-нибудь имели дело с «Дезинто» на Луне? Они жрут энергию, как электрические свиньи, и начинают работать не раньше, чем напряжение поднимется до миллиона вольт. А этот «Дезинто» работал на ином принципе. Я смотрел все обломки под микроскопом, и знаете, какой единственный источник питания я обнаружил?

— Какой?

— Вот, и больше ничего! И мы никогда не узнаем, как он этого добился!

И Остин Уайльд показал источник питания, позволивший «Дезинто» за полсекунды сбрить холм, — две батарейки от карманного фонаря.

Зеркальное отражение

Лидж Бейли только-только решил снова раскурить трубку, как дверь его кабинета внезапно распахнулась, причем в нее даже не постучали. Бейли раздраженно оглянулся — и уронил трубку. Он так и оставил ее валяться на полу, что ясно показывает, до какой степени он был удивлен.

— Р. Дэниил Олив! — воскликнул он в неопишемом волнении. — Черт побери, это же вы!?

— Вы совершенно правы, — ответил вошедший. Его загорелое лицо с удивительно правильными чертами оставалось невозмутимым. — Я очень сожалею, что потревожил вас, войдя без предупреждения, но ситуация весьма щекотливая, и чем меньше о ней будут знать другие люди и роботы, даже из числа ваших сослуживцев, тем лучше. Сам же я очень рад вновь увидиться с вами, друг Элидж.

И робот протянул правую руку жестом таким же человеческим, как и весь его внешний вид. Однако Бейли настолько растерялся, что несколько секунд недоуменно смотрел на протянутую руку, прежде чем схватил ее и горячо потряс.

— Но все-таки, Дэниил, почему вы тут? Конечно, я всегда рад вас видеть, но... Что это за щекотливая ситуация? Опять какие-нибудь всепланетные неприятности?

— Нет, друг Элиджи! Ситуация, которую я назвал щекотливой, на первый взгляд может показаться пустяком. Всего лишь спор между двумя математиками. Но поскольку мы совершенно случайно были на расстоянии одного броска до Земли...

— Значит, этот спор произошел на межзвездном лайнере?

— Вот именно. Пустячный спор, но для людей, в нем замешанных, это отнюдь не пустяк.

Бейли не сдержал улыбки.

— Я не удивлюсь, что поступки людей кажутся вам неожиданными. Люди ведь не подчиняются Трем Законам, как вы, роботы.

— Об этом можно только пожалеть, — с полной серьезностью ответил Р. Дэниел. — И кажется, сами люди неспособны понимать друг друга. Но вы, возможно, понимаете их лучше, чем люди, обитающие на других планетах, так как Земля населена гораздо гуще. Потому-то, мне кажется, в ваших силах нам помочь.

Р. Дэниел на мгновение умолк, а затем добавил, пожалуй, с излишней торопливостью:

— Однако некоторые правила человеческого поведения я усвоил достаточно хорошо и теперь замечаю, что нарушил требования элементарной вежливости, не спросив, как поживают ваша жена и ваш сын.

— Прекрасно. Парень учится в колледже, а Джесси занялась полетикой. Ну, а теперь все-таки скажите мне, каким образом вы здесь очутились.

— Я уже упомянул, что мы находились на расстоянии короткого броска до Земли, — сказал Р. Дэниел. — И я рекомендовал капитану обратиться за советом к вам.

— И капитан согласился? — спросил Бейли, которому как-то не верилось, что капитан межзвездного

лайнера решил сделать непредвиденную посадку из-за какой-то чепухи.

— Видите ли, — объяснил Р. Дэнвил, — он попал в такое положение, что согласился бы на что угодно. К тому же я всячески вас расхваливал, хотя, разумеется, говорил только правду, несколько не преувеличивая. И наконец, я взялся вести все переговоры так, чтобы ни пассажирам, ни команде не пришлось покидать корабля, нарушая тем самым карантин.

— Но что все-таки произошло? — нетерпеливо спросил Бейли.

— В числе пассажиров космолета «Эта Карины» находятся два математика, направляющиеся на Аврору, чтобы принять участие в межзвездной конференции по нейробиофизике. И недоразумение возникло именно между этими математиками — Альфредом Барром Гумбольдтом и Жиеннаном Себбетом. Может быть, вы, друг Элидж, слышали о них?

— Нет! — решительно объявил Бейли. — Я в математике ничего не смыслю. Послушайте, Дэнвил, — вдруг спохватился он. — Вы, надеюсь, не говорили капитану, что я знаток в математике или...

— Конечно нет, друг Элидж. Мне это известно. Но это не имеет значения, так как математика совершенно не связана с сутью спора.

— Ну ладно, валяйте дальше.

— Раз вы ничего о них не знаете, друг Элидж, я хотел бы сообщить вам, что донтор Гумбольдт — один из трех крупнейших математиков Галактики с давно установившейся репутацией. Доктор Себбет, с другой стороны, очень молод, ему нет еще и пятидесяти, но он уже заслужил репутацию выдающегося таланта, занимаясь наиболее сложными проблемами современной математики.

— Следовательно, оба — великие люди, — заметил Бейли. Тут он вспомнил про свою трубку и поднял

ее, но решил пока не закуривать. — Что же произошло? Убийство? Один из них втихомолку прикончил другого?

— Один из этих людей, имеющих самую высокую репутацию, пытается уничтожить репутацию другого. Если не ошибаюсь, по человеческим нормам это считается чуть ли не хуже физического убийства.

— В некоторых ситуациях — пожалуй. Ну, так кто же из них покушается на репутацию другого?

— В этом-то, друг Элидж, и заключается суть проблемы. Кто из них?

— Говорите же!

— Доктор Гумбольдт излагает случившееся совершенно четко. Вскоре после того, как космолет стартовал, он внезапно сформулировал принцип, который позволяет создать метод анализа нейронных связей по изменениям карты поглощения микроволн в отдельных участках коры головного мозга. Принцип этот опирается на механические тонкости, которых я не понимаю и, стало быть, не могу вам изложить. Впрочем, к делу это не относится. Чем больше доктор Гумбольдт размышлял над своим открытием, тем больше он убеждался, что нашел нечто, революционизирующее всю его науку, перед чем бледнеют все его прежние достижения. И тут он узнал, что на борту космолета находится доктор Себбет.

— Ага! И он обсудил свое открытие с юным Себбетом?

— Вот именно. Они уже встречались на конференциях и заочно были хорошо знакомы друг с другом. Гумбольдт подробно изложил Себбету свои выводы. Тот полностью их подтвердил и не скупился на похвалы важности открытия и таланту того, кто это открытие сделал. Тогда Гумбольдт, окончательно убедившись, что он стоит на верном пути, подготовил доклад с кратким изложением своего открытия и

через два дня собрался переслать его комитету конференции на Авроре, чтобы официально закрепить за собой приоритет, а кроме того, и выступить с подробным сообщением на самой конференции. К своему удивлению, он обнаружил, что и Себбет подготовил доклад примерно такого же содержания и тоже намеревается отправить его на Аврору.

— Гумбольдт, наверное, разъярился?

— Еще бы!

— А Себбет? Что говорит он?

— То же, что и Гумбольдт, слово в слово.

— Ну, так в чем же здесь трудность?

— В зеркальной перестановке имен. Себбет утверждает, что открытие сделал он, и что это он обратился за подтверждением к Гумбольдту, и что все было наоборот — это Гумбольдт согласился с его выводами и всячески их расхваливал.

— То есть каждый утверждает, что идея принадлежит ему, а другой ее украл? Я все-таки не вижу, в чем тут трудность. Когда речь идет о научных открытиях, достаточно просто представить подписанные и датированные протоколы исследований, после чего легко устанавливается приоритет. И даже если одни протоколы подделаны, это нетрудно обнаружить, выявив внутренние несоответствия.

— При обычных обстоятельствах, друг Элидж, вы были бы совершенно правы, но ведь тут речь идет о математике, а не об экспериментальных науках. Доктор Гумбольдт утверждает, что держал все необходимые данные в голове и ничего не записывал, пока не начал составлять вышеуказанный доклад. Доктор Себбет, разумеется, утверждает то же самое.

— Ну, в таком случае следует принять решительные меры, чтобы разом с этим покончить. Прозондируйте их психику и установите, кто из них лжет.

Р. Дэннил покачал головой.

— Друг Элидж, вы, по-видимому, не поняли, о ком идет речь. Оба они — члены Межгалактической академии, а потому все вопросы, касающиеся их профессионального поведения, правомочна решать только комиссия Академии. Если, конечно, они сами не согласятся добровольно подвергнуться проверке.

— Ну, так предложите им подвергнуться проверке. Виновный откажется, зная, чем грозит ему психологическое зондирование. Невинный, несомненно, согласится, и вам даже не придется прибегать к этой мере.

— Вы неправы, друг Элидж. Для таких людей дать согласие на подобную проверку — значит поступиться своим престижем. Несомненно, они оба откажутся только из гордости. И все прочее тут отступит на второе место.

— Ну, так ничего пока не делайте. Отложите решение вопроса до прибытия на Аврору. На этой нейробиофизической конференции, конечно, будет присутствовать такое число академиков, что избрать комиссию...

— Но это нанесет серьезный удар престижу самой науки, друг Элидж. И если скандал разразится, пострадают оба. Тень падет даже на невинного, потому что он позволил втиснуть себя в столь неблагоприятную историю. Все будут считать, что ему следовало бы покончить с ней тихо, не доводя дело до суда.

— Ну ладно. Я не академик, но постараюсь представить себе, что подобная точка зрения имеет под собой почву. А что говорят сами эти математики?

— Гумбольдт решительно не хочет скандала. Он говорит, что, если Себбет признается в присвоении этой идеи и не воспрепятствует ему передать тезисы или хотя бы сделать доклад на конференции, он не станет выдвигать никаких официальных обвинений. Неэтичный поступок Себбета останется тай-

ной, известной только им троице, включая капитана; никто из людей больше в эту историю не посвящен.

— А юный Себбет не соглашается?

— Наоборот, он во всем согласен с доктором Гумбольдтом — но с перестановкой имен, разумеется. Все то же зеркальное отражение.

— И значит, оба они, так сказать, в пату?

— Мне кажется, друг Элидж, что каждый ждет, чтобы другой не выдержал и признал свою вину.

— Ну, так пусть себе ждут.

— Капитан считает, что это невозможно. Видите ли, здесь есть два варианта. Либо оба будут упрямяться до посадки на Аврору, после чего неминуемо разразится академический скандал. И капитан, отвечающий за поддержание закона и порядка на своем лайнере, получит выговор за то, что не сумел уладить все без шума. А он об этом и слышать не хочет

— Ну, а второй вариант?

— Либо тот, либо другой признается в плагиате. Но будет ли признавшийся действительно виновным? Или он пойдет на это из благородного желания предотвратить скандал? А разве можно допустить, чтобы человек, готовый ради чести науки поступиться заслуженной славой, и в самом деле лишился этой славы? Или же в последний момент признается виновный, но так, чтобы создалось впечатление, будто он делает это исключительно из вышеупомянутых благородных побуждений, избежав таким образом позора и бросив тень на второго. Конечно, из людей знать об этом будет только капитан, но он не желает до конца своих дней мучиться мыслью, что невольным оказался пособником беспринципного плагиатора.

Бейли вздохнул.

— Так сказать, кто кого пересидит. Кто не выдержит первым по мере приближения к Авроре? Это все, Дэниел?

— Не совсем. У нас есть свидетели.

— Черт побери, почему же вы сразу не сказали? Какие свидетели?

— Камердинер доктора Гумбольдта...

— А, робот, наверное.

— Ну, конечно. Его зовут Р. Престон. Этот камердинер, Р. Престон, присутствовал при первом разговоре, и он подтверждает рассказ доктора Гумбольдта во всех частностях.

— То есть он говорит, что идея принадлежала доктору Гумбольдту, что доктор Гумбольдт изложил ее доктору Себбету, что доктор Себбет пришел от нее в восторг и так далее?

— Вот именно.

— Ага. Но это решает вопрос? Или нет? По-видимому, нет.

— Вы совершенно правы. Вопросы это не решает, потому что имеется второй свидетель. У доктора Себбета также есть камердинер, Р. Айд, также робот, в той же модели, что и Р. Престон, изготовленный в том же году на том же заводе. Оба прослужили у своих хозяев одинаковый срок.

— Странное совпадение... Очень странное.

— И тем не менее это факт, который, боюсь, затрудняет возможность сделать какие-либо выводы из различий между камердинерами.

— Следовательно, Р. Айд показывает то же самое, что Р. Престон?

— Абсолютно то же самое, за исключением зеркальной перестановки имен.

— Другими словами, Р. Айд утверждает, что юный Себбет, тот, которому еще не исполнилось пятидесяти, сам наткнулся на эту идею и что он изложил ее доктору Гумбольдту, который не скупился на похвалы, и так далее?

— Совершенно верно, друг Элидж.

— Из чего следует, что один из роботов лжет.

— По-видимому, да

— Ну, мне кажется, будет нетрудно решить, который из них лжет. Вероятно, опытный робо-психолог, сделав даже поверхностное обследование...

— К сожалению, друг Элидж, на борту лайнера нет робо-психолога, достаточно квалифицированного, чтобы вынести суждение по столь деликатному вопросу. Подобные исследования можно будет произвести, только когда мы достигнем Авроры, так как ни доктор Гумбольдт, ни доктор Себбет не согласятся остаться без камердинеров на срок, который требуется для обследования роботов земными специалистами.

— Но в таком случае, Даниил, я не совсем понимаю, чего вы хотите от меня.

— Я глубоко убежден, — невозмутимо сказал Р. Даниил, — что вы уже наметили какой-то план действий.

— Ах так? Ну, по-моему, в первую очередь следует поговорить с этими математиками, один из которых — плагиатор.

— Боюсь, друг Элидж, это неосуществимо. Они не могут покинуть лайнер из-за карантина. И по той же причине не можете явиться к ним вы.

— Да, конечно, Даниил, но я имел в виду беседу по видеофону.

— К сожалению, они вряд ли согласятся, чтобы их допрашивал простой полицейский следователь. Опять-таки вопрос престижа.

— Ну, с роботами-то я могу поговорить по видеофону?

— Это, я полагаю, можно будет устроить.

— Попробуем обойтись и этим. Значит, мне придется взять на себя функции робо-психолога-любителя.

— Но вы же сыщик, друг Элидж, а не робопси-холог.

— Ну, неважно. Только прежде, чем я увижусь с ними, давайте поразмыслим. Скажите, а не может ли быть так, что оба робота говорят правду? Например, разговор между математиками велся полунамеками. И каждый робот искренне верит, что идея принадлежала его хозяину. Или оба слышали лишь части разговора, причем разные, а в результате пришли к одному и тому же выводу.

— Исключено, друг Элидж. Оба робота повторяют разговор совершенно одинаково, если не считать главного противоречия.

— Значит, несомненно, что один из роботов лжет?

— Да.

— Можно мне будет получить копию показаний, дававшихся в присутствии капитана?

— Я предвидел, что копия может вам понадобиться, и захватил ее с собой.

— Вот и чудесно. А роботам была устроена очная ставка? И это отражено в протоколе?

— Роботы просто рассказали то, что им было известно. Устранять очную ставку правомочен только робопсиолог.

— А я?

— Вы — сыщик, друг Элидж, а не...

— Ну ладно, ладно, Дэниел. Подумаем-ка еще. При обычных обстоятельствах робот лгать не станет. Однако он солжет, чтобы не нарушить какой-нибудь из Трех Законов. Он может солгать, чтобы спасти себя в соответствии с Третьим Законом. Еще легче он солжет, чтобы выполнить распоряжение, полученное от человека, так как это соответствует Второму Закону. И он скорее всего солжет, если это понадобится для спасения человеческой жизни или если он та-

ким способом воспрепятствует тому, чтобы человеку был причинен вред — согласно Первому Закону.

— Совершенно верно.

— В данном случае каждый из этих роботов действительно защищает профессиональную репутацию своего хозяина и ради этого в случае необходимости, несомненно, будет лгать. Ведь профессиональная репутация тут почти эквивалентна жизни, и Первый Закон принудит его ко лжи.

— Однако такой ложью каждый камердинер будет вредить профессиональной репутации другого математика, друг Элидж.

— Да, пожалуй. Но ведь репутация хозяина может представляться ему более значимой и важной, чем репутация любого другого человека. И в этом случае, с его точки зрения, ложь принесет намного меньше вреда, чем правда.

Сказав это, Лидж Бейли умолк и задумался. Затем он продолжил:

— Ну, хорошо. Так вы мне дадите возможность побеседовать с роботами? Я думаю, лучше будет начать с Р. Айда.

— Робота доктора Себбета?

— Да.

— Ну, так подождите минутку, — сказал Р. Дэнвилл. — Я захватил с собой микроприемник, соединенный с провектором. Мне потребуется только белая стена. Вот эта вполне подойдет, если вы разрешите мне отодвинуть ящики с картотекой.

— Валяйте. Мне что, нужно будет говорить в микрофон?

— Нет. Вы сможете говорить так, словно ваш собеседник находится перед вами. Но извините, друг Элидж, мне придется еще немножко вас задержать. Я должен сперва связаться с космолетом и вызвать Р. Айда к передатчику.

— Ну, в таком случае, Дэннил, может, вы мне пока дадите копии протоколов?

Пока Р. Дэннил налаживал оборудование, Лидж Бейли, закурив трубку, принялся перелистывать протоколы, которые передал ему робот.

Через несколько минут Р. Дэннил сказал:

— Р. Айд ждет вас, друг Элидж. Но, может быть, вы хотели бы еще несколько минут посвятить протоколам?

— Нет,— вздохнул Бейли.— Ничего нового я в них не нахожу. Включайте передатчик и последите, чтобы наш разговор записывался.

На стене появилось двумерное изображение Р. Айда. В отличие от Р. Дэннила он вовсе не походил на человека и был сделан из металла. Он был высок, но состоял из нескольких блоков и мало чем отличался от обыкновенных роботов. Бейли заметил только несколько мелких отклонений от привычного стандарта.

— Добрый день, Р. Айд,— сказал Бейли.

— Добрый день, сэр,— ответил Р. Айд негромким и совсем человеческим голосом.

— Ты камердинер Дженнана Себбета, не так ли?

— Да, сэр.

— И давно ты у него служишь?

— Двадцать два года, сэр.

— И репутация твоего хозяина для тебя важна?

— Да, сэр.

— Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

— Да, сэр.

— Наравне с его жизнью?

— Нет, сэр.

— Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Айд сказал:

— Тут не может быть общего ответа, сэр. В каж-

дом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли помолчал, собираясь с мыслями. Этот робот рассуждал много тоньше и логичнее, чем те, с которыми ему приходилось иметь дело до сих пор. И он вовсе не был уверен, что сумеет расставить ему ловушку. Бейли сказал:

— Если бы ты решил, что репутация твоего хозяина важнее репутации другого человека, например Альфреда Гумбольдта, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию твоего хозяина?

— Да, сэр.

— Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Гумбольдтом?

— Нет, сэр.

— Но если бы ты солгал, ты отрицал бы это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

— Да, сэр.

— В таком случае, — сказал Бейли, — рассмотрим ситуацию поподробнее. Твой хозяин, Дженнан Себбет, имеет репутацию замечательного математика, но он еще очень молод. Если доктор Гумбольдт сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Но у него впереди вся жизнь, и он сумеет искупить свой поступок. Его ждет много блестящих открытий, и со временем все забудут про эту попытку плагиата, объяснив ее опрометчивостью, свойственной молодым людям. То есть для него все еще поправимо. Если же, с другой стороны, искушению поддался доктор Гумбольдт, то положение создается гораздо более серьезное. Он уже стар, и главные его свершения относятся к прошлому. До сих пор его репутация оставалась незапятнанной. И этот единственный проступок на склоне лет зачеркнет все его славное прошлое, а у

него не будет времени поправить дело. За остающиеся ему годы он вряд ли сумеет сделать что-нибудь значительное. По сравнению с твоим хозяином доктор Гумбольдт теряет гораздо больше, а возможностей поправить случившееся у него гораздо меньше. Таким образом, ты видишь, что положение доктора Гумбольдта намного более серьезно и чревато, несомненно, более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Айд сказал ровным голосом:

— Мои показания были ложью. Работа принадлежит доктору Гумбольдту, а мой хозяин попытался присвоить ее, не имея на то права.

— Прекрасно, — сказал Бейли. — По распоряжению капитана корабля ты не должен никому ничего говорить о нашей беседе, пока тебе не будет дано на это разрешение. Можешь быть свободен.

Экран померк, и Бейли, затянувшись, выпустил клуб дыма.

— Капитан все слышал, Дэниил?

— Разумеется. Он единственный свидетель, не считая нас.

— Очень хорошо. А теперь давай другого робота.

— Но зачем, друг Элидж? Ведь Р. Айд во всем признался!

— Нет, это необходимо. Признание Р. Айда ничего не стоит.

— Ничего?

— Абсолютно ничего. Я объяснил ему, что доктор Гумбольдт находится в худшем положении, чем его хозяин. Естественно, если он лгал, защищая Себбета, то тут он сказал бы правду, как он и утверждает. Но если он говорил правду раньше, то теперь он солгал бы, чтобы защитить Гумбольдта. Это по-прежнему зеркальное отражение, и мы ничего не добились.

— Но в таком случае чего мы добьемся, допросив Р. Престона?

— Если бы зеркальное отражение было абсолютно точным, мы ничего не добились бы. Но одно различие существует. Ведь кто-то из роботов начал с того, что сказал правду, а кто-то солгал. И вот тут симметрия нарушена. Давайте-ка мне Р. Престона, а если запись допроса Р. Айда готова, я хотел бы ее посмотреть.

На стене вновь появилось изображение. Р. Престон ничем не отличался от Р. Айда, если не считать узора на грудной пластине.

— Добрый день, Р. Престон, — сказал Бейли, держа перед собой запись допроса Р. Айда.

— Добрый день, сэр, — сказал Р. Престон. Голос его ничем не отличался от голоса Р. Айда.

— Ты камердинер Альфреда Гумбольдта, не так ли?

— Да, сэр.

— И давно ты у него служишь?

— Двадцать два года, сэр.

— И репутация твоего хозяина для тебя важна?

— Да, сэр.

— Ты считаешь необходимым защищать его репутацию?

— Да, сэр.

— Наравне с его жизнью?

— Нет, сэр.

— Наравне с репутацией какого-нибудь другого человека?

После некоторого колебания Р. Престон сказал:

— Тут не может быть общего ответа, сэр. В каждом подобном случае решение будет зависеть от конкретных обстоятельств.

Бейли сказал:

— Если бы ты решил, что репутация твоего хо-

заяна важнее репутации другого человека, например Дженнана Себбета, ты бы солгал, чтобы защитить репутацию твоего хозяина?

— Да, сэр.

— Солгал ли ты, давая показания о споре твоего хозяина с доктором Себбетом?

— Нет, сэр.

— Но если бы ты солгал, ты отрицал бы это, чтобы скрыть свою ложь, не так ли?

— Да, сэр.

— В таком случае, — сказал Бейли, — рассмотрим ситуацию подробнее. Твой хозяин, Альфред Гумбольдт, имеет репутацию замечательного математика, но он старик. Если доктор Себбет сказал правду и твой хозяин, не устояв перед искушением, действительно совершил неэтичный поступок, его репутация, конечно, несколько пострадает. Однако его почтенный возраст и замечательные открытия, которые он делал на протяжении столетий, перевесят этот единственный неверный шаг и заставят забыть о нем. Эта попытка плагиата будет объяснена утратой чувства реальности, свойственной старикам. Если же, с другой стороны, искушению поддался доктор Себбет, то положение создается гораздо более серьезное. Он молод, и репутация его не столь прочна. При обычных обстоятельствах его ждали бы столетия, чтобы он мог совершенствовать свои знания и делать великие открытия. Теперь же он будет всего этого лишен — из-за единственной ошибки молодости. Будущее, которое он теряет, несравненно больше, чем то, которое еще осталось твоему хозяину. Таким образом, ты видишь, что положение Себбета намного более серьезно и чревато, несомненно, более опасными последствиями, не так ли?

Наступила долгая пауза. Затем Р. Престон сказал ровным голосом:

— Мои показания были ло...

Внезапно он умолк и больше не издал ни звука.

— Так что же ты хотел сказать, Р. Престон? — спросил Бейли.

Робот молчал.

— Боюсь, друг Элидж, — вмешался Р. Дэниел, — что Р. Престон находится в состоянии полного отключения. Он вышел из строя.

— Наконец-то мы добились асимметричности, — сказал Бейли. — Теперь мы можем установить, кто виновен.

— Каким же образом, друг Элидж?

— А вот подумайте. Предположим, я — человек, который не совершил преступления, что известно моему личному роботу. Мне не нужно предпринимать никаких действий. Мой робот скажет правду и подтвердит мои слова. С другой стороны, если я — человек, который совершил преступление, мне будет нужно, чтобы мой робот солгал. А это сопряжено с определенным риском: хотя робот в случае необходимости и солжет, стремление сказать правду окажется достаточно сильным. Другими словами, правда оказывается намного надежнее лжи. Чтобы обезопасить себя, человек, совершивший преступление, скорее всего прикажет роботу солгать. В результате Первый Закон будет подкреплён Вторым Законом, и, возможно, в значительной степени.

— Это выглядит логичным, — заметил Р. Дэниел,

— Предположим, мы имеем по одному роботу каждого типа. Один из них переключится с ничем не подкреплённой правды на ложь. И проделает это после некоторых колебаний без каких-либо неприятных последствий. Второй робот переключится с сильно подкреплённой лжи на правду, но при этом он рискует сжечь позитронные связи своего мозга и впасть в состояние полного отключения.

— А поскольку Р. Престон впал в состояние полного отключения...

— Значит, хозяин Р. Престона, доктор Гумбольдт, виновен в плагиате. Если вы передадите это капитану и рекомендуете ему немедленно переговорить с доктором Гумбольдтом, тот, возможно, во всем сознается. В таком случае, я надеюсь, вы мне немедленно об этом сообщите.

— Непременно. Вы меня извините, друг Элидж? Я должен поговорить с капитаном без свидетелей.

— Ну, конечно. Пройдите в зал заседаний, он полностью экранирован.

Р. Дэниил вышел, а Бейли обнаружил, что не в состоянии ничем заняться. Он волновался. Слишком многое зависело от правильности его анализа, а он остро чувствовал, как мало знает о психологии роботов.

Р. Дэниил вернулся через полчаса, и эти полчаса были, пожалуй, самыми длинными в жизни Бейли.

Разумеется, по невозмутимому лицу робота, несмотря на все его сходство с человеком, нельзя было ни о чем догадаться, и Бейли также постарался сохранять полную невозмутимость, когда спросил:

— Ну, так что же, Дэниил?

— Все произошло, как вы сказали, друг Элидж. Доктор Гумбольдт признался. По его словам, он рассчитывал, что доктор Себбет отступит и позволит ему насладиться этим последним триумфом. Теперь дело улажено, и капитан просил передать вам, что он в восторге. И думаю, мне тоже зачтется, что я рекомендовал вас.

— Вот и хорошо, — сказал Бейли, который теперь, когда все окончилось благополучно, вдруг почувствовал, что еле держится на ногах. — Но, черт побери, Дэниил, не впутывайте меня больше в такие истории, ладно?

— Постараюсь, друг Эльдж. Разумеется, дальнейшее будет зависеть от того, насколько важной окажется проблема, от вашего местонахождения в тот момент и от некоторых других факторов. Однако мне хотелось бы задать вам один вопрос...

— Валяйте.

— Разве нельзя было предположить, что переход от лжи к правде должен быть легким, а переход от правды ко лжи — трудным? Это означало бы, что полностью отключившийся робот собирался вместо правды сказать ложь, а так как полностью отключился Р. Престон, то это означало бы, что виновен не доктор Гумбольдт, а доктор Себбет, не так ли?

— Совершенно верно, Дэниел. Можно было бы рассуждать и таким образом, но правильным оказалось обратное предположение. Ведь Гумбольдт-то признался. Разве нет?

— Да, конечно. Но раз оба эти построения были равно возможны, каким образом вы, друг Эльдж, так быстро сделали свой выбор?

Губы Бейли задергались. Он не выдержал и улыбнулся.

— Дело в том, Дэниел, что я исходил из психологии людей, а не роботов. В людях я разбираюсь лучше, чем в роботах. Другими словами, еще до того, как я стал допрашивать роботов, я довольно точно представлял себе, кто из математиков виновен. Когда же мне удалось добиться асимметричной реакции роботов, я истолковал ее как доказательство вины того, в чьей виновности я уже не сомневался. Реакция робота была настолько эффективной, что виновный человек не выдержал и сознался. А одним только анализом человеческого поведения я вряд ли сумел бы этого добиться.

— Мне хотелось бы узнать, что именно дал вам анализ человеческого поведения.

— Черт побери, Дэниил, подумайте немножко, я вам незачем будет спрашивать. В этой истории с зеркальными отражениями была еще одна асимметричность, помимо момента правды и лжи. А именно возраст двух математиков, один из которых — глубокий старик, а другой еще очень молод.

— Да, конечно, но что из этого следовало?

— А вот что. Я могу представить себе, что молодой человек, ошеломленный открытием совершенно нового принципа, поторопится поделиться им с маститым ученым, которого он еще на студенческой скамье привык почитать как великое светило. Но я не могу себе представить, чтобы маститый ученый, всемирно прославленный, привыкший к триумфам, открыв совершенно новый принцип, поторопился бы поделиться им с человеком, который моложе его на двести лет и которого он, несомненно, считает желторотым юнцом. Далее. Если бы молодому человеку и представился случай украсть идею у прославленного светила, стал бы он это делать? Ни в коем случае. С другой стороны, старик, сознающий, что способности его угасают, мог бы многим рискнуть ради последнего триумфа, искренне считая, что у него нет никаких этических обязательств по отношению к тому, в ком он видел молокососа и выскочку. Короче говоря, было бы невероятно, чтобы Гумбольдт представил свое открытие на суд Себбета или чтобы Себбет украл идею Гумбольдта. Виновным в любом случае оказывался доктор Гумбольдт.

Р. Дэниил довольно долго раздумывал над услышанным. Потом он протянул Лиджу Бейли руку.

— Мне пора, друг Элидж. Было очень приятно познакомиться с вами. И надеюсь, до скорой встречи.

Бейли сердечно потряс протянутую руку.

— Если можно, Дэниил, — не до очень скорой.

Содержание

Люди и роботы	5
КОГДА ТРЕХ ЗАКОНОВ ЕЩЕ НЕ БЫЛО	
Здесь нет никого, кроме... <i>Пер. Р. Рыбаковой</i> . . .	13
Я, РОБОТ	
Робби, <i>Пер. А. Норданского</i>	35
Хоровод, <i>Пер. А. Норданского</i>	63
Логика, <i>Пер. А. Норданского</i>	89
Как поймать кролика, <i>Пер. А. Норданского</i>	114
Лжец, <i>Пер. А. Норданского</i>	142
Как потерялся робот, <i>Пер. А. Норданского</i>	163
Выход из положения, <i>Пер. А. Норданского</i>	205
Улени, <i>Пер. А. Норданского</i>	238
ЕЩЕ О РОБОТАХ	
Первый Закон, <i>Пер. Г. Орлова</i>	271
Раб корректуры, <i>Пер. Ю. Эстина</i>	276
Женская интуиция, <i>Пер. М. Таймановой</i>	327
Робот ЭЛ-76 попадает не туда, <i>Пер. с Норданского</i>	360
Зеркальное отражение, <i>Пер. В. Гуровой</i>	379

А. Азимов

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

Научный редактор И. Г. Гурова
Мл. научный редактор М. А. Харузян
Художник Ю. А. Ващенко
Художественный редактор Л. Е. Беарученков
Технический редактор Н. Д. Толстякова

Корректор К. Л. Водяникова

ИБ № 2117

Сдано в набор 29.03.79. Подписано к печати
05.06.79. Формат 70×100^{1/2}. Бумага кн. журн.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Объем
6,25 бум. л. Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 16,86.
Изд. № 1210680. Тираж 75 000 экз. Зак. 251.
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Мир»

Москва, 1-й Рижский пер., 2.

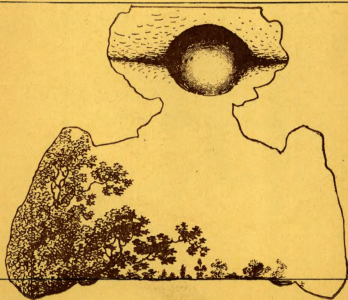
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграф-
прома при Государственном комитете СССР по
делам издательства, полиграфии и книжной тор-
говли, 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Зарубежная

фантастика

1 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МИР • МОСКВА